

Роберт ГОВАРД

КОГОТЬ ДРАКОНА

Сага лунных башен

Роберт И. Говард

КОГОТЬ ДРАКОНА

Сага
лунных башен

"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Г 57

Говард Р. И.

Г57 Коготь дракона: Сага лунных башен: Повести и рассказы. / Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1999. — 432 с.
ISBN 5-87365-060-8

Много опасностей выпадает на долю искателей приключений. Однако ни отравленный клинок, ни древние демоны, ни зловещее проклятие не могут их остановить. Битва — их стихия, а потому бесстрашные воины, вставшие на защиту закона, непобедимы.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

Издательство выражает благодарность David Wynn за предоставленные редкие прижизненные издания Роберта И. Говарда и архивные материалы

© Ken Kelly, 1989
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

ISBN 5-87365-060-8

ДОБРЫЙ РЫЦАРЬ

К

огда мой менеджер, Джон Рейнолдз, заявил:

— Крошка, теперь правила игры на ринге меняются, и мы постараемся сделать из тебя джентльмена! — Он был крайне удивлен моей реакцией на эти слова, потому что я заревел, как зверь, и запустил в него стулом!

Однако вскоре он понял причину моего возмущения,

и надеюсь, поймете и вы. Видите этот шрам у меня на голове? Такова цена благородства — по крайней мере, в моем случае! А началось все с того, что Джек бросил меня в каком-то небольшом городке на Западном побережье, а сам отправился в Нью-Йорк: он намеревался устроить мне поединок в Гардене. Ему очень хотелось, чтобы я сразился с Лопесом, «Кубинской Тенью». Победа над этим исключительно сильным парнем существенно подняла бы мой престиж. Правда, я никогда не дрался на Востоке, и все сомневались в моих способностях. Джек оставил меня на попечение Эйба Гарфинкла, вероятно полагая, что этот ненормальный избавит меня от неприятностей! Перед отъездом менеджер наказал мне в его отсутствие ничего не предпринимать, не подписывать никаких бумаг, не встречать ни в какие потасовки. На прощание он с веселой улыбкой заявил, что не сомневается, вернувшись, найти меня в тюрьме! Непростительное поведение Джека меня взбесило: я полагал, что сам могу о себе позаботиться! После нескольких безуспешных попыток как-то развлечься, Эйб предложил заглянуть в публичную библиотеку и немного просветиться. Ладно! Я не из тех дураков, для которых книги существуют только затем, чтобы заполнять пустые полки. Но хитрый Эйб настоял на том, что сам подберет для меня необходимое чтение. Мне хотелось взять книжку о пиратах или индейцах, но он выбрал другую — по его мнению, она поможет мне приобрести более благородные манеры. Чтобы не

ссориться с ним, я пролистал ее, и она меня заинтересовала. Там рассказывалось о рыцарях, людях, живших много столетий назад, еще до Гражданской войны! Эти парни носили бойцовские одежды, сплетенные из стальной проволоки, а на головах — тазы для мытья посуды! В основном им приходилось спасать лишившихся чувств девиц и перебрасывать через себя драконов и прочих гадов, расправляясь с ними мясницкими ножами!

Был среди них рыцарь по имени Галахад, настоящий чемпион! Он дрался с любыми противниками — от легковесов до тяжеловесов — и побеждал всех! Одолеть его не мог никто! Но больше всего меня заинтересовало вот что: он был любителем, то есть никогда не ограничивал себя правилами! И еще — думаю, если бы кто-то предложил ему за деньги сняться в кино, он считал бы это страшным оскорблением! Ему было наплевать на деньги! Галахада интересовали девицы, то и дело попадавшие в разные скверные истории. Заслышав, как какая-нибудь красotka взывает о помощи, он устремлялся вперед и немедленно вмешивался в события! Бух! Бах! Тарарах! Один-другой нокаут, и сэр Галахад возвращал хрупкое создание ее родным, вежливо кланялся и быстро удалялся на белом жеребце навстречу новым героическим подвигам! Этот рыцарь просто потряс меня! Возвратив книгу, я глубоко вздохнул и вышел на улицу, чувствуя себя исполненным такого же благородства! Я тоже был борцом! И живи я в то время, держу пари, Галахаду пришлось бы по-

бороться за титул чемпиона! Погруженный в размышления, я не заметил, как оказался неподалеку от спортивного клуба И вдруг из его дверей, плача и прижимая руку к глазу, выскочила девушка. Вот он — повод для подвига! Передо мной девушка, которую кто-то обидел! Галахад не упустил бы подобного случая, но, черт подери, Крошка Аллисон тоже не ударит лицом в грязь!

«Итак,— сказал я себе,— есть возможность доказать, что я — джентльмен! Джеку Рейнолду будет чем гордиться!»

Я снял шляпу и так стремительно бросился к девушке, что сбил при этом мусорную урну.

— Мисс, могу ли я чем-нибудь помочь вам?

Она взглянула на меня одним глазом, а под другим я увидел отчетливый след мужского кулака. Девушка несколько раз всхлипнула и промокнула здоровый глаз крошечным носовым платочком. Должен заметить, что этот глаз был серым, а личико девушки обрамляли черные кудри, то есть выглядела она вполне привлекательной.

— Какую ошибку я совершила! — воскликнула она.

— Мисс,— произнес я, выпятив грудь,— покажите мне вонючего мерзавца, который совершил этот презренный поступок, и от него останется только мокрое место!

Девушка презрительно рассмеялась.

— Полегче на поворотах, мальчик! Тип, который ударил меня, не кто иной, как Бат Брелен!

Я не успел должным образом на это отреагировать, потому что она внимательно посмотрела на меня и произнесла:

— Эй! Да ты и сам не из слабаков! Уж не Крошка ли ты Аллисон?

При моем утвердительном ответе ее глаза загорелись опасным огнем.

— Я однажды видела тебя на ринге! Ты крепкий и увертливый малый! Если кто-то и может побить Бата, так это ты! Он, толстая задница, пригласил меня, а сам начал ухлестывать за какой-то блондинкой! Когда я выразила свое возмущение, он подбил мне глаз! Ну, я покажу ему, что Кэтрин Флинн голыми руками не возьмешь! Врежь ему как следует, а уж я в долгу не останусь!

— Деньги мне не нужны! — с достоинством ответил я.— Сознание, что я защищаю беспомощную женщину, для меня уже достаточная плата! Подождите здесь — и через пару минут у ваших ног будет валяться бездыханная туша этого подлеца!

— Нет! — Мисс Флинн схватила меня за руку.— Там с ним все его дружки. Если вы один пойдете туда, они просто выкинут вас в окошко!

— Тогда подождите, пока я приведу своих удалцов,— предложил я, но она опять запротестовала.

— Нет! Если его побьет шайка головорезов, его репутация ничуть не пострадает, а я хочу именно этого! Я хочу, чтобы он был опозорен перед болельщиками! Я хочу, чтобы рефери считал над ним, а толпа радостными криками на-

граждала бы человека, который смог уложить Бата!

Черт возьми! В ее словах было столько злобы, что я мог только догадываться, до чего же крепко насолил ей этот Бат!

— А теперь слушай! — Кэтрин распалялась все больше и больше. — Сегодня вечером Бат дерется с Донованом в местном клубе... Ты действительно хочешь помочь мне или просто так сболтнул?

— Это чистая правда, мисс Флинн, — поклялся я. — Помочь леди, попавшей в беду, — первый долг мужчины!

— Ладно! — решительно произнесла Кэтрин. — Сделаем все, чтобы Донован быстро выдохнулся и не смог сражаться с Батом, тогда ты заменишь его и вытряхнешь из этой скотины все потроха! Вперед!

Она схватила меня за руку и потащила под навес, где был припаркован небольшой родстер. Когда мы сели в машину, Кэтрин заметила, что Донован, наверное, уже в пути.

Должен признаться, автомобиль он водит лихо. Сбравшись с мыслями, я спросил ее о Брелене.

— А! — беззаботно ответила она. — Просто огромный болван, он появился в прошлом месяце неизвестно откуда и выиграл несколько боев. Ему удалось победить многих местных знаменитостей, но для боксера с такой репутацией, как у тебя, это ровно ничего не значит!

— Ну, хорошо, а как мы заставим этого придурка Донована выдохнуться раньше времени?

— А вот это уже твоя забота!

Пока я обдумывал всякие способы и средства, мы выехали из города. Впереди нас по дороге шагала огромная гора — настоящая гора!

— Вот повезло! — воскликнула Кэтрин. — Донован собственной персоной, и он один!

Мы вихрем промчались мимо этого человека, но я все же успел заметить мощные бычьи плечи, квадратное лицо типичного ирландца, приплюснутый нос и злобно искривленный рот. За поворотом девушка остановила машину и командовала:

— Быстро! Вылезай и поговори с ним! Да смотри, будь дипломатом!

Я послушно покинул машину, пошел назад и уже почти у поворота нос к носу столкнулся с Донованом. Теперь я мог рассмотреть верзилу достаточно близко. От одной только мысли, что сейчас мне предстоит в чем-то убеждать этого буйвола с оттопыренными, как у слона, ушами, напоминавшими изгрызенные капустные листья, я слегка похолодел. Весь его вид говорил о невероятном упрямстве. Я глубоко вздохнул и приступил к дипломатическим переговорам:

— Эй, ты! Остановись-ка, парень! Мне нужно с тобой потолковать!

— Ладно, только в темпе, — проворчал он. — Мне некогда болтать со всякими проходимцами!

— Что же, ближе к делу! Мне нужно, чтобы ты закончил сегодняшний поединок...

— Сколько? — сердито прервал меня Донован.

— Плата умеренная, у меня всего пятнадцать баксов!

— Посторонись, парень! — огрызнулся он. — Я получаю за каждый бой сто пятьдесят!

— Ну, за такие деньги тебя, конечно, прилично вздуют, а тут есть возможность сделать доброе дело для одной леди!

— Ха, ха, ха! — заревел он. — Какая чепуха! Посторонись, пока я не вытер об тебя ноги!

Увидев, что тонкое, дипломатичное отношение на него совершенно не действует, я пришел в ярость и, потеряв над собой контроль, изо всей силы ударил его в мягкий живот. Донован взревел, как взбесившийся слон, и двинулся на меня всей своей тушей. Словом, танец начался!

На ринге я бы мог врезать ему по ребрам, оставшись сам невредимым, но здесь не было рефери, Донован решил, что имеет право пустить в ход все свои бесчисленные противозаконные приемчики. Впрочем, чего еще можно было ожидать от такого болвана! После правого хука, рассекшего ему ухо, он бросился на меня, и мы оба рухнули в пыль. Весовое преимущество почти в пятьдесят фунтов, конечно, помогало Доновану, и, пока я мешал ему отгрызть мое ухо, он основательно врезал мне в глаз. Я ответил ему апперкотом и дополнительно вонзил колено в живот, но он после отчаянно-кровожадного хука огромными, как окорока, руками схватил меня за горло, сжимая его, словно стальными тисками. Только я подумал, какой я все же дурак, как Донован отпустил мое горло и рухнул на спину с открытым ртом и закатывшимися глазами. Оказывается, Кэтрин, наблюдавшая за нами, подкралась сзади и, оце-

нив ситуацию, треснула его по голове своей увесистой сумочкой.

— Вечером ты должен действовать лучше, — предупредила она.

— Там будет рефери, который не позволит Брелену брыкаться и кусаться, — огрызнулся я и в последней степени раздражения изо всех сил ткнул лежащего Донована под ребро.

— Он уже приходит в себя, но, держу пари, сегодня вечером на ринг не выйдет! Кстати, а что у тебя в сумочке?

— Утюг! — объяснила она. — Идем! Я знакома с распорядителем боев и теперь с чистой совестью могу порекомендовать тебя!

Спустя некоторое время я уже выплясывал на тренировочном ринге, готовясь к схватке с Батом. — Как насчет душа? Хотелось бы освежиться после разминки! — крикнул я крутившемуся поблизости Эйбу.

— С какой стати ты разминаешься? Разве Рейнолдз не предупреждал тебя — ни в коем случае не усердствовать в его отсутствие? Ты же можешь перетренироваться!

— Чушь! — весело ответил я. — Сегодня вечером у меня бой!

— Идиот белобрысый! — выкрикнул Эйб. — Мало тебе сегодняшней стычки! А с кем вечером-то будешь драться?

— С местной знаменитостью по имени Брелен. — Я в очередной раз ударил по груше. — Приготовь мои «счастливые» красные трусы!

— Что за тип этот Брелен? — поинтересовался Эйб.

— Откуда я знаю? — несколько раздраженно ответил я. — У меня нет времени на изучение родословной всех ублюдков, которых я должен уложить. Я вообще не стал бы встревать в эту драку, если бы не принцип!

Эйб мрачно огляделся, что-то пробормотал, а я, не обращая на него внимания, продолжал тренироваться, так что ко времени начала схватки был во всеоружии.

Кэтрин, ожидавшая нас в зале, прошептала:

— Быстро прошмыгните к заднему выходу. Я уговорила менеджера выпустить тебя в последний момент! Бат все еще считает, что будет драться с Донованом, и уверен, что этого слякотя он уложит одной левой!

Мы с Эйбом, Рэд Дартс, Хейни Стейнман и остальная моя свита проскользнули в дальнюю раздевалку, где вскоре появился и менеджер. Он нервничал и буквально обливался потом.

— Ума не приложу, что со мной сделает Бат, когда узнает о моем участии в этой подлянке!

— Скажешь, что по состоянию здоровья Донован не может выйти на ринг и тебе пришлось произвести замену, вот и все! — утешала его Кэтрин.

— Да, но Бат рассердится, что я не предупредил его раньше!

— Да не волнуйся ты! Когда этот парень уложит Бата, ему будет не до того, чтобы кого-то бить! Пусть думает, что Донован отказался в последний момент! Не бойся, тебе же так повезло: большинство менеджеров отдали бы что

угодно, лишь бы Крошка Аллисон хоть раз выступил на их ринге!

— Ну, ладно. — Менеджер вздохнул, утирая пот на лысине. — Бат уже на ринге! Вперед!

Мисс Флинн схватила меня за руку и прошептала:

— Я буду сидеть в первом ряду и болеть за тебя, Крошка! Всыпь Бату под первое число! Если ты победишь, я буду тебя ждать после поединка!

— Кэтрин! — Я чувствовал необычайный подъем. — Дух сэра Галахада не даст мне проиграть!

Когда мы шли за менеджером к рингу, Эйб шепнул мне на ухо:

— Послушай, что ты затеял? Как ей удалось уговорить тебя? Ты действительно собираешься драться с этим оболтусом за несчастные сто пятьдесят баксов?

— Замолчи, слабоумная крыса! Я делаю это не из-за денег! Есть вещи более существенные!

Эйб тихо застонал, как подбитый лось, и что-то горестно пробормотал себе под нос. Его слова потонули в восторженном реве болельщиков. Публика уже поняла, что это не Донован, а некоторые узнали меня. Юркнув под канат вслед за распорядителем, я бросил взгляд на парня, спокойно стоявшего в противоположном углу ринга. Я застыл как вкопанный, раскрыв от удивления рот, а Эйб Гарфинкл выронил губку и тихо взвыл.

— Ни одного шрама! И это местный? Господи, Крошка, во что ты вляпался?

— Да заткнись же ты! — огрызнулся я, ничуть не сомневаясь в своих силах. — Все равно я его одолею!

Человек, стоящий в углу ринга, был никакой не Бат Брелен. Нет, это был сам «Воинственный» Уэрли, первоклассный тяжеловес, нокаутировавший рекордное количество соперников на территории Большого Каньона. Я видел его в деле. На Восточном побережье его дисквалифицировали за нечестную борьбу. Западным любителям бокса он не был хорошо известен, поэтому, не опасаясь разоблачения, спокойно стоял в углу, хлопывая перчаткой по перчатке, пока распорядитель выполнял обычные формальности. Этот бой был для него пустячным развлечением! Легкие деньги и никакого риска! Уэрли сражался здесь под вымышленным именем, потому что Калифорнийская квалификационная комиссия работала рука об руку с Нью-Йоркской и, конечно, узнав его настоящее имя, немедленно отстранила бы его от участия в боях. Эти мысли мелькнули в моей голове, пока я смотрел на своего соперника, и я не сразу почувствовал, что Эйб тянет меня за руку, словно пытаясь оторвать ее.

— Бой надо отменить! — решительно произнес он. — Я не позволю тебе драться с этим убийцей! Он же оторвет тебе уши! Где репортеры? Я все расскажу! Я испорчу представление!

— Заткнись! — рявкнул я, приходя в себя. — У нас нет пути назад, а это, по крайней мере, шанс всей моей жизни! Джек месяцами пытался соблазнить некоторых первоклассных боксеров

любых категорий сразиться со мной на ринге, а этот огромный бродяга сам идет мне в руки! Вот когда я разделаюсь с ним, мы и сообщим газетчикам, кто он такой. Для меня это будет неплохой рекламой!

— Он же дисквалифицирован! — простонал Эйб. — Участвуя в бою, ты обманываешь квалификационную комиссию!

— Я дерусь с Батом Бреленом, — возразил я, — и вовсе не обязан знать его в лицо! Комиссия ничего не сделает мне за поединок с каким-то Бреленом! А рассказывать его историю мы сами не будем, за нас это сделают репортеры. Наверняка отчет об этой схватке попадет в газеты!

— Но, если он побьет тебя, мы погибли! — причитал Эйб, хватаясь за волосы. — Наши спонсоры откажутся финансировать нас!

— У нас есть шанс, и мы должны им воспользоваться, — ворчал я, стараясь превозмочь свою неуверенность. — Во всяком случае, я дерусь не ради тебя или себя, и даже не ради Рейнолдза! Я дерусь из принципа, как и сэр Галахад!

Сквозь бессвязное бормотание Эйба до меня донеслось сердитое ворчание Бата:

— Что за черт? Это же не Донован, а Крошка Аллисон! Разве я с ним должен драться?

— Донован в последнюю минуту на тренировке повредил запястье, Бат. — Менеджер, обращаясь к нему, усердно вытирал лысину и лоб. — Крошка в это время разминался в зале и сразу согласился заменить его.

Уэрли тихо выругался, явно недовольный сложившейся ситуацией. Конечно, у него не

было сомнений, что он одолеет меня, но за те же сто пятьдесят баксов ему придется потрудиться, а этого он не любил! Но мы оба уже были на ринге, толпа весело шумела, предвкушая удовольствие, и отступать уже было просто неприлично. Уэрли не только отличался упрямством и несговорчивостью, но и тщеславием, как все выскочки, и знал, что в случае отказа от боя будет осыпан градом насмешек и оскорблений болельщиков, а этого он не мог допустить! Поэтому, он лишь коротко кивнул, и распорядитель, повернувшись к зрителям, взмахом руки успокоил толпу и пронзительно заорал:

— Леди и джентльмены! С сожалением должен объявить вам, что Донован, который сегодня должен был сражаться в десяти раундах с Батом Бреленом, на тренировке получил травму и не смог выйти на ринг. Однако, чтобы не разочаровывать вас, мы произвели замену. Мы нашли достойного противника нашему парню. На ринге Крошка Аллисон, некоронованный король боксеров Юго-Запада, претендующий на звание лучшего боксера в средне-весовой категории.

Если что-то и может взбесить толпу, так это замена. Но я был достаточно знаменит, хотя никогда не выступал здесь, поэтому зрители отнеслись ко мне с симпатией. Будь присутствующие в курсе, кто такой на самом деле Бат, ставки распределились бы три к одному в его пользу. Но сейчас я был серьезным фаворитом в пари, которые заключились немедленно. И все же большая часть зрителей объединилась для поддержки местного любимца. «Местный

любимец! Тоже мне! Смешные люди эти болельщики: стоит кому-нибудь прожить в городе месяц и провести несколько встреч с заезжими боксерами, его уже считают своим, словно он родился и вырос среди них! Кэтрин не афишировала свое знакомство с нами, но я, увидев ее в первом ряду, украдкой подмигнул ей. Девушка слегка кивнула головой и ударила кулачком о кулачок — она болеет за меня! Рефери давал последние указания, на которые мы, естественно, не обращали внимания. Бат все время пристально сверлил меня свирепым взглядом, я же лишь усмехался, всем своим видом показывая, что на настоящего боксера вся эта гипнотическая чужь совершенно не действует.

— Бат Брелен, — заревел распорядитель, — вес — 194, хорошо известный боксер, Крошка Аллисон, вес — 179!

Печатающая шаг, он удалился с ринга.

— Следи за левой рукой этого парня, — дрожащим голосом предупредил меня Эйб, прежде чем ударил гонг. — Он выше тебя на три дюйма, а может быть, и больше. Если ты выберешь дальний бой, он изуродует тебя до неузнаваемости!

— Тогда я навязу ему ближний бой, — успокоил я Эйба, хотя сам сейчас нуждался в поддержке.

— О Господи, нет! — взревел Эйб. — Он же разорвет тебя в клочья!

Раздраженный до предела, я повернулся, да так неловко, что чуть было не совершил убийство: Эйб успел остановить мою руку буквально в доле дюйма от своего виска! Такое зрелище

очень развеселило толпу — и в это время прозвучал гонг. Мы воинственно двинулись друг на друга, и, глядя на противника — подбородок уперт в широкую волосатую грудь, из-под кудлатых черных волос сверкают глаза, — я понял, что бой предстоит тяжелый и кровавый.

Этот грязный тип дрался неистово и нечестно. Будь его воля — он оставил бы меня калек на всю жизнь. Слава Богу, таких боксеров немного! Делая обманные финты и демонстрируя неуверенность, мы медленно сошлись, и тут соперник взял меня в клинч.

— Вот как ты играешь, — прошипел он. — Где ты научился мошенничать?

— Там же, где и ты! — прорычал я. — Как это тебе удалось? Добыл фальшивую лицензию на имя Брелена?

— Слушай, ты, крыса, — прошипел он мне в ухо, в то же время стараясь вонзить свою пятку в подъем моей ноги. — Я проведу с тобой три раунда, чтобы толпа получила удовольствие за свои денежки, а в четвертом раунде тебе лучше откинуть копыта!

— Старо! — усмехнулся я. — Этот прием устарел еще во времена Святого Иоанна!

— Ну, так получи! — кровожадно огрызнулся он, стараясь выдавить мне глаз. — Я Бат Брелен, понятно? Если проболтаешься, мало тебе не покажется, ясно? Ты меня никогда не видел, усек?

— Болтать, кто ты есть на самом деле, мне вряд ли придется, — сказал я, выходя из клинча и случайно подняв при этом левую руку. — В первом ряду сидит газетчик, который тебя знает!

Бат вздрогнул.

— Где?

Он невольно стал водить головой в разные стороны, а я мгновенно нанес ему в челюсть сильный левый хук, от которого он рухнул навзничь. Публика обезумела, а дружки моего соперника завывали, как гиены. Я тотчас же отскочил в дальний угол ринга, следя за противником, как ястреб. Он поднялся на четвереньки, замотал головой и, покраснев от ярости, начал отчаянно сквернословить. Бросив беглый взгляд на Кэтрин, я увидел, что она посылает мне воздушный поцелуй и что-то кричит. Бат мог бы подняться и раньше, но он тянул время и выдержал счет до девяти. Когда же наконец, шатаясь, встал, публика завопила, требуя, чтобы я продолжил поединок и окончательно расправился с ним. Но меня голыми руками не возьмешь! Зная, что он хитрит, я не пошел ему навстречу, и через мгновение Бат, перестав притворяться, что нетвердо стоит на ногах, с безумным ревом пошел в атаку.

Он шел на меня быстро, но осторожно, все время делая отвлекающие маневры правой рукой. Зная, что он вовсе не так глуп, чтобы вести этой рукой, я высокомерно усмехнулся и нанес ему прямой удар левой по губам. Придя в ярость, он на несколько секунд потерял голову и рванулся, бешено и открыто, пытаясь подавить меня своим весом и неистовостью своей атаки. Но это было для меня легче легкого — его встретил ослепительный шквал ударов. Текущая по губам кровь, казалось, немного охла-

дила его, и Бат, успокоившись, пошел на таран, осыпая меня серией молниеносных ударов. Из-за превосходства в росте он форсировал поединок, вплотную приблизившись ко мне и нанося удары по голове и по телу. Но я дрался осторожно, а не лез на рожон, потому что это не мой стиль; держа локти высоко, пропускал удар только тогда, когда был уверен, что поймаю его. Он все еще пытался загнать меня в угол, раздавить, но мне удавалось ловко увертываться. Я продолжал двигаться, не давая ему времени попасть в цель. Он вел нечестную игру, а я рисковать не хотел. К концу раунда противник нанес мне левый хук по голове, а правой по телу, но я отвел его голову назад сильным правым апперкотом и сцепился с ним в клинче. Мы блокировали друг друга, и Бат попытался внезапно прижать меня, но я был настороже и, находясь под его рукой, сначала погрузил обе руки в его диафрагму, а потом нанес тяжелый удар левой в голову, когда он пропустил бешеный удар правой. Однако, как раз перед тем, как ударил гонг, он скользнул мимо моей левой и свалил меня с ног обжигающим поперечным ударом правой.

Наступил второй раунд. Бат, надо отдать ему должное, действовал с умом. Он хотел ударить меня левой прямо в лицо, но удар пришелся по ребрам. Тогда, вскинув руку к челюсти, он нанес мне полуапперкот, который чуть было не прикончил меня. Я покачнулся, и его правая проскользнула было мимо меня, но я принял удар в плечо и заехал правой ему в диафрагму.

В следующий раз, когда он предпринял эту тройную комбинацию, я был настороже. Я позволил ему вести до лица, затем до тела, но вдруг вскинул левую прямо к его челюсти и заставил пойти на попятную. После того как я проделал это несколько раз, он оставил эту уловку и принялся отвлекающими маневрами провоцировать меня на сильный удар правой. Но лишь немногим под силу обмануть меня таким образом. Я опустил голову, а мое левое плечо сгибалось каждый раз, когда я наносил удар, и его правая рука проскальзывала мимо моего плеча. Он снова и снова пытался ударить меня в солнечное сплетение, но я держал локоть наготове. Бат также хорошо владел ударом «один-два»: прямой левой в лицо и прямой правой в корпус, но это навело меня на размышление. Я не обратил особого внимания на левую, зная, что силы в ней не так много; я просто немного отклонил голову в сторону и в тот же момент ударил левой ему в ребра, преградив путь его правой руке. Я проделал это два или три раза, когда — *бах!* — вместо того чтобы осыпать ударами мое тело, он нанес мне такой апперкот под руку, что у меня сцепились челюсти и я зашатался. В то же мгновение свистящий левый хук в висок отбросил меня к канату, и Бат набросился на меня, как кровожадная пума, а публика просто обезумела. Но я не из слабаков, и пострадал не так сильно, как он полагал; я успешно уклонялся от ударов, которыми он осыпал меня, и, несмотря на все свои усилия, противник не мог нанести сокрушительного удара,

который закончил бы поединок в его пользу. Через минуту я воспользовался удобным случаем и со всей силы заехал Бату в нос правой, отчего он со стоном осел наземь. В этот момент прозвучал удар гонга.

— Преимущество во втором раунде было на стороне этого болвана,— ворчал Рэд Дартс.

— Ничего,— успокоил я его.— Никто из нас и не сомневался, что эта стычка перейдет все границы. Пусть себе потешится — скоро получит как следует!

Я многозначительно взглянул на мисс Флинн, которая энергично кивнула, сложив губы в твердую прямую линию.

* * *

Когда начался третий раунд, Бат решил повторить прием с апперкотом. Он опять подбирался к моей голове, а я снова и снова отводил голову в сторону и пытался ударить левой в ребра. Но это был лишь отвлекающий маневр; я молниеносно остановил его, успев опустить руку, чтобы защититься от сокрушительного апперкота, и крепко припечатал своего противника превосходным встречным ударом правой в рот. Затем я пошел на него молча и угрожающе, как пантера, и в течение пяти секунд он получал основательные удары правой и левой, пока ему не удалось захватить меня в клинч. Бат нависал надо мной, как гризли, глядя на меня безжизненными глазами. Я ругался и боролся, пытаюсь вырваться и покончить с ним, а стоящий рядом рефери лишь с любопытством наблюдал за про-

исходящим. Наконец в голове у моего противника немного прояснилось. Он повернул голову, выплюнул кровь вместе с выбитым зубом и снова приступил к своей хитрой, бесчестной игре. Его большой палец убийственно целился мне в глаз, но вдруг, совершенно неожиданно, он вскинул колено и нанес мне удар в пах. Я обмяк от боли и согнулся, а Бат, почувствовав, что мои мускулы невольно расслабились, размахнулся и со всей силы ударил меня в челюсть. Я услышал, как Эйб, Рэд Дартс, Хейни и остальные мои секунданты закричали:

— Нечестно!

Сквозь красный туман нестерпимой боли я увидел, как Эйб вцепился в Рэда, который пытался прорваться на ринг с бритвой в руке. Публика неистово шумела — некоторые заметили нечестную игру Бата. Не знаю, видел это рефери или нет; не знаю, хотел ли он это видеть. Тем не менее он принялся считать надо мной. Может быть, он, как и большинство зрителей, подумал, что противник просто одолел меня мощным ударом в челюсть. Я настолько обезумел от боли и унижения, что начисто забыл и о Кэтрин, и о сэре Галахаде, и обо всех, кроме Бата — Уэрли. Только бы подняться и снести голову этому уроду! Я поднялся — уж не знаю, как мне это удалось,— как раз тогда, когда рефери открыл рот, чтобы сказать: «Десять!» Я не чувствовал под собой ног, шатался, меня тошнило, но я еще не сказал своего последнего слова, отнюдь нет. Противник надвигался на меня, а затем нанес короткий беспощадный хук

левой, выбив мне при этом несколько зубов. Обезумев от зрелища крови, что текла по моему подбородку, Бат принялся молотить так сильно и так быстро, что, казалось, воздух полон летающих перчаток. И все же я нетвердым, но решительным рывком захватил противника в клинч. Рефери разнял нас, Бат нанес мне сокрушительный удар правой в ухо, и я снова разлегся на брезенте.

Несколько помутненное сознание все же не помешало мне заметить, как Бат перешагнул через меня и занял позицию прямо позади, чтобы иметь возможность сильно ударить меня за ухом, но я изловчился и развернулся к нему лицом. Пока рефери считал, я рванулся, схватил Бата за ноги и подмял его под себя. Он, придя в ярость, пожаловался рефери и сделал попытку сбросить меня, но я продолжал нависать над ним. Все происходило словно во сне. До меня едва доносился шум толпы, и все огни казались мне тусклыми. Наконец Бату с помощью рефери удалось освободиться. Шатаясь, я поднялся на дрожащие ноги, а Бат взревел и пошел на меня, размахивая тяжелой, как молот, рукой. Я преградил ему путь, но поскользнулся в собственной крови и упал. Однако эта неприятность дала мне возможность получить передышку; счет был мне необходим. Вы даже не представляете себе, как могут помочь обессиленному боксеру несколько секунд отдыха. Пока рефери считал, я чувствовал, как силы возвращаются ко мне, а туман, застилавший все перед моими глазами, постепенно рассеивался. Я снова был на ногах

при счете «девять» и на этот раз захватил Бата в клинч прежде, чем он смог нанести мне удар, и ни ему, ни рефери не удалось нас разъединить. Бат ругался, бушевал и колотил меня, рефери угрожал мне, зрители ревели и ругались, но я в душе лишь насмехался над ними. Гори они все синим огнем! Удары принимаю я, а не они. Я пришел выиграть поединок, и мне нет дела, нравится толпе мой стиль или нет. Прозвучал удар гонга, и я издавая звуки, отдаленно напоминавшие смех, несколько неуверенно направился в свой угол. Мои помощники бросились ко мне, и Эйб завопил:

— Надо признавать поражение: в этом раунде он убьет тебя!

— В этом раунде я прикончу его,— ответил я.

Хенни тем временем вытирал с меня кровь, а Рэд массировал мне затылок и оттягивал резинки трусов, чтобы я почувствовал себя немного свободнее. Эйб от удивления даже уронил губку.

— С ума сошел! Ты же едва стоишь на ногах!

— Я в порядке,— проворчал я.— Моей способности восстанавливаться изумлялись все спортивные журналисты, а моя выносливость поражала сердца и не таких, как Уэрли. Тебе тоже следовало бы знать, что я никогда не теряю силу удара, каким бы искалеченным и обессиленным я ни был. Разве эти писаки не сравнивали меня со старым Фитцем? Смотри же! Разве сэр Галахад покинул бы поле битвы оттого лишь, что какой-то рыцарь ударил его боевым топором ниже пояса? Ха!

— Он уже окончательно обалдел, — в отчаянии пробормотал Эйб.

— Убирайтесь! — огрызнулся я, вставая. — Сейчас ударит гонг — мне предоставляется великий шанс.

Гонг! Я медленно, шатающейся походкой вышел на ринг. Бат направился ко мне, как я и предполагал, горя желанием расправиться. Это было одной из его величайших ошибок. Почуввав, что дело пахнет нокаутом, он стал беспечным, излишне самоуверенным и, разумеется, перестал думать о защите. Мы встретились недалеко от моего угла, и я выслеживал его, как ястреб. В течение секунды мы делали ложные выпады, и он явно стремился наносить сильные удары. Сделав шаг вперед, Бат поднял левую руку и покачнулся вправо — отвлекающий маневр; я молниеносно выбросил правую руку, в считанные доли мгновения защитил себя от удара и сам свалил его с ног. Бат упал на брезент как подстреленный: я вложил в этот удар всю свою силу. Он так запутался, что вскочил на ноги, не дождавшись счета, в то время как помощники кричали ему, чтобы он подождал. Я набросился на него, как кровожадный дикий кот, и, когда Бат попытался захватить меня в клинч, выпрямил его горячим правым апперкотом и погнал назад по рингу целым ливнем обжигающих ударов левой и правых хуков по голове и корпусу. Я повалил его на пол почти под канатами, и он, совершенно растерянный, поднялся только по счету «девять»; кровь ручьями текла у него из носа, рта и глубокой раны на

виске. Я, смерив его равнодушным взглядом, пригвоздил правой в челюсть. Он упал лицом вперед. Готов! Зрители мгновенно, все как один, вскочили с мест и подняли такой шум, что никто не слышал счета рефери, но тем не менее я без труда расслышал прорвавшийся сквозь этот шум женский крик, в котором узнал голос Кэтрин.

Спустя секунду Эйб Гарфинкл и мои помощники схватили меня и, обернув в халат, буквально уволокли с ринга, несмотря на мое сопротивление и богохульные выкрики.

— Приведи клубного врача, Рэд, — распорядился Эйб, когда мы оказались в раздевалке. — Надо выяснить, что с ним сделал этот мошенник.

— Пустите меня, болваны, — бушевал я. — Я должен идти и принять восторженные аплодисменты прекрасной розы, которая когда-либо расцветала на дереве красоты!

— Он совершенно невменяем, — констатировал Эйб. — Скорее, Рэд, надо его осмотреть. Боюсь, как бы в результате этой потасовки он не повредился умом!

Тут в комнату вошел посетитель.

— Билли Аш! — приветствовал его Эйб. — Что ты здесь делаешь? Тебя послала «Трибьюн» осветить поединок?

— Откуда им об этом знать? — отрезал Билли. — Меня послали посмотреть, как тренируется Крошка, — о поединке я, естественно, ничего не знал, пока не заскочил сюда сегодня. Но история будет! Крошка, ты с ума сошел —

сражаться с Уэрли на третьеразрядном ринге — да еще и с дисквалифицированным?

— Я не знал, что на ринге встречу с Уэрли, когда согласился на этот поединок, — нетерпеливо ответил я. — Ты же слышал, что его объявили как Бата Брелена. Кроме того, это было для меня делом чести.

— Ох-хо. — Билли одарил меня долгим взглядом. — Леди, да?

— Ну вот что, — взбесился я. — Не может, что ли, человек помочь девушке в беде без того, чтобы какой-нибудь скандалист из желтой прессы сделал это достоянием первой полосы? Я не пытался ухаживать за мисс Флинн — я лишь мстил за нее этому большому неотесанному чурбану, в которого она имела несчастье влюбиться. Если она обратилась ко мне, что же мне было делать? Поводов для сенсации тут нет. Бат сегодня получил то, что ему причиталось. Не надо разоблачать его публично.

— После того, что я увидел, я не поспею ни на какие средства, чтобы вывести этого подлеца на чистую воду, — произнес Билли. — Неужели ты думаешь, что я пропущу такую историю? Долг газетчика — защищать общественные интересы.

— Ладно! — заорал я в порыве страсти и раздражения. — Ладно! Пиши! Разоблачай Бата! Разоблачай нас всех! Расскажи своим читателям, что Брелен на самом деле Уэрли, Эйб Гарфинкл — Наполеон, а ты — Джон Л. Салливан. Скажи, что я совершил безрассудный поступок, связавшись с Кэтрин Флинн! Скажи, что я в

сговоре с комиссией, Джоном Рейнолдзом, если хочешь, но от этой двери держись подальше! Я же приму слова благодарности от девушки, за которую только что отомстил!

— Я видел, как она входила в раздевалку Бата! — раздался пронзительный голос служащего ринга.

Задаваясь вопросом, что я здесь вообще делаю, я помчался по коридору и ворвался в вышеупомянутую раздевалку, не обращая внимания на недобрые взгляды помощников и секундантов, пытавшихся привести в сознание все еще неподвижного воина. К моему удивлению, Кэтрин заботливо ухаживала за ним. Когда я вошел, она повернулась. На ее лице были заметны слезы.

— Мисс Флинн, — заботливо произнес я, — не надо рыдать: ваш защитник отомстил за вас сполна...

К моему несказанному удивлению, она завопила, как ужаленная шершнем кровожадная тигрица.

— Самонадеянный шимпанзе! — орала она, топая по полу ногами, как по барабану. — Какая же я была дура, когда вовлекла Уэрли в эту аферу! Сначала я думала, что это доставит мне удовольствие, но когда увидела, как ты — хладнокровный убийца — не оставил на несчастном парне живого места и нокаутировал его, я поняла, какая же я была дура! Я никогда, никогда не прощу себя! Он всего лишь шлепнул меня —

слегка! И в глубине души я всегда знала, что ему наплевать на эту крашеную блондинку!

— Послушайте... — неуверенно начал я, но она прервала меня пронзительным криком.

— Заткнись! Вон отсюда! Мне следовало бы пристрелить тебя, скотина! Уберите его, ребята!

Ребята заколебались, особенно когда увидели, как Эйб, Рэд и остальные члены моей команды появились в дверях; мисс Флинн чуть не задохнулась от гнева.

— Труссы! — вопила она, ища глазами, полагаю, свою сумочку с утюгом. — Вы его и пальцем не тронете! Позвольте слабой, незащищенной девушке вести собственные поединки, не так ли? Ага!

Последний возглас прозвучал как торжествующий крик: Кэтрин высмотрела и украдкой схватила обломок кирпича. Я стоял совершенно оцепеневший, а она изо всех сил швырнула в меня кирпичом! *Бам!* Я был слишком потрясен, чтобы увернуться. Шрам от этого броска до сих пор напоминает об этом необычном происшествии.

Очнувшись я на кушетке в своем тренировочном зале с перевязанной головой. Первое, что я услышал, — это голос Эйба.

— Что ж, — с сарказмом произнес он. — Надеюсь, ты получил удовольствие. Из всех типич...

— Где мисс Флинн? — нетвердо спросил я.

— Удалилась со своим дружком в неизвестном направлении, — огрызнулся Эйб. — Последний раз их видели воркующими, как пара го-

лубков. Из достоверных источников я слышал, что Уэрли направляется в Австралию, где его никто не знает. Когда Билли Аш и «Трибьюн» разделают его под орех, его уже не будет ни на Западе, ни на Востоке. И мисс Флинн тоже нигде не найдут. Да, мистер Аллисон, ваша прекрасная роза дала деру!

— Заткнись, — вскипел я. — Разве я никогда не говорил тебе, что мне наплевать на нее? Да один пальчик Фрэнки Джонс не стоит дюжины Кэтрин Флинн. Я побил Уэрли из принципа.

Впоследствии я получил телеграмму от Джона Рейнолдза. Вот она:

«Прочти в „Ассошиэтед Пресс“ отчет о твоём поединке с Уэрли в третьеразрядном клубе за сто пятьдесят точка Ты сумасшедший точка Я устроил тебе поединок в „Гарден“ точка Ты сумасшедший точка Может быть это положит конец всей истории точка»

Пока Эйб ругался и кричал, я получил еще одну телеграмму от Джека Рейнолдза:

«Билли Аш сослужил нам хорошую службу когда рассказал эту историю точка Во всех газетах читаешь о твоих сенсационных нокаутах точка Здравому смыслу у тебя ни на грош но дуракам всегда везет точка В „Гардене“ согласны устроить тебе поединок с Лопесом точка Думаю ты наполнишь зал своими болельщиками точка Не попади опять в какую-нибудь передрагу пока я не вернусь или получишь кирпичом точка»

Я немедленно продиктовал Эйбу Гарфинклу следующий ответ:

«Кирпичом уже получил точка Приезжай помоги мне объясниться с Фрэнки Джонс точка Если встретишь даму по имени Кэтрин Флинн беги от нее не останавливаясь точка»

ЗЛОВЕЩИЙ ОСОВНЯК

С

тив Харрисон вынул из внутреннего кармана сложенный квадратный лист бумаги и в двадцать первый раз прочитал при свете вечернего солнца, озарявшего сосны, напечатанную на нем записку:

«Могу свести Вас с Ричардом Стантоном, человеком, который Вам нужен. Приезжайте к особняку Сторли, это

недалеко от Крессентвилля. Ради Бога, приезжайте один, никому не рассказывайте о Ваших планах и никому не говорите, кто Вы такой, пока я сам Вам не откроюсь.

Одинокий Волк.

Загадочная подпись! Как и вся записка, она была напечатана на машинке. Невозможно даже определить, кто автор записки: мужчина или женщина. На конверте стоял штамп Крессентвилля. Пожав плечами, Харрисон сложил записку, спрятал ее в карман и направился по дороге, петлявшей между соснами. Может быть, он и рисковал, подчиняясь этому толчку, но великий детектив привык действовать решительно. По крайней мере, это была хоть какая-то зацепка — не исключая, разумеется, провокацию — единственная щель в глухой стене. В нависшей над сосняком тишине до него донесся слабый, отдаленный стук колес. Коляска, что привезла его к месту пересечения этой тропинки и основной дороги, возвращалась в Крессентвиль. Когда звук затих, он почувствовал себя в полной изоляции среди сосен, сквозь лабиринты ветвей которых свет проникал только на несколько ярдов. Скоро над лесом опустится ночь. Что-то просвистело мимо Харрисона и воткнулось в дерево. Детектив увидел в нескольких ярдах от себя дрожащие побеги молодого деревца.

— Пошел вон! — скомандовал он.

В ответ — мертвая тишина. От таинственного места отделяло несколько шагов. За деревом

никого не было, а на густо покрытой опавшей хвоей земле он не заметил никаких следов. Но из крупной сосны, росшей возле тропинки, торчал нож. Осознав всю бесполезность слепого метания между соснами, среди которых, может быть, притаился убийца, Харрисон снова вернулся на тропинку и с профессиональным интересом осмотрел нож. Это был нож грубой кустарной работы с очень острым лезвием из заточенного напильника; деревянная ручка обмотана проволокой. Такие ножи часто встречались у жителей сельских районов Юга. Харрисон оставил нож торчать в дереве. Слишком большой и острый, спрятать его под одеждой практически невозможно. С трудом сдерживая дрожь, детектив отправился дальше. Попытка убийства говорила о том, что для кого-то не является тайной ни кто он такой, ни зачем он появился здесь. Человек, которого Харрисон разыскивал, не был убийцей, но ведь под влиянием страха люди часто становятся ими! На извилистой дорожке то и дело торчали старые пни, так что проехать по ней на машине было почти невозможно. Из сгущавшейся темноты между деревьями послышался шорох сосновых иголок — там притаился то ли зверь, то ли человек. С искренним облегчением детектив разглядел за деревьями очертания большого полуразвалившегося дома. Дорога обрывалась рядом с ним. Даже в сумерках возраст и состояние дома не вызывали сомнений. Неподалеку виднелись беспорядочные нагромождения таких же развалившихся хозяйственных построек. Моло-

дая поросль вторглась в пределы старого двора и сада. В задней части большого дома мерцал единственный слабый огонек. Человек, который привез Харрисона из Крессентвиля, рассказал детективу, что особняк Сторли когда-то знал лучшие времена. В сгущавшейся темноте все это выглядело довольно зловеще из-за заброшенности и опустошенности места. Поднявшись на широкое крыльцо с покосившимися колоннами, Харрисон постучал в дверь и невольно вздрогнул от собственного стука, который прозвучал в окружавшей его мертвой тишине оглушительно громко. Мгновение спустя за дверью послышались шаги, дверь распахнулась, и в полумраке показался неясный силуэт.

— Да, сэр?

— Меня зовут Бакнер, — представился Харрисон. — Я еду из Крессентвиля, но моя машина сломалась на главной дороге, неподалеку от поворота к вашей усадьбе. Вряд ли я успею вернуться в Крессентвиль пешком до наступления полной темноты, поэтому я пошел по этой дорожке в надежде найти дом, где смог бы переночевать. Если бы вы позволили мне остаться у вас на ночь...

— Конечно, конечно, сэр! Входите, мистер Бакнер!

Приглашение последовало без промедления, да и прозвучало оно вполне искренне.

Харрисон вошел в широкий мрачный холл, и хозяин крикнул:

— Рэйчел, принеси лампу! — тотчас объяснив Харрисону: — Мы так привыкли к этому

старому дому, что легко ориентируемся в темноте, ведь мы живем слишком далеко от города — электричества у нас нет!

В дверях появилась молодая мулатка с керосиновой лампой в руке. Желтый свет лампы освещал ее смуглое лицо, копну черных волос и сверкающие белки глаз. Теперь Харрисон сумел более отчетливо разглядеть самого хозяина — высокого, стройного мужчину с чувственным, умным лицом, высоким лбом и седеющими волосами.

— Меня зовут Джон Сторли, сэр, — представился хозяин. — Добро пожаловать в Особняк Сторли или в то, что оставили от него время и безжалостные обстоятельства! Я как раз собрался поужинать, не присоединитесь ли ко мне?

Харрисон согласился, и его препроводили в просторную комнату, примыкавшую к кухне. На большом столе стоял лишь один прибор, хотя в углу в кресле сидел человек, казавшийся спящим. Черты его лица скрывала нечесаная седая борода и шапка таких же седых волос.

— Мой дядя, Уильям Блейн, — объяснил Сторли. — Он слеп, глух и нем.

Харрисон с любопытством посмотрел на старика: убогая, залатанная куртка, наброшенная на плечи, не скрывала мощной фигуры спящего человека.

— В прежние годы он был очень могучим человеком, — сказал Сторли, словно читая мысли Харрисона. — Болезнь, вызванная разгульным образом жизни, привела его в теперешнее состояние. Кроме меня, о нем некому заботиться.

Мулатка подала Харрисону прибор, и детектив сел за стол, воспользовавшись любезным приглашением хозяина. С удовольствием уплетая вареную кукурузу, жареную ветчину, яйца и кофе с кукурузными лепешками, он, как бы невзначай, поинтересовался:

— У вас нет семьи, мистер Сторли?

— Кроме тех, кого вы здесь видите, мистер Бакнер, в доме никто не живет,— ответил Сторли, указывая жестом на огромного негра, который появился в комнате с вязанкой дров.— Это Джоуаб, выполняющий здесь всю тяжелую работу. Рэйчел трудится по дому. Им живетсЯ достаточно легко, потому что обслуживать приходится только меня и дядю. Сорок лет назад этот старый дом действительно заслуживал титула Особняка Сторли. Он носит его и сейчас, несмотря на свое плачевное состояние.

«Значит, записку послал кто-то из этих четырех,— размышлял Харрисон.— Но кто?»

Он мельком взглянул на Сторли, который с аппетитом ужинал на другом конце большого стола, на Уильяма Блейна, неподвижно сидевшего в кресле — Рэйчел кормила его с ложечки,— и на великана Джоуаба, он на мгновение появился в дверях кухни. Увидев мрачный блеск в глазах негра, Харрисон окаменел. Однако, когда негр заметил, что гость наблюдает за ним, он склонил голову в гротесковом поклоне и неуклюже ретировался. Умеет ли он пользоваться старомодной пишущей машинкой, на которой было напечатано письмо? Может быть, и умеет, если учесть, какое внимание в то вре-

мя уделялось образованию цветных. А что касается Рэйчел... Мулатка, казалось, обладала более чем средним умом, она и говорила лучше, чем обычно говорят женщины, занятые на кукурузных плантациях. Харрисон терпеть не мог работать втемную, поэтому твердо решил делать ни малейшего шага в расследовании, не выяснив автора этой загадочной записки. Подвергать этих людей испытанию, которое может дать неправильные результаты, он не желал, тем более что явно чувствовал зловещее внутреннее напряжение, витавшее в воздухе комнаты. В этом доме поселились страх, подозрительность и предательство. Записка недвусмысленно сообщала об этом. Харрисон продолжал разглядывать непроницаемое лицо глухонемого. Даже тот, кто слеп, глух и нем, в состоянии пользоваться пишущей машинкой!

Рэйчел вышла из кухни, взяла у Харрисона пустую чашку из-под кофе и вернулась в кухню. Вскоре она появилась с наполненной до краев чашкой дымящегося ароматного напитка и поставила его перед детективом. Тренированное внимание Харрисона отметило, что руки мулатки дрожали так, что ложечка в чашке звякала о край. Как бы невзначай взглянув на нее, он похолодел: лицо мулатки, оставаясь по-прежнему бесстрастным, приобрело серый цвет, на пепельных щеках сверкали бисеринки пота, а в глазах сверкал неподдельный страх. Она повернулась и поспешно вышла. Рассеянно покачивая чашечку и поддерживая беззаботную беседу с хозяином дома, Харрисон размышлял

над поведением мулатки. Зачем нужно было носить его чашку на кухню? Она дважды наполнила чашку Сторли и каждый раз ставила кофейник на стол. Харрисон поднес чашку к губам и, подняв при этом глаза, увидел, что Рэйчел внимательно разглядывает его, стоя в дверях. Она прикусила губу, а в ее широко раскрытых глазах читались напряжение и ужас. Почувствовав на себе пристальный взгляд Харрисона, она мгновенно скрылась. Детектив поставил чашку на стол, даже не прикоснувшись к ней. Он ни на минуту не сомневался — наверняка его пытались отравить, как и в том, кому предназначался нож. Несомненно, человек, бросивший нож, мог добраться до Особняка раньше него; но едва ли женщина способна бросить тяжелое оружие с такой силой, чтобы оно глубоко застряло в дереве. Конечно, это был сильный мужчина. Но зачем? Единственное объяснение может заключаться в том, что кто-то его узнал и намерен помешать ему увести с собой Ричарда Стантона. Но если за этой попыткой убийства стоит сам Стантон?.. Он вовсе не пытался посадить этого человека в тюрьму, он просто хотел, чтобы тот дал показания в суде и тем самым помог отправить на виселицу беспощадного убийцу. Харрисон откинулся в кресле, твердо решив больше ничего не есть и не пить в этом доме, а хозяин, увидев, что гость, по всей видимости, утолил голод, также отставил тарелку.

— Я должен извиниться за столь скромный стол, — сказал он. — Лучшего мы не можем себе позволить. Вот в старые времена...

Харрисон терпеливо слушал рассказ о былом великолепии Особняка Сторли; сам южанин, он прекрасно понимал этого человека, живущего воспоминаниями о своем прошлом.

— ...Одно только утешает, — говорил Сторли. — У меня нет сына, который бы унаследовал мою нищету. Я последний в роду.

Он помолчал, затем добавил чуть изменившимся голосом:

— Да, я действительно *одинокий волк*.

Харрисон невольно вздрогнул, хотя пытался держать себя в руках, и их глаза встретились. Затем Сторли бросил взгляд на фигуру в кресле; движение было почти незаметным, но в нем читалось предостережение, которое Харрисон не мог истолковать иначе как предупреждение об опасности. Детектив свернул сигарету и закурил. Одинокий волк; он предполагал, что это значит — если вообще что-либо значит, а именно: неизвестный автор записки живет один. Теперь надо принять к сведению следующее обстоятельство — автора записки окружают враги. Кого Сторли боится — Рэйчел или Джоуаба? Какую роль играет во всей этой истории человек, безмолвно застывший в углу? Харрисон не знал, простое это подозрение или инстинкт, но глухонемого он теперь воспринимал исключительно как зловещую фигуру.

— Вы устали, мистер Бакнер, — заметил Сторли. — Вам, наверное, хочется отдохнуть.

Это было скорее утверждение, нежели вопрос, и Харрисон машинально подчинился воле хозяина.

— Да, полагаю, вы правы,— ответил он.

— Я провожу вас в вашу комнату. Нет, нет, Рэйчел, дай мне лампу.

Сторли энергично встал и буквально выхватил лампу из рук женщины, намеревавшейся проводить гостя. Следуя за хозяином из комнаты, Харрисон чувствовал, как упорный взгляд сверлит его затылок. Он не осмелился повернуться и посмотреть, чьи это глаза — глаза слуг или мнимого слепого.

Сторли поднялся по широкой лестнице, прошел по длинному, тускло освещенному коридору и открыл дверь. В комнате, как и в коридоре, стоял затхлый запах. Сторли поставил лампу на небольшой столик и, повернувшись, крепко схватил Харрисона за ладканы пиджака. Глаза Сторли бешено сверкали, а на лбу выступил пот.

— Вы детектив Стивен Харрисон? — прошептал он. — Вы получили мою записку?

— Да, я...

— Тише! — повелительным тоном произнес Сторли. — В этом доме и стены имеют уши. Я должен вернуться, пока он ничего не заподозрил. Вы один? Никому не говорили о моей записке?

— Нет.

— Хорошо! — Сторли вздохнул с облегчением. — Это был единственный способ. Он каким-то сверхъестественным образом обо всем узнает. Вы хорошо сыграли свою роль, но любая оплошность может погубить нас обоих. Секретность была, есть и будет нашим единствен-

ным спасением. Давайте расставим все точки над «i». Вы ищете Ричарда Стантона, в результате показаний которого заключенного Эдуарда Старка могут обвинить в убийстве?

— Именно, — кивнул Харрисон. — Заседание суда назначено на следующую неделю. Но неделю назад Стантон исчез. Мы не следили за ним слишком пристально, потому что у него нет причин скрываться от правосудия, но...

— Ричард Стантон прячется не более чем на расстоянии броска камня от этого дома, — перебил его Сторли.

— Тогда почему вы не... — начал было детектив, но собеседник больно стиснул его руку.

— Молчите!

Сторли бил озноб.

— Ради Бога, не так громко. Я должен как можно скорее вернуться назад, пока меня не заподозрили. Промедление может стоить мне жизни. Крепко закройте дверь, зажгите свет, но не спите. Не покидайте комнату до полуночи, пока в доме не погаснет свет. Тогда спуститесь по лестнице, выйдите в дверь, которую я оставлю незапертой, пройдите через холл и идите по тропинке к сараям за сараем. Вы увидите маленькую хижину, в которой когда-то находилась копильня. Ждите меня там! Я приду через несколько минут и проведу туда, где прячется Ричард Стантон. А теперь мне пора.

— Кого вы так боитесь? — спросил Харрисон.

— Вы его видели, — содрогнулся Сторли. — Это Уильям Блейн, который ни слеп, ни глух,

ни нем, а просто воплощение дьявола или даже сам дьявол, а может быть, сумасшедший!..

— Но зачем он прячет Стантона? — не унимался Харрисон. — Да и вообще, зачем Стантону прятаться?

— Мне некогда объяснять, — Сторли направился к двери, — я должен идти!

— Но имейте в виду, — Харрисон удержал его за рукав, — в этом доме кому-то известно, кто я на самом деле. Меня пытались...

— Мистах Сторлех! — раздался с лестницы музыкальный голос Рэйчел. — О, мистах Сторлех!

Сторли вздрогнул как ужаленный и вырвался из рук Харрисона.

— Я не могу оставаться здесь! Я должен идти! Поверьте мне! Выполняйте мои указания, и все будет в порядке!

С этими словами он выскользнул из комнаты и убежал, прежде чем Харрисон успел рассказать ему о двух покушениях на свою жизнь.

* * *

Беспомощно пожав плечами, Харрисон повернулся и оглядел комнату. Старомодная кровать, несколько стульев, стол — вот и вся обстановка. Незастекленное окно с деревянной решеткой выходило на темный сосновый бор. Замка не было, только крючок. Харрисон нахмурился. Дверь плотно не закрывалась, а приподнять ножом крючок — минутное дело. Увидев толстую дубину, подпиравшую раму окна, он немного приободрился. В темноте дубина, пожа-

луй, даже лучше, чем пистолет. Он положил ее рядом с собой на постель и погасил свет. До полуночи оставалось еще несколько часов. Харрисон лежал в темноте и размышлял о Ричарде Стантоне. Прежде всего, почему он исчез? Он же не был другом Эдуарда Старка. Казалось, он готов был охотно дать показания, которые отправили бы Старка на виселицу за жестокое убийство невесты. И вдруг Стантон без всякого предупреждения исчезает. Харрисон вынул из кармана записку с предостережением и еще один смятый клочок бумаги. Заслони́в свет своего фонаря, он в который уже раз перечел:

«...приезжайте инкогнито. Здесь замешана такая большая сумма денег, что опасно...»

Вот и все. Этот клочок бумаги он нашел в комнате Стантона. Узнать содержание всей записки уже не представлялось возможным. Но она была напечатана на той же машинке, что и записка, которую получил Харрисон. В этом детектив нисколько не сомневался. Вдруг он быстро выключил свет, так как какой-то предмет со щелчком влетел сквозь решетки окна и хлопнулся об пол. Мгновение спустя Харрисон выглянул в окутанный тенью двор. Какая-то фигура мелькнула за углом, вне всякого сомнения женская. Харрисон сел на кровать, включил фонарь и увидел белый цилиндр, привязанный к ржавому болту. Цилиндр оказался сложенным листком бумаги, на котором было начерпано карандашом:

«Пожалуйста, уезжайте, пока вас не убили».

Подписи не было. Ситуация становилась все более запутанной. Сначала мулатка Рэйчел пыталась отравить его, а теперь послала ему предостерегающую записку. Возможно, она теперь хочет напугать его до полусмерти, если уж не удалось убить. Сторли предостерегал его только относительно Блейна. И все же женщина, безусловно, выполняла приказания старика; скорей всего, она получила их, когда делала вид, будто кормит его. Но это не объясняло ни самого предостережения, ни того, как Блейн догадался, кто он такой. Знает ли Блейн, что его племянник причастен к появлению здесь Харрисона? Нечего и говорить, что ждет Сторли, если мнимый немой действительно так опасен, как утверждает Сторли. Может быть, в эту самую минуту Сторли угрожает смерть; но спуститься вниз из-за одного только этого предположения значило свести на нет всю игру. Невнятно выругавшись, Харрисон растянулся на постели и стал машинально поглаживать лежащую рядом с ним толстую палку. Детектив не был особенно терпелив. Он не любил находить вещи в темноте ощупью и мечтал хоть о каком-нибудь действии, чтобы разрядить атмосферу. Время шло медленно. Балки старого дома скрипывали в тишине. Иногда раздавались писк и быстрое шмыганье мышей; из леса подавала свой призрачный голос сова да раздавалось кваканье лягушек. Харрисон подошел к окну. Луны не было, и при свете звезд сосны выглядели бесформенной черной массой, в которой не-

возможно было различить ни одного ствола; пейзаж соответствовал этому зловещему пристанищу подозрений. Харрисон все же задремал, но внезапно проснулся. В коридоре раздавались тихие, но тяжелые шаги босых ног. Кто-то остановился возле его двери, и Харрисон, услышав звук поднимаемого крючка, взял фонарь и пистолет. Он ничего не видел в темноте, но услышал, как дверь тихонько открывается. Затем, когда он решился действовать, дверь снова закрылась, крючок тихо вернулся на место, и шаги удалились. Харрисон сел на постели и попытался сообразить, что бы значило это вторжение. Размышляя, он услышал непонятный звук, на этот раз в комнате, — чуть заметное шуршание, происхождение которого он не мог определить. Одновременно он почувствовал специфический запах, очень слабый... И вдруг схватил фонарь, чувствуя, как весь обливается холодным потом. В ответ на щелчок фонаря послышалось леденящее кровь шипение. Луч света пробился сквозь темноту и высветил раскачивавшуюся клинообразную голову на толстом, тускло поблескивавшем пестром туловище. Раздвоенный язык то высовывался, то исчезал, а глаза блестели красным светом. Затем чудовище проскользнуло в сторону источника света, и толстое длинное тело водяного щитомордника быстро осело на пол. Харрисон не осмеливался выстрелом переполошить весь дом. Сцепив зубы, он схватил палку и подождал, пока змея не поднялась возле постели так, что ее ужасная голова оказалась на расстоянии вытянутой руки.

Затем метким ударом он разможил смертоносную голову. Рептилия обмякла и кольцами свалилась на пол, а Харрисона чуть не стошнило от мысли, что его ожидало, если бы он вовремя не спохватился. Детектив осветил фонарем всю комнату и с облегчением вздохнул, увидев, что на него выпустили только одно чудовище. Он сел и надел ботинки. Полночь еще не наступила, но он не собирался беспомощно лежать в темноте и ждать, пока его враги не придумают ему какой-нибудь другой мученический конец. Харрисон в гневе спрашивал себя, почему с момента появления в Особняке Сторли он не предпринял никаких решительных действий. Нож, яд, змея... Чего еще можно ждать? Словом, Харрисон твердо решил форсировать расследование и позволить событиям развиваться так, как угодно судьбе. Правда, он не очень верил в судьбу, но не сомневался в силе своих железных мускулов. Осторожно открыв дверь, он осветил фонарем коридор. Ни в коридоре, ни на лестнице никого не было. Когда Харрисон спускался по лестнице, его преследовала напряженная тишина. Да и вся ночь, казалось, напряглась в ожидании. Похоже, среди этих декораций сейчас будет разыграна какая-то страшная драма. Пробираясь по нижнему коридору, Харрисон услышал ровное дыхание — кто-то спал или притворялся спящим. Он слегка дотронулся до двери, откуда доносился звук, и обнаружил, что она не заперта. Распахнув ее, детектив осветил фонарем всю комнату. На подушке он увидел волосатое, заросшее боро-

дой лицо. Харрисон мрачно осмотрел лежащую фигуру.

— Просыпайтесь, Блейн, — приказал он. — Хватит притворяться. Я знаю все ваши грязные игры.

Ответа не последовало, но ритм дыхания изменился, и человек, пошевелившись, попытался перевернуться.

— Хватит ломать комедию, Блейн, — продолжил Харрисон. — Я знаю, что вы не тот, за кого себя выдаете. Полагаю, эта борода тоже фальшивая. Хотелось бы знать, уж не *вы* ли тот самый Дик Стантон...

Услышав, как за его спиной распахнулась дверь, Харрисон резко развернулся. Что-то прожужжало в воздухе и выбило фонарь из его руки; тяжелое тело ударилось о его грудь во внезапной темноте, свалив с ног. Он уронил пистолет — правда, совершенно бесполезный на столь тесном пространстве. Пытаясь высвободиться из сжимавших его тисков, он вскинул ногу, заехал каблуком в невидимый подбородок, после чего скинул с себя противника. Мгновение спустя они поменялись местами, и Харрисон оказался наверху. Человек под ним был так же велик, как и он сам, а его выпуклые мускулы на ощупь казались дубовыми. Он боролся отчаянно, а Харрисон не переставал спрашивать себя, когда же Блейн придет на помощь своему сообщнику. От безжалостного удара коленом в пах Харрисон громко охнул, но тем не менее противника не выпустил. В следующее мгновение он со всей силы ударил невидимку кулаком

в живот, и тот издал тяжелый вздох, похожий на взрыв. Он осел на пол, и Харрисон принялся ощупью искать спичку. Ему не требовалось долго рассматривать соперника, чтобы понять, что тот действительно «вырубился». При свете спички он заметил на столе керосиновую лампу. А когда зажег ее, то увидел распростертого на полу человека. Это был Джоуаб — скорчившись от боли, он пристально смотрел на своего победителя. Харрисон с трудом подавил порыв двинуть каблуком распростертую фигуру. Вместо этого он отыскал свой фонарь и поднял пистолет. Отстегивая от пояса наручники, он повернулся к постели, на которой лежал Уильям Блейн. Из груди старика торчал нож с такой знакомой рукояткой!.. Детектив с первого взгляда понял, что Блейн мертв. Харрисон, с пистолетом в руке, уставился на Джоуаба.

— Поднимайся,— приказал он, и негр с пепельным лицом быстро вскочил на ноги.

— Лицом к стене.

Джоуаб подчинился — встал лицом к большому старинному комоду у стены.

— Значит, это ты тогда кинул в меня нож...— сказал Харрисон.— Кто тебе приказал?

Джоуаб хранил молчание.

— Это он тебе приказал? — Харрисон указал на мертвого Блейна.

На мрачном лице негра удивление смешалось с упрямством.

— Он никому ничего не мог сказать,— наконец пробормотал Джоуаб.— Он вообще не мог говорить.

— Ты лжешь, или тебя он тоже обманул? — поинтересовался Харрисон.— Ты знаешь, кто я?

— Полицейский,— пролепетал Джоуаб.

— Как ты догадался?

— Я видел ваше имя в газетах, которые всегда читает мистах Сторлех! Я читал о вас. Мистах Сторлех не знает, что я умею читать. Однажды он написал письмо. Я его видел. Видел имя мистаха Стива Харрисона на конверте. Долгое время назад мистах Сторлех как-то говорил, что пришлет за мной полицейских. Я знал, что он пошлет за вами. Когда я видел, что вы идете между соснами, я понял, что вы идете за мной.

— А почему за тобой должен был прийти полицейский? — поинтересовался Харрисон.

Джоуаб не ответил; он опустил голову и исподлобья сверлил детектива мрачным взглядом.

— Где Ричард Стантон? — неожиданно выпалил Харрисон.

— Никогда не слыхал о нем,— пробормотал Джоуаб, и Харрисон, хорошо знавший нравы цветных, поверил ему.

— Ладно,— кивнул Харрисон,— не двигайся с места.— «Чем больше я вникаю в это дело, тем более запутанным оно мне кажется. Но я все равно надену на тебя наручники!» Джоуаб неподвижно стоял возле комода, держа руки за спиной. Вдруг Харрисон боковым зрением заметил, что глаза Джоуаба загорелись свирепым восторгом. Он со звериным рыком развернулся и сунул руку в ящик комода. Это было неистовое безумие первобытного человека, но Харри-

сон оказался на высоте: когда Джоуаб направил на него старинный револьвер, мгновенно выстрелил пистолет детектива. Джоуаба откинуло к стене, потом он рухнул на пол и неподвижно застыл в луже растекавшейся крови.

* * *

Харрисон замер, прислушиваясь. Ни один звук не нарушил тишины. Никто не прибежал на выстрел, оглушительно прокатившийся по дому. Где же Сторли и мулатка? Детективу не пришлось долго рассматривать негра, чтобы убедиться, что тот мертв. Повернувшись к человеку, лежавшему на постели, он рванул его за бороду и понял, что она настоящая. Приподняв веки мертвеца, детектив охнул от удивления: даже после смерти было видно, что это глаза слепого человека. Значит, Джон Сторли лгал. Но зачем?

Харрисон вернулся к мертвому негру, наклонился, чтобы поднять упавший револьвер и тут обратил внимание, что при падении тела ящик комода вывалился и на пол просыпалось все его содержимое. Детектива заинтересовала старомодная фотография. Он поднял ее, внимательно рассмотрел, положил в карман и сел на край постели, подперев подбородок массивным кулаком.

На улице в ветвях сосен стонал ветер, Харрисону стало не по себе. С пистолетом в руке он подошел к двери. Кроме Ричарда Стантона он, Стив Харрисон, единственный важный свидетель против Эдуарда Старка. Если ни он, ни Стантон не появятся в суде, суд фактически станет беспомощным.

Харрисон твердо и решительно поднял крючок, взглянул на часы и погасил свет. До полуночи оставалось всего несколько минут. Джон Сторли должен ждать его в бревенчатой хижине среди сосен. Некоторое время он стоял в темноте, прислушиваясь, но дом явно был пуст, если не считать его и двух мертвецов.

Харрисон вышел в холл, осветил фонарем путь к двери, как и обещал Сторли, оказавшейся незапертой, и вышел наружу. Он пригнулся к земле в тени дома, но, кроме свиста ветра, раскачивавшего верхушки сосен, не услышал ни звука. Он направился к сараям, обошел их и в темноте увидел слабый просвет среди деревьев. Затем вышел на тропинку, слабо освещенную звездами. Темнота была почти осязаемой, казалось, ее можно резать ножом.

Харрисон шел медленно, нащупывая дорогу ногами и вытянув вперед руки. Он опасался не пули или ножа... ведь ловушки не всегда отлиты из свинца или выкованы из стали! В конце концов он увидел небольшое бревенчатое строение, ту самую хижину, в которой когда-то размещалась копильня. Припав к земле, он принялся внимательно разглядывать хижину, невольно сжимая пальцами фотографию в кармане.

Он не знал, что скрывается в черной хижине, но никакая сила в мире не заставит его войти в нее, пока не рассветет. Харрисон приготовился ждать долго, как вдруг услышал какой-то звук. Сначала он решил, что это в лесу кричит сова, но звук повторился, и волосы на голове детектива встали дыбом. Звук раздался снова.

Медленно поднявшись с земли, Харрисон начал ощупью протискиваться среди стволов, его ноги путались в густой траве. Он направился прямо туда, откуда доносился шум, и, наконец, споткнулся обо что-то мягкое, податливое. Фонарь высветил фигуру женщины. Это была Рэйчел. На ее густых волосах запеклась кровь. Ее глаза блестели, и она стонала, как раненое животное.

Выругавшись в замешательстве, Харрисон опустился на колени и ощупал тело мулатки. Рэйчел жестоко избили, тем не менее ни одного перелома он не обнаружил. Харрисон без колебаний поднял ее и направился прямо к дому. Вероятно, он подписывает себе смертный приговор, но не может же он позволить женщине умереть, не оказав ей необходимой помощи.

По телу поползли мурашки, когда перед ним возник мрачный безмолвный дом, но, собрав все свое мужество, он прошел к двери, даже не остановившись. Затем, уже на самом пороге, его остановил отчетливо прозвучавший далеко в лесу пистолетный выстрел. Харрисон внимательно прислушался, но звук не повторился. Он вошел в дом, зажег керосиновую лампу в столовой и, положив женщину на пол, отыскал в сундуке чистые тряпки, смочил их в воде и принялся обрабатывать ей голову. Раны не были такими опасными, как казалось на первый взгляд. Вероятно, удары нанесены прикладом пистолета. Найдя бутылку виски, Харрисон приложил ее к губам мулатки — в ее затуманенных глазах появилось нечто похожее на понимание.

— Кто это сделал? — спросил он.

— Мистах Сторлех, — запинаясь, ответила она.

— Зачем вы пытались отравить меня?

Рэйчел лишь застонала в ответ, и он предпринял еще одну попытку.

— Зачем вы бросили мне записку?

— Я не хотела, чтобы он убил вас, — с трудом произнесла она. — Слишком много убийств для одного человека.

— Кто хотел убить меня?

— Я не могу сказать, — стонала она. — Он убьет меня. Он говорил, что убьет.

— Кто? Мистер Сторли?

Она помотала головой.

— Так кто же, черт возьми? Если вы боитесь Блейна, то он мертв. Его убил Джоуаб, а я убил Джоуаба.

— Джоуаб мертв? — воскликнула мулатка. — О, слава Богу! Это Джоуаб хотел убить вас! Это он велел мне взять вашу чашку, положил туда крысиного яда и заставил подать вам. Он убил бы меня, если бы я этого не сделала, а я не хотела!

— Зачем Джоуабу понадобилось убивать меня? — спросил Харрисон.

— Много лет назад Джоуаб убил человека, — продолжала она. — Он приехал и спрятался у мистаха Сторлеха. Мистах Сторлех знал, что он убил человека, и всегда угрожал Джоуабу: если он не сделает так, как хочет мистах Сторлех, он пошлет за полицией и тот попадет на виселицу. Джоуаб думал, что вы полицейский. Если вы не из полиции, что вы здесь делаете?

— Значит, это Джоуаб подсунул мне в комнату змею,— пробормотал детектив.— Скажите мне только одно: мистер Блейн действительно был плохим человеком?

— О чем вы? Мистах Блейн был так слеп, глух и нем, что ничего не мог делать, только сидел.

— Я так и думал,— отозвался Харрисон.— А почему мистер Сторли избил вас?

— Он поймал меня, когда я несла еду молодому человеку, которого он убил,— прошептала она.

— О чем вы, черт возьми? — вспыхнул детектив.— Что еще за молодой человек?

— Не знаю,— захныкала она.— Где-то неделю назад утром мистах Сторлех приказать мне и Джоуабу убираться из дома и не возвращаться до следующего утра. Он не сказал зачем, а мы не спрашивали. Я не знаю, куда пошел Джоуаб, а я пошла к своей подружке Эллен Джексон, что живет на Крессентвильской дороге, но около полуночи ее мужчина пришел пьяный, они начали драться, и я вернулась домой. Я боялась пройти в дом, потому что мистах Сторлех приказал не приходить до утра. В доме горел огонь, я пробралась к окну и увидела, что мистах Сторлех говорит с молодым белым человеком. Я не поняла, о чем они говорили, но вдруг мистах Сторлех ударил его рукояткой топора, тот упал с кровью на голове, затем мистах Сторлех вытащил его из дома, положил на телегу и отвез в лес. Я пошла за ним и спряталась в тени. Мистах Сторлех отнес молодого человека в бухту и

бросил там; вода там ужасно быстрая и впадает в большую дыру немного пониже. Никто никогда не возвращается, если попадает туда. Мистах Сторлех вернулся в дом, а я подкралась к краю дыры и увидела рукав молодого человека, взяла корягу и поймала его. Он не был мертв, потому что стонал и шевелился. Через некоторое время мне удалось вытащить его на берег. А потом я притащила его в старую покинутую хижину возле бухты и с тех пор никому о нем не говорила. Я носила ему еду ночью, когда все спали...

— Он назвал вам свое имя? — перебил мулатку Харрисон.

— Нет. Похоже, он не может вспомнить свое имя и вообще ничего, после того как мистах Сторлех сделал с ним так плохо!

— Он приблизительно моего роста, но стройнее? — допытывался Харрисон.— У него светлые волосы, карие глаза и шрам на ухе?

— Да, это он. Сегодня вечером, когда я уходила к нему, мистах Сторлех поймал меня и потащил в лес и там бил, пока я все ему не рассказала.— Она громко зарыдала.— Потом он ударил меня по голове и пошел убивать молодого человека снова!

— Черт возьми! — выругался Харрисон.— Стантон! Это же ясно как божий день! Вот уж не ожидал, что он жив, после того, как нашел эту фотографию! Теперь Сторли, наверное, его убил! Ну, где вы его спрятали? Быстро!

— В хижине, у бухты. Идите по тропинке за сараями, она ведет к бухте. Пройдите мимо

старой коптильни и там, где тропинка раздваивается, поверните налево и....

Но Харрисон, не дослушав, бросился бежать. Остановившись у коптильни, он резко повернул налево и направился вперед, открыто светя себе фонарем, но тем не менее чуть было не проскочил развилку. Повернув налево, он увидел впереди еще одну хижину. Он скользнул к ней, держа в одной руке фонарь, а в другой пистолет. Открытая дверь, освещая на старых петлях, вызвала в нем дурные предчувствия. Он громко позвал:

— Стантон!

Только совы да лягушки ответили ему со стороны бухты, словно посмеиваясь над ним. Он направил луч фонаря прямо в дверь, осветив груды разноцветных лохмотьев, сломанный ящик и темный пиджак на полу.

Харрисон быстро погасил фонарь. Его охватило чувство отчаянной беспомощности. Он проиграл. Выстрел означал только одно: Ричард Стантон мертв, и теперь бухта снова приняла его тело, на этот раз окончательно. Детектив понимал, что ему самому грозит смертельная опасность. Он имел дело не с обычным преступником. Паутина лжи, которой тот опутал Харрисона, говорила о его недюжинном уме.

«И какая паутина! — мысленно сокрушался Харрисон. — А какой актер! Как он содрогался и задышался от ненависти к своему дядюшке! Да, он мог бы провести и самого дьявола! Но к чему

весь этот изощренный заговор? Почему он просто не застрелил меня, как застрелил Стантона? Причина была очевидна. Сторли знал, что Харрисона не проведешь так просто, как несчастного Стантона. Он побоялся вступить в открытый бой с многоопытным противником, каким считал Харрисона. «Он хотел подстроить мне какую-то ловушку, — размышлял детектив. — Кто-то или что-то ожидало меня в хижине! Знай Сторли, что Джоуаб тоже пытался убить меня, это облегчило бы его задачу: он мог остаться в стороне, предоставив негру полную свободу действий!» Он вздрогнул от эха, разнесшегося между соснами. Опять выстрел! На этот раз недалеко от хижины. Вскочив, детектив побежал на звук. Споткнувшись о корни дерева, детектив решил было, что натолкнулся на какую-то преграду. Тропинка пропала — только сплошной лабиринт густо растущих сосен. Вдруг впереди Харрисон услышал тяжелое дыхание. Кто-то отскочил за дерево, пробормотав ругательство. Позади резко хрустнула сухая ветка. Детектив нащупал чье-то плечо, и тут же раздался пронзительный вопль. Вырвавшись из рук Харрисона, человек наткнулся на дерево, растянулся на земле — и в тот же миг ночную темноту разрезала оранжевая вспышка выстрела, а недалеко от уха Харрисона просвистела пуля. Детектив выстрелил в ответ и рухнул на землю, почти закрыв собой распростертую фигуру незнакомца.

— Стантон! Я думал, вы мертвы!

— Кто вы, черт побери? — прошипел в ответ тот. — Ваш голос знаком мне.

— Стив Харрисон! — ответил детектив, внимательно вслушиваясь в каждый звук леса. — Джон Сторли близко?

— Да. Я проснулся примерно час назад и услышал, как кто-то ощупью отыскивает дверь. Я выглянул в щель и увидел человека, он как раз в этот момент зажигал спичку. Я узнал Сторли и сразу все вспомнил. Это он меня ударил. Долгое время я стоял в оцепенении, и все же, когда он входил в дверь, я успел выскочить в окно. Но он услышал меня и погнался за мной. Боже мой, я весь последний час играл с ним в прятки! Всякий раз, когда я думал, что улизнул от него, раздавался выстрел. Вот и сейчас он где-то здесь, подкрадывается к нам!

Нервы Стантона были напряжены до предела. Он трясся, словно от озноба. Харрисон осторожно поднялся на колено. Он не услышал ни одного звука. Разумно было бы предположить, что его неожиданный выстрел удивил Сторли и заставил действовать более осторожно. Но величайшее преимущество этого человека заключалось в том, что лес был ему знаком.

— На расстоянии нескольких миль ни дома, ни телефона, — бормотал детектив. — Придется водить его за нос в одиночку. Правда, если бы нам удалось пробраться к особняку, мы могли бы продержаться там до рассвета, и тогда бы у нас были равные шансы.

— Но как? — спросил Стантон. — Я бегал в темноте, пытаюсь найти, где бы спрятаться. Теперь я догадываюсь, что кружил на одном месте. Не представляю даже, где мы находимся.

— Зато я знаю, — проворчал детектив. — Следуйте за мной. Держитесь за мой пиджак и опустите голову.

Они стали двигаться в том направлении, где, как он знал, пролегает тропа, ведущая от бухты к особняку. Он не удивлялся тому, что Стантон не мог убежать от Сторли, несмотря на темноту. Он спотыкался и путался даже под руководством детектива, и Харрисон, постоянно ожидая пулю сзади, проклинал шум, который они создавали. Тем не менее они благополучно вышли на узкую тропинку.

— Куда теперь? — прошептал Стантон, все еще не отпуская пиджак Харрисона.

— Вверх по тропинке! Нет! Ложись!

Харрисон толкнул Стантона и упал на него как раз в тот момент, когда раздался пистолетный выстрел. Пуля прожужжала над их головами, и детектив в ответ тоже выстрелил. Он перекатился в более темное место возле тропинки, утащив за собой ничего не понимавшего Стантона.

— Следовало иметь в виду, что он вычислит, куда мы двинемся, — сердился он на себя. — Сторли знает, что с вами я, а не кто-либо другой. Поэтому он не стал преследовать нас, он пробрался на тропинку и устроил там ловушку. Сейчас он между нами и домом.

— А мы не можем пойти в другом направлении? — предложил дрожащий от страха Стантон.

— В том направлении бухта, — проворчал Харрисон. — Кроме того, я устал бежать. Мы спрячемся здесь. Он обязательно выйдет на нас,

и тогда наши шансы будут равны. Лежите тихо и сохраняйте спокойствие.

Последовало напряженное ожидание. Харрисон, внимательно слушая, не подкрадется ли к ним Сторли, чувствовал, что у Стантона сейчас начнется нервный припадок, и, чтобы хоть чем-нибудь его отвлечь, тихо поинтересовался:

— Почему вы скрылись? Почему вы не хотели дать показания против Старка?

— Да никаких особенных причин тут не было, — ответил Стантон. — Старк здесь совершенно ни при чем.

— Тогда почему Сторли пытается вас убить? — нетерпеливо спросил Харрисон.

— Я вам расскажу. — Стантон плотно прижал губы к уху Харрисона, чтобы его шепот не был слышен. — Я получил письмо из Вендисона, подписанное Дж. Дж. Ашли. Автор письма сообщал, что он адвокат умершего хозяина большого поместья и пытается найти исчезнувших наследников. Писал, что видел мой портрет в газетах в связи с судом над Старком и полагает, что я состою в отдаленном родстве с семьей, которой принадлежит наследство. Он переслал некоторую сумму денег на расходы, чтобы я мог приехать в Вендисон для встречи с ним. Он обещал, что я вернусь задолго до начала суда, и попросил меня держать это в секрете, потому что, по его словам, некоторые из тех, кто пытается завладеть этим наследством, очень нечистоплотны.

— Ключок этого письма я нашел в вашей комнате, — отозвался Харрисон.

— Да? Знаете, когда человек так разорен, как я, он хватается за любую возможность. Мне казалось, что здесь нет никакого подвоха. Я приехал, и в Вендисоне меня встретил человек, который привез меня сюда. Он назвался Ашли. Мы вошли в большой дом — вот все, что я помню, пока не очнулся в этой хижине, а чернокожая женщина перевязывала мне голову. Топор лишь слегка задел мне голову. Она ухаживала за мной по доброте душевной. Я твердо решил удрать завтра ночью. Я боялся, что Ашли — вернее, Сторли — найдет меня и убьет. Я почувствовал, что вполне могу бежать. Женщина боялась пойти в полицию или послать кого-нибудь за мной, но она собиралась проводить меня к главной дороге. Слушайте!

— Ветер, — прошептал Харрисон. — Он не может подкрасться к нам так, чтобы мы его не слышали. Продолжайте.

— Это все. Конечно, Сторли — один из тех наследников, о которых меня предупреждал Ашли. Он намерен завладеть всем.

— Молчите! — напряженно зашипел Харрисон, услышав, как треснул прут.

— Мы что, так и будем лежать здесь до тех пор, пока он не подкрадется к нам и не выбьет из нас мозги? — прошептал Стантон. — Смотрите, уже светает!

Харрисон тихо выругался. Поднималась луна, тускло осветившая окрестности. Как Сторли вычислил их местонахождение и как он подкрался к ним так тихо, Харрисон так и не узнал, — разве что его привел инстинкт давнего жителя

этой местности; но детектив повернулся, услышав внезапный дикий крик Стантона. Неясно очерченная фигура почти нависла над ними; пистолеты выстрелили одновременно. Пуля пролетела мимо уха Харрисона, а призрачная фигура, пошатнувшись, издала крик, полный боли и ярости. Затем фигура рванулась вперед, и Харрисон, заметив, что правая рука его противника бесполезно болтается, попытался воспользоваться ситуацией и схватить раненого. Слишком поздно он увидел, как в другой руке блеснуло стальное лезвие. Харрисон успел поймать кисть, опускавшую нож, и сцепился с задыхавшимся, бешено кричавшим человеком, которому боль от раны придавала нечеловеческую силу. Сначала Харрисон пытался отвести от своего горла направленный на него нож и резко крикнул предостережение Стантону, тот бестолково сновал вокруг дерущихся и постоянно рисковал получить от кого-нибудь из них случайный удар. Глаза Сторли сверкали, как у бешеной собаки, а на губах выступила пена. Но даже его неистовое безумие не могло долго преобладать над гигантской силой Харрисона. Схватив левую руку Сторли, детектив резко повернул ее так, что плечо выскочило из сустава. Онемевшие пальцы разжали рукоятку, и оружие упало на землю.

— Спокойно, Сторли! — резко приказал Харрисон. — Большого вреда я вам не причиню!

— Вам никогда не взять меня живым! — пронзительно взвизгнул Сторли, изрядно ослабевший в железных объятиях противника.

Стантон, не поняв, что борьба окончена, все еще одержимый желанием помочь детективу, поднял пистолет Харрисона за ствол и изо всей силы размахнулся. Когда он нанес удар, Сторли сделал резкий рывок, и рукоятка пистолета просвистела, лишь задев по касательной череп Харрисона. Невольно отшатнувшись, детектив ослабил свою хватку, и Сторли, воспользовавшись этим, вырвался, нанес Харрисону мощный удар по лицу и бросился бежать по тропинке.

— Ах ты, дурак набитый! — застонал Харрисон, вырывая пистолет из рук ошеломленного Стантона, и, шатаясь, погнался за беглецом.

В свете нарождающегося дня он видел, как Сторли бежит по тропинке, а его вывихнутая рука болтается вдоль тела. Впереди уже показались очертания коптильни.

— Стойте, Сторли, или я стреляю! — орал Харрисон.

— Стреляйте, и будьте вы прокляты! — донесся до него дикий крик. — Живым вы меня все равно не возьмете!

— Я буду стрелять в ногу! — ревел детектив, проклиная свое головокружение и огоньки, пляшущие перед глазами.

Дрожащей рукой он прицелился и выстрелил — Сторли вильнул вбок, и пуля врезалась в землю возле его ноги. Он не побежал в лес, а бросился к хижине. Следующая пуля Харрисона попала ему в ногу, но он по инерции рванулся вперед, уткнулся вытянутой рукой в дверь хижины и упал. Дверь от толчка подалась внутрь, сосны покачнулись от оглушительного взрыва,

а ослепительное пламя озарило человека, хижину и все вокруг. Харрисон успел упасть навзничь и теперь корчился от боли. Наконец он пришел в себя и в ужасе огляделся. От хижины не осталось и следа, только несколько покосившихся свай, да еще детектив заметил клочки одежды Сторли на них.

— Так вот какую ловушку он мне приготовил,— пробормотал Харрисон.— Динамит взорвался бы, едва только я переступил бы порог этой проклятой хижины! Боже правый, сколько же его здесь было? Я бы просто взлетел на воздух, как он! Полагаю, Сторли не посвятил в свои планы цветных, чтобы те не взяли над ним власть. И вечером он не отослал их потому, что хотел обеспечить себе алиби на случай, если кому-то захотелось бы выяснить причину моего исчезновения.

По тропинке к нему приближался Стантон.

— Ч-ч-что случилось? — заикаясь, проговорил он.— Э-т-тот взрыв...

— Он предназначался мне,— фыркнул Харрисон.

— Но он же хотел убить меня, а не вас! Наследство...

Харрисон смачно выругался.

— Я слышал, что некоторые болваны попадают на подобные уловки, но никогда ни одного из них не видел. Зарубите себе на носу: нет никакого адвоката Ашли, письмо вам написал сам Сторли. Нет никакого поместья, нет никакого наследства, ожидающего пропавших наследников. Была лишь ловушка, с помощью

которой вас заманили сюда, а потом использовали, чтобы заманить и меня. Сторли не хотел, чтобы кто-нибудь из нас дал в суде показания против Эдуарда Старка.

— Но почему? Я знаю, бандиты убивают лишних свидетелей, но Сторли не бандит, да и Старк тоже. Старк просто убил свою возлюбленную из ревности, так какая же связь между Старком и Джоном Сторли?

— Самая прямая,— ответил Харрисон, роясь в кармане.— Я тоже не знал, пока не нашел эту фотографию. Увидев ее, я понял, что Сторли лжет и что он заманил меня к себе, желая убить. Я давно, еще когда Сторли попросил меня прийти в хижину, заподозрил, что дело тут не чисто.

Харрисон вынул из кармана смятую фотографию. На ней были изображены два молодых человека, один — почти мальчик в коротких штанишках. Несмотря на юный возраст, их лица узнавались безошибочно. Старший был Джон Сторли, другое же лицо было знакомо каждому жителю Соединенных Штатов, читающему газеты. Человек, которого показания Ричарда Стантона могли послать на виселицу... На обратной стороне фотографии тонким, мягким почерком было написано: «Джон и Эдуард Сторли, 1916».

— Братья! — воскликнул Стантон,— но...

— Очевидно, Эдуард Сторли изменил имя, когда начал сколачивать свое состояние,— предположил Харрисон.— Он сделал это давно, ему не хотелось, чтобы в свете знали о его принад-

лежности к разорившейся семье. Но его брат, Джон Сторли, сохранил преданность семейным узам. Жаль, что такая верность послужила столь грязному делу!

ПОВЕСА ИЗ НАЙФ-РИВЕР

Т

олько я сел на скамью и приготовился снять ботинки, как из задней комнаты вышел отец, щуря глаза от света свечи, стоявшей на столе.

— Ну, Бакнер, что новенького в Найф-Ривер? — спросил он.

— Да ничего, — ответил я, позевывая. — В ресторане «Роял Гранд» появилась девчонка, но Билл Хопкинз уже об-

ручен с ней и обещал застрелить любого, кто приблизится к ней. В «Золотом быке» играли покрупному, и Тунк выиграл семьдесят баксов, но был разрезан на куски охотничьим ножом.

— Подумаешь, — недовольно проворчал отец, поворачиваясь, чтобы опять залечь в постель. — Вот когда я был молодым, всякий выход в город был волнующим событием, если, конечно, удавалось найти подходящий город!

— Да, еще вспомнил! Я застрелил одного парня в салуне «Бриллиантовый дворец»!

Отец почесал бороду.

— Становишься чуток рассеянным, да, Бакнер? А его опознали?

— Да я же не убил его! Я просто прострелил ему плечо, руку и ногу. Он был нездешний, и я подумал, что он, может быть, не все понимает!

— Не понимает чего? О чем был спор?

— Не помню, — пожал я плечами. — Кажется, о политике.

— А что ты сам-то понимаешь в политике?

— Ничего, поэтому я и прошил его, когда исчерпал все аргументы!

— К черту все это, Бакнер! Надо быть поосторожнее, когда стреляешь в людей в салунах. Эта страна становится цивилизованной, кругом дилижансы и все такое прочее! Я не одобряю эти нововведения, но многим это нравится, а власть принадлежит большинству, если ты не пошустрее их. Теперь твою семью снова ждут неприятности, а тебе достанется от Керби. Разве ты не знал, что он здесь? Керби грозился

навести здесь закон и порядок, даже если для этого ему придется прикончить каждого жителя мужского пола в округе Найф-Ривер. Если кто-то и может это сделать, так только он, потому что на территории между Гваделупой и Рио-Гранде нет стрелка лучше его. Более того, он не одинок. За ним стоят все его рейнджеры. Семья Граймсов ведет родовую вражду такую же бурную, как и любая другая семья в штате Техас. Мы не против рейнджеров. А что мы будем делать, если Керби нападет на нас?

— Не думаю, что это случится в скором времени, — ответил я.

— Когда я захочу узнать твое мнение, я его спрошу! — взревел отец. — А до тех пор молчи! Почему ты думаешь, что он не нападет?

— Потому что Керби и есть тот самый парень, которого я подстрелил, — объяснил я.

Отец некоторое время стоял неподвижно, поглаживая бакенбарды, и на лице его читалось крайнее любопытство; затем он схватил меня за воротник и пояс брюк и потащил к двери.

— Момент настал, Бакнер, — сказал он, — иди и переделывай мир по своему усмотрению. Ты вырос, хотя ума и не набрался, и, во всяком случае, как я заметил некоторое время назад, тебе уже надо думать о благополучии большинства. Семейство Граймсов известно своим умением принимать наказание, но всему есть предел. Когда я вспоминаю поединки с рейнджерами, в которые твоя умственная отсталость и полная необузданность ввергли нас с тех пор, как ты в состоянии держать пистолет, я без всякого эн-

тузиазма смотрю на предстоящее столкновение с властями. Нет, Бакнер, лучше тебе куда-нибудь убраться.

— И куда ты хочешь, чтобы я убрался? — поинтересовался я.

— В Калифорнию. — Отец пинком открыл дверь.

— Почему в Калифорнию? — удивился я.

— Потому что это самое дальнее место, которое мне известно, — ответил он, выталкивая меня. — Вот тебе мое благословение!

Я высморкался и спросил отца через дверь, которую он запер изнутри:

— И надолго?

— Не очень, — отозвался отец. — Не забывай о своем бедном старом отце и других родственниках, которые будут тосковать о тебе. Возвращайся лет через сорок-пятьдесят!

— А где находится эта Калифорния? — осведомился я.

— Там, где добывают золото, — пояснил он. — Если будешь ехать и ехать прямо на запад, попадешь туда обязательно!

Я отправился в кораль и оседлал моего коня — или, вернее, коня моего брата Джима — ведь он на самом деле принадлежит ему. Мною владело странное чувство — ведь до сих пор мне не приходилось отлучаться за пределы Найф-Ривер. Я не мог следовать прямо на запад, потому что тогда не миновать ранчо старика Гордона. Он приказал своим ковбоям застрелить меня при первой же встрече: несколько месяцев назад я прикончил трех его парней. Поэтому я повер-

нул на юг и ехал, пока не приблизился к ранчо Доннелли, чувствуя, что поступаю неправильно, потому что Джо Доннелли все еще хромал после нашего с ним спора в Найф-Ривер. Там я опять повернул на запад, в Брокен Роуп. Никто из девяти или десяти его жителей, которые за мной охотились, не проснулись, так что я спокойно проехал поселок и направился в незнакомые края, как раз когда взошло солнце.

После того как окрестности Найф-Ривер остались далеко позади, на протяжении долгого времени единственными людьми, которых я видел, были пастухи-мексиканцы. Мне было стыдно спрашивать их, где я нахожусь, тогда они сочли бы меня невеждой. Потом даже пастухи скрылись из вида, и я оказался в пустыне, но тем не менее помнил, что, если по-прежнему буду направляться на запад, то, в конце концов, попаду в Калифорнию. Так прошло много дней; пребывая в мрачном настроении, на свое будущее я не поставил бы и десяти центов. В один прекрасный день, примерно в середине утра, я оказался в местности, немного напоминавшей окрестности Найф-Ривер, только холмы там были выше и окружали ее отвесные острые скалы.

«Надоела мне эта прогулка, — подумал я, — остановлюсь здесь и добуду себе немного золота».

Привязав коня моего брата Джима к дереву, я выбрал себе возле тропинки подходящий валун, величиной почти с сарай, и начал куском кремня высекать из него осколки.

— Какого черта ты тут делаешь? — услышал я спустя некоторое время незнакомый голос.

Я повернулся и увидел пятерых всадников с обветренными лицами; самый высокий, обладатель длиннющих бакенбард, выглядел как настоящий индеец. Он покрутил бакенбарды, нахмурился и спросил:

— Ты меня слышишь? Зачем ты бьешь по этой скале?

— Надеюсь найти золото, — ответил я.

Он побагровел так, что даже глаза у него налились кровью и произнес:

— Уж не пытаешься ли ты одурачить Уильяма Хайркимера Хокинза? Эти безграничные прерии усыпаны костями заблудившихся идиотов. Я тебя вежливо спрашиваю...

— Я тебе только что сказал, — вздохнул я. — Я пытаюсь добыть немного золота. Я слышал, здесь, в скалах, есть золото.

Мой собеседник буквально остоленел, а его спутники дружно рассмеялись:

— Не убивай его, Билл, этот гробокопатель говорит правду.

— Черт с ним, — сказал он, покрутив ус. — Я ему верю. Только никакой он не гробокопатель. Кто ты, откуда и куда направляешься?

— Меня зовут Бакнер Джепарди Граймс, — представился я. — Иду из округа Найф-Ривер, штат Техас, к золотым полям Калифорнии.

— Тогда, — усмехнулся он, — тебе еще предстоит неблизкий путь.

— Разве это не Калифорния? — удивился я.

— Нет, это Нью-Мехико, — ответил он. — Двигай дальше. Мы направляемся в Смоквиль. Давай-ка седлай коня и поехали с нами.

— Зачем тебе нужен этот длинноногий обалдуй? — поинтересовался один из его парней.

— Да так, для смеха, — ответил Хокинз.

— Тебе определенно хочется разбавить свой юмор пистолетным дымом, — высказался лысый малый, похожий на грустного волка. — Я видел немало техасцев, некоторые из них были смыслелыми, некоторые — тупыми, но в одном отношении все они одинаковы: настоящие сволочи.

Хокинз фыркнул, я оседлал коня моего брата Джима, и мы направились к Смоквиллю. Четверо дружков Хокинза обращались к друг другу «Косой», «Рыжий», «Курчавый» и «Аризона». После некоторых моих родственников из Найф-Ривер это была самая крепкая банда головорезов, которую я когда-либо видел.

Через некоторое время показался Смоквиль. Он не был так же велик, как Найф-Ривер, но салунов в нем было примерно столько же. Пятеро стремительно ворвались в город, оглушительно крича и стреляя из пистолетов. Я действовал так же из вежливости, но вовсе не радовался: слишком далеко находился мой дом, да и расположение духа было не самое лучшее. Жители попрятались, увидев нас. Хокинз подъехал к крыльцу салуна. На двери был прибит клочок бумаги.

— Что там, Билл? Читай! — в один голос попросили его спутники.

Он выплюнул табачную жвачку и прочел:

«Мы, жители Смоквилля, издали следующие законы, за исполнением которых намерены сле-

дить со всей строгостью и которые предусматривают штрафы, заключение в тюрьму, вплоть до расстрела, за сопротивление аресту. Запрещается стрельба в пределах города, в салунах и ресторанах, въезд в салун верхом и отрывание пуговиц с пиджаков буфетчиков.

Подписано: Мы, жители Смоквилля, и Джо Клантон, шериф».

Хокинз взревел, как бык при виде красной тряпки.

— К чему мы пришли? — орал он. — При каком правительстве мы живем? Люди мы или ослы? Неужели у нас отнимают свободу?

— Не знаю, — ответил я. — В Техасе я никогда не слышал о подобных законах.

— Я не с тобой не разговариваю, длинноногий бродяга! — огрызнулся он, срывая бумагу со стены. — За мной, ребята! Не дадим им ущемлять права свободных белых людей!

И они въехали в салун прямо на своих лошадах! Хозяин выбежал из задней комнаты с криком:

— Бегите все! Хокинз снова в городе!

Малый, которого называли Косым, зашел за стойку бара и стал разливать напитки. Все спешили, а Хокинз приказал мне вывести лошадей и привязать к решетке. Когда я вернулся, то увидел, что они вытащили шерифа из-под стойки бара, куда тот с перепуту залез, и заставили его съесть бумагу, которую Хокинз сорвал со стены. Шериф, толстый мужчина с лысой головой и большим животом, вытащил пистолет и попытался им воспользоваться.

— Ну и тип же ты! — неистовствовал Хокинз, ткнув дулом пистолета в дрожащий живот шерифа. — Тебя надо бы пристрелить! Ты преследуешь честных людей! Ты давишь человеческую свободу!

Он сорвал с толстяка звезду и со всей силы пнул его в зад.

— Убирайся!

Клантон бросился к двери, словно ужаленный осой, а Хокинз напоследок выстрелом раздробил ему шпоры.

— Ну и нервы у этого койота! — фыркнул Хокинз, опрокинув кварту виски и бросив опустевшую бутылку в окно. — Шериф! Ха!

Он огляделся и остановил свой взгляд на мне.

— Иди сюда, ты! Назначаю тебя шерифом Смоквилля!

С этими словами он прикрепил звезду к моей рубашке.

Все засмеялись и дружно разрядили в потолок пистолеты.

— Я никогда не был шерифом. Что я должен делать?

— Прежде всего обеспечить нам выпивку! — захохотал Рыжий.

— Но у меня всего доллар!

— Не будь дураком! — помотал головой Хокинз. — Никто из моих людей никогда здесь ничего не платит. У меня сейчас полные карманы денег, но ты же не видишь, чтобы я протягивал их кому-нибудь из этих слюнтяев, правда?

— Что ж, тогда выпивка за мной! — согласился я.

Все заорали, начали стрелять в зеркало за стойкой бара и жадно пить виски. Через некоторое время участники попойки разбрелись кто куда. Я отвел лошадь брата Джима в конюшню и велел позаботиться о ней. Конюх пристально посмотрел на мою звезду, но сказал, что обязательно выполнит мое приказание.

— Насколько я понимаю, никто из людей мистера Хокинза в Смоквиле никогда ни за что не платит? Это правда? — поинтересовался я.

Он слегка поежился и дипломатично ответил, что мистер Хокинз столько сделал для этих мест, что никто не решается заставить его за что-либо платить, а кто решился, тех уже нет в живых! Все это показалось мне довольно странным, но отец как-то говорил мне, что, уехав из Техаса, я встречу с другими обычаями. Я вышел на улицу. Банда Хокинза все еще бесчинствовала, и никого кругом не было видно. Впервые мне приходилось наблюдать, чтобы люди так испугались пятерых человек. На восточном конце улицы я заметил ресторан и, так как уже успел проголодаться, направился туда. В дверях меня встретила потрясающей красоты девушка. Мне захотелось ретироваться — я вообще очень застенчив и боюсь молодых женщин, — но она, немного побледнев, спросила:

— Что-что вам угодно?

— Если вас не очень затруднит, мэм, я бы хотел бифштекс, яичницу с картофелем и немного мелассы, — сказал я, сняв шляпу.

Я уселся за столик, а она принялась готовить. Через некоторое время, взглянув на меня с некоторой опаской, спросила:

— Как... как долго ваши люди еще собираются оставаться в Смоквиле?

Я ответил, что, по моему разумению, ребята останутся до тех пор, пока не исчезнет все виски, а судя по тому, с какой скоростью они его уничтожают, это долго не продлится. Немного помолчав, я добавил:

— Вы не здешняя, мисс?

— Почему вы так решили? — удивилась она.

— Никогда еще ни от кого не слышал такой речи, — объяснил я.

— Я из Нью-Йорка, — сказала она.

— А где это?

— Дальше к востоку, — ответила она.

— А, — кивнул я, — это, должно быть, где-то в стороне от Гваделупы.

Она вздохнула, словно сожалея, что находится вдали от родных мест, но тут вошел чудной старик с бакенбардами. Он тяжело опустился на стул, стряхнул пыль с ботинок и мрачно произнес:

— Ничего не выйдет, мисс Джоан. Я не могу заплатить больше. Эти негодяи обобрали меня до нитки. Вчера ночью они вообще забрали последнее. Этот Билл Хокинз...

Она испуганно прошептала:

— Ради Бога, осторожнее, мистер Гарфилд! Здесь сидит один из людей Хокинза!

Старик оглянулся, побледнел, но затем встал и направился ко мне. Потрясая перед моим лицом кулаком, он заорал:

— Ты слышал мои слова! Я не возьму их обратно! Билл Хокинз вор, и все его люди тоже воры. Здесь все знают, что они воры, только

бояться об этом говорить! А теперь давай стреляй в меня! Ты и твоя банда обокрали меня и разрушили мою жизнь! Ну, так что же ты собираешься делать?

— Я собираюсь съесть вот эти персики, если ты перестанешь на меня орать,— сказал я. Удивленный, старик вернулся на место, что-то пробурчав себе в бороду.

— Сколько я вам должен, мисс? — спросил я, наевшись.

У нее был такой вид, будто она увидела призрака.

— *Что?* — не поняла она.

— Скажите, пожалуйста, мисс, сколько я вам должен,— повторил я.

— Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь из людей Хокинза платил за что-либо, но если вы меня не обманываете, то доллар.

Я положил свой доллар, и как раз в этот момент снаружи раздался выстрел. Покачиваясь, вошел один из людей Хокинза, Курчавый. Выпустив несколько пуль в потолок, он заорал:

— Дай мне жратвы, да поскорее!

Старик Гарфилд сжал кулаки, а мисс Джоан испуганно засуетилась.

Увидев меня, Курчавый расхохотался.

— Привет, шериф, длинноногий петух! Ха! Ха! Ха! Самая смешная находка Билла!

Он развалился на стуле, а когда мисс Джоан принесла ему еду, схватил ее за руку и, с вожделением посмотрев на нее, как кот на жирную мышь, сказал:

— Поцелуй меня, красотка!

— Пустите меня! Пожалуйста, пустите меня! — быстро и испуганно произнесла она.

Я не выдержал:

— Что это значит? Никогда еще ничего подобного не видел! А ну отпусти ее и извинись!

— Ах ты, долговязый техасский пройдоха! — взвизгнул он, пытаясь достать пистолет. — Сядь и заткнись, пока я тебе все мозги не выпустил!

Я стукнул его по голове прикладом пистолета. Курчавый упал на пол, несколько раз дернулся и затих. Я вышвырнул его через заднюю дверь, он пересчитал ступени, а затем угодил головой в ведро с помоями, все содержимое которого высыпалось на него. Курчавый лежал, как свинья в корыте, — вполне подходящее для него место.

— Отец предупреждал меня, что остальные места отличаются от Техаса, — с раздражением произнес я, — но я и понятия не имел, сколь велика разница.

— Я к этому уже привыкаю. — Девушка весело усмехнулась. — Здесь люди неплохие, но когда в городе появляется Хокинз и его банда...

— Прежде всего, как вы вообще здесь оказались? — спросил я, потому что мне становилось ясно: наверняка она из тех восточных новичков, о которых я столько слышал.

— Мне надоела каторжная работа в Нью-Йорке, — начала она. — Я скопила денег и приехала на запад, в Денвер. В газете мне попалось объявление, что один человек продает ресторан в Смоквиле, штат Нью-Мехико. Так я оказалась здесь. Все шло прекрасно, пока Хокинз и его банда не начали терроризировать город.

— Я поставил себе целью выкупить ресторан,— печально произнес старик Гарфилд.— Служил поваром, пока не совершил глупость и не занялся скотоводством. Ресторан в Смоквиле — моя голубая мечта — если бы не Хокинз и его банда. Но я не могу увеличить плату. Эти воры обобрали меня до нитки.

— Пятсот долларов помогли бы мне выбраться из этих мест и вернуться в какое-нибудь цивилизованное место.— Мисс Джоан с трудом сдерживала рыдания.

Я пришел в замешательство — как всегда, когда вижу плачущую женщину. Чувствуешь себя подлецом, даже если ни в чем не виноват. Я опустил глаза, и взгляд невольно упал на звезду, которую Хокинз приколот к моей рубашке.

— Подождите здесь! — Я стремительно вскочил на ноги и, схватив старика Гарфилда за шею, толкнул в кресло.— Оставайтесь здесь, пока я не вернусь. Никуда не уходите. Я сейчас.

Когда я выбежал в переднюю дверь, Курчавый, шатаясь, приблизился ко мне — с яичными скорлупками на ушах, весь в картофельных очистках. Я нанес ему сильный удар под челюсть, и он улегся калачиком под лошадиной поилкой.

Проходя мимо салуна «Орел», который находился в квартале от ресторана, я услышал выстрел и завернул туда. Билл Хокинз рассказывал в гордом одиночестве, забавляясь тем, что стрелял в бутылки за стойкой бара.

— Где все остальные? — спросил я.

— В Испанском баре, в западной части города,— ответил он.— А что?

— Ничего,— пожал я плечами.

— Ладно,— сказал Хокинз,— пойду в ресторан, я проголодался.

— Сдается мне, что это портит тебе всю жизнь.— Я кивком указал на стойку бара.

Он дернулся, словно от удара.

— Что ты хочешь сказать? — взревел Хокинз.

— Ты промахнулся в три из этих бутылок. В Техасе...

— Заткнись! — рявкнул он.— Не хочу ничего слышать о Техасе. Только попробуй сказать «Техас» — и я разmozжу тебе голову.

— Ладно,— согласился я,— но, держу пари, тебе не удастся написать свои инициалы на этом зеркале за стойкой бара своим кольцом.

— Ух ты,— фыркнул он и начал активно работать обеими руками.

— Что ты делаешь? — спросил я, когда выстрелы стихли.

— Мой пистолет пуст,— ответил он.— Я должен его перезарядить.

— Нет, не надо.— Я толкнул его в живот своим пистолетом.

Хокинз невероятно удивился, словно портрет сошел со стены и ударил его.

— Что это значит? — взревел он.— Это что, неудачная шутка?

— Брось оружие и подними руки,—скомандовал я.

Хокинз побагровел, но подчинился, потом нагнулся и выхватил из сапога длинный охотничий нож, но я выбил оружие у него из руки прежде, чем он успел выпрямиться.

— Я арестовываю тебя за нарушение порядка,— сказал я.

— Что такое, ты арестовываешь меня? Ты же не шериф!

— Да нет, я шериф,— возразил я.— Ты же сам дал мне эту звезду. Существует закон, предусматривающий наказание за стрельбу по зеркалам в салунах. Я допрошу тебя, предъявлю тебе обвинение и назначу штраф.

— Ну, и насколько же ты меня оштрафуешь? — полюбопытствовал он.

— А сколько у тебя есть?

— Не твое собачье дело! — огрызнулся он.

Я заставил его повернуться с поднятыми руками и вынул из его кармана толстую пачку банкнот.

— Это деньги,— сказал я,— которые ты получил от продажи бычков, украденных у старого Гарфилда. Я слышал об этом от твоих людей, пока мы ехали в Смоквиль. Не двигайся, пока я буду их пересчитывать, и не вздумай валять дурака.

Я держал его одной рукой, а другой пересчитывал деньги. Дело шло не так быстро, так как я никогда не видел такой крупной суммы. Наконец я сообщил:

— Штрафую тебя на пятьсот баксов. Вот остаток.

И вернул ему полтора доллара.

— Вор! — вопил он.— Бандит! Грабитель! Да я убью тебя за такие штучки!..

— Да заткнись ты,— прервал его я.— На ночь я помещу тебя в тюрьму. А уж потом, когда я

уйду, дружки тебя освободят. Если я отпущу тебя сейчас, разве ты дашь мне спокойно выбраться из города?

— Уж конечно не дам! — кровожадно подтвердил он.

— Но я парень миролюбивый,— сказал я, толкая его дулом в спину,— и делаю это из чистой предосторожности. А теперь ступай, пока я не сделал из тебя отбивную.

Тюрьма находилась далеко от центра городка. Каждый шаг нашего пути был отмечен его ужасающими ругательствами. В конце концов мы добрались до тюрьмы — небольшого здания, в тени которого мирно спал большой толстый малый. Пнув ногой, я разбудил его. Прежде чем открыть глаза, он заорал:

— Не стреляйте! Ключ висит на гвозде возле двери!

Когда парень увидел меня и моего спутника, его челюсть опустилась примерно на фут.

— Вы тюремщик? — уточнил я.

— Я Рейнолдз, помощник Клантона,— тихо ответил он.

— Тогда откройте эту дверь,— велел я — У нас заключенный.

— Это Билл Хокинз? — удивился он.

— Разумеется.— Я уже начинал терять терпение.— Поторапливайся, парень, слышишь?

— Ничего себе! Арестовать Билла Хокинза!

— Может быть, ты все-таки отопрешь дверь и перестанешь бубнить? — Я окончательно вышел из себя.— Или хочешь, чтобы я и тебя арестовал за сопротивление правосудию?

— Но это же ни в какие ворота не лезет.— Он покачал головой, но мое приказание выполнил.— Это будет всем нам стоять жизни.

— И это правда! — с ожесточением в голосе согласился Хокинз.

Но я пинком ноги направил его в камеру, не обращая ни малейшего внимания на его угрозы. Приказав Рейнолдзу охранять его и ни под каким видом не отпускать до завтрашнего утра, я вернулся в ресторан. Из Испанского бара раздавались веселые крики: наверняка там бесчинствовали храбрецы Хокинза.

Когда я вернулся в ресторан, мисс Джоан и старик Гарфилд все еще сидели там, где я их оставил, и вид у них был довольно жалкий. Я протянул Гарфилду пачку денег, которую отобрал у Хокинза, и сказал:

— Пересчитайте!

Он остоленел, но денежки пересчитал, правда, очень медленно.

— Ну, сколько здесь?

— Ровно пятьсот баксов,— заикаясь, ответил старик.

— Правильно,— подтвердил я, вырвав сверток из его рук и передавая его мисс Джоан.— Теперь старик Гарфилд — владелец этого рестораника, а у вас достаточно денег, чтобы вернуться на Восток!

— Но я ничего не понимаю! — воскликнула мисс Джоан.— Чьи это деньги?

— Ваши!

— Погодите,— произнес старик Гарфилд.— Разве этот пистолет с рукояткой из слоновой

кости, что у вас за поясом, не принадлежит Биллу Хокинзу?

— Ну и что? — фыркнул я, кладя пистолет на стойку.

Старик побледнел, и даже его бакенбарды встали дыбом.

— Это деньги Хокинза? — прошептал он.— Вы его... того?

— Да нет же! — успокоил я Гарфилда.— Я его не убил. Он в тюрьме. И это не его деньги, просто он думает, что они его!

— Мне еще рано умирать! — дрожащим голосом воскликнул старик.— Я подозревал, что здесь дело не чисто! Неужели ты, щенок, не понимаешь, что когда Хокинз выйдет из тюрьмы и увидит меня хозяином этого ресторана, он решит, что это я подбил тебя ограбить его! Он же знает, что у меня нет денег. У тебя, конечно, были самые лучшие намерения, и я тебе бесконечно благодарен, но ты подставляешь мою старую шею под удар! Он разнесет ресторан, а меня продырявит насквозь!

— И меня тоже! — застонала мисс Джоан.— Боже! Что он со мной сделает!

Я призадумался, а затем с горечью произнес:

— Черт бы побрал все это! Отец был прав: что бы я ни делал, все никуда не годится! Даже не представлял, что все обернется вот так. Я просто хотел...

— Шериф! — раздался с улицы чей-то истошный вопль.— Шериф!

В ресторан, шатаясь, ввалился Рейнолдз с окровавленной головой.

— Бегите все! — орал он. — Хокинз бежал! Он выломал в окне решетку, ударил меня прутком по голове, взял мой пистолет и теперь идет сюда! Он совершенно взбесился — клянется, что перебьет всех жителей и сожжет город!

При этих словах старик Гарфилд издал вопль отчаяния, а мисс Джоан осела на пол.

— Бежим отсюда, — лепетал Рейнолдз. — Скорее...

— Заткнись! — прорычал я. — Все вы останетесь здесь! Я шериф этого города, и моя работа — защищать его жителей. Замолчите и сядьте!

Я выскочил на улицу. Огибая угол здания, заметил Курчавого, который по-прежнему лежал на том же самом месте, где я его припечатал ударом по голове. Парень уже подавал кое-какие признаки жизни. Очевидно, слухи о неминуемой расправе распространились по городу, потому что улицы были пустынные, и только из Испанского бара доносился какой-то шум. Наверное, там веселились наглые бандиты. Держа в каждой руке по пистолету, я ворвался в бар так стремительно, что они вначале ничего не поняли. Рыжий, Косой и Аризона изумленно уставились на меня, и только Хокинза не было среди них, но я уже слышал, как он что-то орет Курчавому на улице.

— Ни с места! — приказал я.

Эти слова оказались для них как запал для динамита — все, как по команде, завопили и полезли за пистолетами! Рыжего я уложил прежде, чем он успел выхватить оружие, Косой успел сделать один выстрел, отстрелив мне мочку уха, но я продырявил его тремя пулями, Аризо-

на промахнулся, выстрелив левой рукой, а правой крепко ударил меня в бедро, прежде чем испустить дух, — все же горячий свинец оказался крепче его черепашки.

Вся битва свершилась молниеносно, как налетевший циклон. В тот момент, когда свалился Аризона, в дверях я увидел Хокинза с пистолетом Рейнолдза в руке. Он и так был высок, как дом, а сейчас, в дыму, выглядел еще выше. Глаза сверкали, усы ошетинились, как у дикого кота, а ревел он подобно урагану над равниной. Выстрелы прозвучали одновременно. Его пуля попала мне в плечо, но удар рукояткой пистолета выбил оружие из его руки, по-моему вместе с пальцами. Хокинз все же нанес мне сокрушительный удар левой. А я, в свою очередь, всадил в него три пули из своего второго пистолета. Последняя вошла в живот с такого близкого расстояния, что на рубашке остались следы пороха. Другие люди, которых мне удавалось ранить подобным образом, обычно складывались пополам и падали, но этот гризли из Нью-Мехико лишь бешено завопил, вырвал у меня пистолет, навалился и начал колотить прикладом пистолета по моей голове, вышибая последние мозги. Своим «сорок пятым» он чуть не снял с меня скальп. Мы катались по залитому кровью полу, разбрасывая вокруг столы и стулья. Я щедро наносил удары длинным охотничьим ножом и в пах, и в грудь, и в живот! Хокинз получил шестнадцать ран, прежде чем обмяк и утомился навек. Мне уже казалось, что его вообще невозможно убить! Пошатываясь, я встал, вытер с

лица кровь и пот и, сдерживая тошноту, оглядел поле брани... Наконец из своих нор, перепуганные и бледные от ужаса, выползали жители Смоквилля. Они смотрели на меня, сидевшего среди развалин и сжимавшего руками окровавленную голову. Кое-кто тихо рыдал.

— Боже правый! — воскликнул Клантон, выпучив глаза. — Что это значит?

— Вы, наверное, хотите получить обратно свою звезду? — печально спросил я, отстегивая ее от своей рубашки.

— Нет, нет! Она теперь по праву ваша! — замахал он руками. — Наконец-то Смоквилль обрел настоящего шерифа! Правильно я говорю, ребята?

— Правильно! — заорали все. — Держи свою звезду и будь нашим шерифом!

— Нет! — сглотнул я, вытирая слезы. — Это не по мне. Просто я хотел кое-кому помочь. Мисс Джоан! Деньги остаются вам, а ресторан — мистеру Гарфилду. Это были ваши трудовые деньги! А я не шериф. Мне дорого ваше доверие, но если бы вы помогли извлечь из меня свинец и заштопать мне голову в девяносто местах, я ушел бы с миром! Мне надо в Калифорнию! Таков наказ моего отца!

— Но о чем же вы плачете? — На лицах окружавших меня людей я видел искреннее недоумение.

— Да просто тоскую по родным местам, — рыдал я, глядя на забрызганные кровью руины. — Этот пейзаж так напоминает мне родной Найф-Ривер в Техасе!

ПУШКИ ХАРТУМА

Эммет Коркоран вытер со лба пот и выругался, окинув взглядом грязные, безлюдные улицы. В висках у него бешено пульсировала кровь, но все заглушал сильный грохот пушек. Он слышал этот грохот так давно, что уже не мог вспомнить, когда была тишина. Он очень устал. Этот грохот доносился от стен обреченного Хартума. Уже

десять месяцев дикие орды Махди¹ окружали город, тщетно пытаясь овладеть им.

Улица пугала своей опустошенностью и безмолвием. Ни белые, ни черные жители города старались по возможности не выходить из домов; белые из страха, черные в зловещем ожидании. Лицо Коркорана почернело от порохового дыма, расстегнутая рубашка обнажала волосатую, мускулистую грудь. Он мрачно дотронулся до костяной рукоятки своей сабли. Внезапный крик, нарушивший тишину улицы, заставил его насторожиться. Коркоран как раз проходил мимо дома с плоской крышей и зарешеченными окнами. Голос явно женский, но местные женщины орут не так под ударами кнута господина, что было здесь не редкостью. Он подскочил к двери, и от его прикосновения она открылась. Он зашел в дом; из-за занавески доносились звуки борьбы, и он, одним прыжком преодолев пространство комнаты, отодвинул ее. Закатные лучи освещали комнату, выходившую во внутренний дворик, и двух сцепившихся в драке женщин. Одна из них была белой, с блестящими бронзовыми волосами — она и кричала. Вот и сейчас снова вскрикнула, когда на нее набросилась смуглая полукровка из Сомали и повалила на кушетку. Красивое лицо смуглой девушки искажала бешеная ярость. Опрокинув белую де-

¹ Махди Суданский (собств. имя — Муххамед-Ахмед; 1848—1885) — предводитель восстания против египетских правителей и английских колонизаторов. (Прим. перев.)

вушку на спину, она занесла над ней египетский кинжал. Одежда ее жертвы была разорвана, красивая грудь обнажена. Вот между этими двумя дрожащими холмиками, словно выточенными из слоновой кости, сомалийка и намеревалась воткнуть свой кинжал. Коркоран никогда не бил женщин, ни белых, ни черных. Но его кровь вскипела; за месяцы ожесточенной войны в его душе пробудилась расовая неприязнь, заставлявшая его ненавидеть любую кожу, кроме белой. Прежде чем опустил кинжал, он дернул смуглянку за руку с такой силой, что та вскрикнула от боли, и свалил кулаком в челюсть. Сомалийка растянулась на ковре, а изо рта у нее потекла струйка крови. Наклонившись, Коркоран схватил ее за длинные волосы, протащил через переднюю комнату и вышвырнул на улицу. Девушка шлепнулась лицом в пыль и жалобно захныкала. Коркоран хлопнул дверь и вернулся во внутреннюю комнату. Белая девушка уже поднялась и держалась за занавеску, пытаясь прикрыть порванным платьем обнаженную грудь. Он стоял молча, пожирая ее глазами. Белые женщины в Хартуме встречались довольно редко, а столь красивую блондинку он видел впервые! В нем пробуждалось желание, которое до сих пор подавлялось постоянным напряжением, не покидавшим его в долгой изнурительной осаде.

— Кто... кто вы? — удивленно спросила девушка, явно испуганная его молчанием, диким выражением лица и грозным видом.

— Коркоран,— представился он.— Эммет Коркоран. Я проходил мимо и услышал ваш крик. Мне следовало бы убить эту девицу!

Она покачала головой и вздрогнула.

— Моя служанка, Зельда, в последнее время стала совсем дерзкой. Не так давно она так оскорбила меня, что я пригрозила высечь ее. Здесь это, знаете ли, принято! Но она заявила, что Махди скоро перережет горло всем белым в Хартуме, и она начнет с меня! О, да вы ранены!

Он невольно потер ногу.

— Это не моя кровь. Мы делали вылазку за пределы укреплений...

— О, пожалуйста, простите мою глупость! — сокрушенно воскликнула она.— Сядьте, я принесу таз с водой и еду, у нас еще немного осталось...

Коркоран с удовольствием опустился на мягкую кушетку и только сейчас осознал степень своей усталости.

— Вы не солдат? — поинтересовалась она, глядя, как он погрузил руки и лицо в воду, которую она принесла.

— Нет, я американец. Я искал слоновую кость далеко в Судане, когда началось восстание Махди. По счастливой случайности мне удалось добраться до Хартума. Разумеется, я присоединился к защитникам города.

— Я слышала о вас! — Ее прекрасные глаза загорелись интересом, а он смотрел в них как замороженный, так отличались они от темных глаз, к которым он уже успел привыкнуть.— О

вас говорят как о храбром воине! Вылазка была успешной?

— Они бежали от нас! Мы снесли несколько голов и отогнали их на несколько сотен ярдов, после чего вернулись, подгоняемые тысячей орущих дьяволов. Эти вылазки мы совершаем для того, чтобы держать их в напряжении и не позволять атаковать нас в полную силу. Но в стенах уже появились бреши, которые мы не можем заделать, и когда дервиши их обнаружат...

— Нам больше не продержаться, если не подойдет помощь из Египта,— пробормотала девушка, садясь рядом с ним; в глазах ее таился неподдельный страх.— Меня зовут Рут Брентон. Я приехала сюда год назад, навестить своего дядю, купца. Он был убит в первые же дни осады. Выбраться из Хартума мне, разумеется, не удалось. Мне страшно, не могу даже сказать, как мне страшно! И эта местность, и люди, и все вокруг так разительно отличается от Англии! А в армии Махди есть француз-перебежчик — Жерар Латур. Я познакомилась с ним в Каире, и с тех пор он преследует меня. Дядя выставил его из дома... Позже стало известно, что Латур уже тогда шпионил в пользу Махди. Он написал мне, что я все равно буду принадлежать ему, даже если для этого ему придется уничтожить весь город собственными руками!

Вдруг она кинулась на шею Коркорану, обвила ее прохладными руками, словно ища безопасности на груди этого сильного мужчины.

— Как мне страшно! О, как мне страшно!

Коркоран обнял ее. От ощущения тела белой женщины, первой белой женщины, до которой он дотронулся за последние три года, кровь бешено запульсировала в висках. Он забыл об угрозе, все больше сгущавшейся над Хартумом, забыл об обреченности осажденных, забыл об усталости, которая в течение последних тридцати шести часов совершенно выбила его из колеи. Увидев пламя в его глазах, девушка попыталась отстраниться от него, но его рука обвивала ее талию и крепко прижимала ее к себе. Второй рукой он шарил по ее изорванному платью, и, когда его пальцы обхватили упругую грудь, из ее губ вырвался глубокий вздох. Он почувствовал, как тает ее сопротивление, а мягкие руки, напряженно упиравшиеся в его грудь, снова обвили его шею. Коркоран с тяжелым вздохом погрузил пальцы в рыжевато-золотистые кудри и прижался ртом к ее розовым губам. Кончик ее языка облизал его губы, и, когда она загорелась от его пламенных поцелуев, ее объятия стали порывистыми, а из задыхающегося рта вырвался тихий стон восторга. Его рука скользнула ниже, прошлась по бархатистой коже бедра и подняла подол платья.

Солнце зашло; быстрые африканские сумерки перешли в ночь. Стояла полная тишина. Лишь изредка над плоскими крышами Хартума грохотывали пушки. Эммет Коркоран внезапно проснулся от предчувствия неминуемой гибели, сжавшего горло. Он все еще лежал на кушетке в комнате, выходившей во внутренний дворик,

где в застывшем теплом воздухе повисли листья пальм. Луны не было, но ноги девушки, что спала рядом с ним, освещались слабым светом звезд, пробивавшимся сквозь дверь и зарешеченные окна. Он быстро вскочил, потянулся к ремню кобуры и сабле, лежавшей на стуле рядом с кушеткой. Пушки зловеще молчали.

Проснувшись Рут сонным движением протянула к нему руки.

— Уже рассвело?

Он поцеловал ее, нежно коснувшись груди.

— Нет, но вставайте и одевайтесь! Мне не нравится эта тишина!

— Боже!

Рут вскрикнула и, вскочив с кушетки, вцепилась в него, но ее крик потонул в дьявольском шуме. В Хартуме словно разверзлись врата ада! В молчаливом городе началось настоящее неистовство: ужасающий диссонанс воплей, страшных проклятий и беспорядочных выстрелов. Над плоскими крышами разливалось красное зарево.

— Дервиши!

Коркоран застыл в изумлении.

— Как они оказались здесь?

Но девушка не ошиблась. Как потом стало известно Коркорану, пятьдесят тысяч человек пробрались под прикрытием темноты через щель в стене. Они вступили в город прежде, чем защитники осознали опасность. Началась настоящая резня.

В доме Рут Коркоран быстро натянул ботинки и обратился к насмерть перепуганной девушке:

— Нам надо найти лодку и попробовать улизнуть по Нилу. Дом не так далеко от берега...

Его слова потонули в грохоте сапог и громких ликующих воплях. Под напором сильных ударов винтовочных прикладов дверь начала трещать, а сквозь весь этот шум раздавался властный голос, явно принадлежавший европейцу.

— Латур! — вскричала побелевшая Рут.

— Во двор! Быстро! Некогда одеваться! Может быть, нам удастся выбраться через задний ход!

Они выбежали во двор как раз тогда, когда открылась маленькая дверь в стене и в нее ворвалась целая орда. Дикие черные лица; в свете мельтешащих факелов страшно сверкали белки глаз и обнаженные сабли. При виде белой девушки, одетой только в тонкую рубашонку с глубоким вырезом, нападавшие взвыли. Мягкий блеск белых ног и обнаженной груди окончательно вывел из себя этих зверей. Позади гогочущей толпы Коркоран заметил довольное лицо сомалийки Зельды. Так вот кто привел их сюда! Коркоран затаился в нише стены, предварительно затолкав туда обезумевшую от страха Рут. Один из дервишей вскинул старинный мушкет, и, когда он с грохотом выстрелил, ядро просвистело мимо уха Коркорана. Тот незамедлительно ответил, прострелив голову противнику, а потом градом выстрелов рассеял извивавшиеся фигуры по клумбам. Своим огнем он оттеснил толпу назад, к красным развалинам стены, но они снова вернулись, обезумевшие от вида полуобнаженной белой женщины, съездившейся за его спиной. Скоро в его кольте не осталось патронов. Тогда Коркоран пустил в ход саблю. Сверкающей голубой молнией она обрушилась на голову ближайшего противника, и тот свалился с разрубленным черепом. Снова и снова высокий американец наносил удары и каждый раз попадал в цель. Он метался среди дервишей, как призрак смерти, мощными ударами выбивая из их рук оружие и ослепляя их быстротой своих наскоков. Происходило невозможное: один человек преградил путь целой орде! Но тут во двор ворвалась еще одна банда, на сей раз со стороны улицы. Высокая фигура в арабском бурнусе разрядила пистолет над головами толпы. Коркоран покачнулся, и его сабля лязгнула о каменную плиту, которыми был вымощен дворик. Он упал, словно подрубленное дерево, а из его головы потекла кровь. Дюжина сабель взметнулись вверх, но прежде, чем они опустились, Рут с криком бросилась к Коркорану и закрыла его своим телом. Клинки застыли в воздухе, а затем вся толпа бросилась врассыпную от одного рывка человека в бурнусе. Он наклонился, схватил Рут за руку и поднял ее. При свете факела она узнала лицо под гладкой тканью головной повязки.

— Латур! — зарыдала она.

— Ваш верный поклонник, мадемуазель! — иронично ответил он. — Пришел заявить свои права на вас, как и обещал!

— Скотина! Вы же убили его!

— Я редко промахиваюсь,— спокойно согласился он.— Довольно! Я получу то, за чем пришел! К чему борьба, маленькая дурочка! Неужели быть моей рабыней хуже, чем быть рабыней одного из этих черных скотов? Хартум пал; Махди — хозяин Судана, и я у него в большом фаворе! Идем же! В моем шатре мы отпразднуем победу!

Смеясь над тщетным барахтаньем девушки, перебежчик поднял ее на руки и понес к открытым воротам. Она так отчаянно боролась, что вряд ли чувствовала его похотливые руки на своих обнаженных бедрах и груди. Через плечо своего победителя она широко открытыми, испуганными глазами смотрела на неподвижную фигуру Коркорана, лежавшую среди груды искромсанных черных тел.

Как только за перебежчиком с его ордой закрылись ворота, из тени выскользнула стройная, смуглая фигурка и, подняв тлеющий факел, прокралась к бесчувственному американцу. Он был достаточно тяжел, но тонкие руки женщины оказались на удивление сильными. Она проволокла его по двору и затащила в комнату. Там женщина задернула занавеску и зажгла светильник. Вероятно, свет, бьющий прямо в глаза, привел Коркорана в чувство. Он заморгал и сел, ощупывая пустой ремень от кобуры, потом поднял недоуменный взгляд на Зельду. Сомалийка стояла перед ним подбоченившись, с самым наглым видом.

— Где Рут? — спросил он.

Теперь, когда у него в голове прояснилось, он стал различать звуки, сопровождавшие раз-

грабление Хартума: отдаленные крики, торжествующие вопли, выстрелы. Запекшаяся на голове кровь стягивала ее обручем.

— Ее захватил Латур,— спокойно ответила Зельда.— Пуля француза только зацепила вас. Они оба решили, что вы мертвы.

Коркоран выругался и, шатаясь от слабости, поднялся на ноги.

— Я убью его! Она ему не достанется!

— Она уже ему досталась! — Зельда бесстыдно вильнула бедрами, обтянутыми короткой юбкой с разрезами по бокам. Глаза женщины выражали скорее приглашение, чем просьбу.

— Не будьте дураком! Они отправились в лагерь Махди, что неподалеку от берега. Неужели вы надеетесь добраться туда и, тем более, спасти ее?

Отчаяние охватило его.

— К чему ты клонишь?

Сомалийка приблизилась к нему вызывающей походкой, позволив оценить все свои зрелые прелести. Затем обеими руками приподняла полные груди и спросила:

— Ну разве я не красива? Я люблю сильных мужчин, таких, как ты! Я не испытываю к тебе ненависти за то, что ты ударил меня! Я могла бы полюбить тебя, красавчик! Когда ты колот в саду дервишей, я сгорала от желания!

Коркоран знал, что есть женщины, которых привлекает животная сила, а изысканные манеры вызывают лишь презрение. Белое тело Рут все еще волновало его воображение. А что касается Зельды... Сомалийка вызывала у него

отвращение, если вообще нормальному мужчине может быть отвратительна красивая женщина. А Зельда была на самом деле красива — дикой, дерзкой, чувственной красотой.

— Ты в моей власти, — насмешливо произнесла она, — Хартум пал, Гордон мертв: я видела его голову, надетую на копье. Махди — хозяин во всем Судане. Я спасла тебе жизнь, потому что люблю твою силу, но я могу закричать, и тогда придут люди и отрежут тебе голову! Выбирай!

Коркоран не испытывал страха перед смертью, но, мертвый, он не сможет вызволить Рут из рук Латура; в его душе все еще теплилась надежда спасти девушку. Он подавил желание схватить насмешницу и свернуть ей шею.

— Выбирать? — рявкнул он. — Так вот же мой ответ!

С этими словами он грубо схватил ее, сорвал юбку и швырнул сомалийку на кушетку. Когда же он исследовал руками ее грудь и все сокровенные тайники ее тела, ему не пришлось притворяться, чтобы изобразить страсть...

Рут Брентон устало смотрела сквозь позолоченную решетку маленького оконца. Над грязными, беспорядочно разбросанными крышами Омдурмана, этой варварской столицы Махди, садилось солнце. Прошло пять месяцев, как пал Хартум, пять месяцев ужаса и стыда для Рут Брентон. За занавешенной дверью комнаты, где она находилась, раздавались голоса других жен-

щин — турчанок, арабов, египтянок, разделявших с ней ее рабство. Она была любимой, но не единственной женщиной Латура. Француз теперь мало отличался от любого дикого суданца, вставшего под знамена Махди. Дервиши богатели на грабежах; взамен крытых тростником хижин они строили себе дома из камня и глины, а невольничьи рынки пополняли их гаремы. Рут, как и все пленницы сераля, была одета в красные сандалии и легкий шелковый халат, стянутый широким бархатным кушаком, расшитым жемчугом. Сейчас она содрогалась от отвращения, глядя на варварскую сцену.

Аллея, на которую выходило ее оконце, заканчивалась рыночной площадью, где расхаживали, жестикулировали, ссорились и даже занимались любовью чернокожие мужчины и женщины. Одна одинокая мужская фигура в арабской одежде, прохаживающаяся по аллее почти под окнами сераля, привлекла внимание Рут. Было в его наружности что-то отдаленно знакомое, хотя, конечно, она его никогда не видела. Он ленивой походкой подошел к окну, и Рут уже было собралась отскочить вглубь комнаты, но он поднял складку своего бурнуса и открыто посмотрел на нее. Лучи солнца осветили его лицо, и она чуть не вскрикнула, вцепившись в оконную решетку, чтобы не упасть от внезапно охватившей ее слабости.

Это был человек, которого она давно оплакала, — Эммет Коркоран!

Мгновение спустя он закрыл лицо складкой бурнуса и, остановившись прямо под окном,

поднял палку, что валялась на дороге. Небрежно наклонившись, он нацарапал палкой на песке: *«Будьте готовы. Я приду за вами, как только стемнеет»*. Затем он стер сандалией надпись и удалился к площади, где быстро смешался с толпой. Рут опустилась на кушетку, а сердце ее колотилось, как пойманная птица. Надежда на спасение затмевалась радостью от того, что он жив, и болезненным ужасом: ее возлюбленный может попасть в лапы врага! Одно неосторожное слово или жест обречет его на мучительную смерть... Она не раз видела, как на рыночной площади люди Махди сжигают заживо своих врагов или сдирают с них кожу.

Ее вдруг охватил страх, что она выдаст свое возбуждение. Она должна тщательно скрыть его, особенно от Зельды. Та появилась в лагере и присоединилась к гарему Латура вскоре после разграбления Хартума. Сомалийка слишком боялась Латура, чтобы открыто мстить Рут, но при всяком удобном случае вымещала на ней свою злобу. Рут ненавидела и боялась ее, а в последнее время на лице Зельды стала появляться злобная ухмылка, наверняка предвещавшая очередную жестокость.

Когда вошел Латур, Рут вскочила. Француз окончательно деградировал. От постоянных дебошей лицо его погрубело и обрюзгло. Латур недолюбливал своего хозяина. Он жил в постоянном страхе, что Мухаммед проведает о Рут и отберет у него белую девушку. Поэтому француз держал ее в более строгом заточении, хотя у нее не было ни малейшего шанса одной уд-

рать из города. Рут ненавидела Латура, но ее страх перед Махди был сродни кошмару. Она дрожала, когда видела, как он едет верхом по рыночной площади, огромный и бородатый. Но в последнее время Латур обращался с ней довольно жестоко. Рут доставалось даже кнутом из кожи носорога. Сейчас же он грубо стал целовать ее, затем посадил к себе на колени и принялся играть ее обнаженной грудью. Она покорно терпела, хотя все внутри кипело от отвращения. Латур догадался о ее чувствах и взбесился.

— Значит, тебя раздражают мои ласки! — рявкнул он. — Захотела хорошего кнута?

— Нет! — Она ужаснулась его угрозе и заставила себя обвить руками его шею. — Не бей меня, пожалуйста! Я же всегда подчиняюсь тебе!

— Да! — огрызнулся он, — но с неохотой! С явным отвращением! Ты меня ненавидишь, будь трижды проклята твоя британская душа! Не пытайся отрицать! Я...

Вдруг в коридоре раздались чьи-то тяжелые шаги, послышались пронзительные крики рабынь, покидавших смежную комнату. Занавеска была сорвана, и перед ними появилась целая банда воинов, которую возглавлял предводитель с мечом в руке. Латур в ярости вскочил.

— Что означает ваше появление в моем доме?

— Я не обязан объяснять свои поступки, я подчиняюсь нашему господину Махди! — надменно ответил предводитель. — Я получил приказ доставить эту английскую девушку в его дворец!

Латур задрожал; сначала казалось, что он выхватит меч и бросится на непрошеного гостя, с улыбкой ожидавшего, что будет дальше. Перебежчик и местные подданные Махди не особенно любили друг друга. Но страх в душе француза оказался сильнее ярости. Его смуглые щеки посерели, и он утрюмо произнес:

— Что ж, забирайте ее. Я подчиняюсь приказу Махди!

— И правильно делаешь, белый человек! — высокомерно произнес предводитель. — Ты же знаешь закон: все пленники должны доставляться в Беит-эль-Мааль, дворец нашего хозяина, и он сам решает: продать или подарить своим подданным или оставить себе! Ты нарушил этот закон, присвоив себе белую женщину. Махди великодушно сохраняет тебе жизнь, учитывая твои прежние заслуги, но берегись!

Грубо схватив Рут за плечо, он толкнул ее к двери.

— Латур! — неистово закричала Рут. — Пожалуйста, ради Бога, не позволяй ему вести меня к этому животному!

Француз утрюмо опустил глаза, чтобы не встречаться с безумным взглядом девушки. Предводитель презрительно шлепнул ее по мягким бедрам и толкнул впереди себя. Она понуро вышла из комнаты... Наконец, с громким стуком за ними захлопнулась дверь дома Латура.

Латур выругался. Вдруг он заметил, что гобелен на стене шевельнулся. Француз стремительно бросился к нему и вытащил из-за гобелена Зельду.

— Ты зачем здесь спряталась?

— Я испугалась солдат.

— С каких это пор ты стала бояться мужчин? Ты лжешь! Ты...

Вдруг, увидев на ее лице злобную усмешку, он все понял и разразился потоком брани:

— Так это твоих рук дело? Черт тебя подери, это ты привела сюда солдат? Ты сказала Махди, что в моем доме живет белая девушка! Ты ненавидишь ее и меня, сучка!

Она вскрикнула, увидев, что Латур выхватил саблю, но тут же затихла, когда он рывком всадил лезвие ей в грудь. Француз вырвал саблю из груди умирающей Зельды, оттолкнул ее и, шатаясь, направился к графину с вином. Внезапно дверь распахнулась, и перед ним выросла высокая фигура мужчины в арабском бурнусе и с пистолетом в руке.

— Где она, Латур? — резко спросил он по-английски.

— Кто?

— Рут Брентон.

— Ее забрал Махди! Но... — Латур прищурился. — Господи, Коркоран! А я думал, что убил вас!

— Другие тоже так думали. Эта девица, что лежит на полу, спасла меня — из своекорыстных побуждений. В конце концов, я покинул ее и попытался пробраться в Омдурман, где меня схватили работаровцы и увезли в Дарфур. Мне понадобилось немало времени, чтобы сбежать от них и вернуться сюда, и вот теперь...

— А теперь Махди весело проводит время с вашей дамой сердца! — злорадно рассмеялся француз в припадке ревливой ненависти. — Он отобрал ее у меня, но пусть уж лучше она достанется ему, чем вам! Она любила вас! Поэтому ненавидела меня! За это я и возьму вашу голову! Вы же не осмелитесь стрелять! Явиться переодетым сюда было не так уж и сложно, но на выстрел сбегутся не менее сотни человек! Твою голову я пошлю Махди, собака!

Вывхватив саблю, он с диким хохотом бросился на Коркорана. Тот не осмелился выстрелить, а лишь сделал шаг в сторону и выхватил саблю. Латур рассмеялся каким-то лающим смехом. Он брал уроки фехтования в лучших школах Парижа, Коркоран же учился в пустыне, где никто не повторяет своих ошибок!

Латур сделал отвлекающий маневр и бросился на противника. Коркоран согнулся и вонзил острие ему под руку.

Латур слишком поздно осознал свою ошибку. Крик, вырвавшийся из его груди, был прерван, так как сокрушительная сабля Коркорана разрубила его челюсть до самых зубов. Латур упал на тело Зельды и лежал, судорожно подергиваясь. Коркоран плюнул на тело и отвернулся.

Толстые ковры заглушали стук сандалий. Никто не слышал и не видел фигуру, что выскользнула в боковую дверь и растаяла в темной аллее.

Коркоран поспешил к определенному месту в городе возле рыночной площади. Там он

должен был встретиться с коптом¹, убежавшим от своего хозяина-дервиша. Копт знал, где можно украсть лодку для опасного путешествия по Нилу. Теперь он должен сказать копту, что им придется отложить побег до тех пор, пока ему, Коркорану, не удастся вызвать Рут из дворца Махди. Он уже разрабатывал план. За несколько дней, проведенных в Омдурмане в поисках Рут, ему удалось получить определенное представление о плане дворца Мухаммеда.

* * *

На рыночной площади горели огни, люди шатались и орали пьяными голосами. Еще несколько шагов, и он дойдет до аллеи, где встретится с коптом, и тот скажет ему, где спрятана лодка. Коркоран бросил рассеянный взгляд на отрубленные головы, выставленные на кольях. В этом адском городе свежие головы появлялись на остриях почти каждый день. Вдруг словно чья-то ледяная рука сжала ему сердце. При свете огней он узнал один из трофеев, глядящих на него пустыми глазницами. Это была голова того самого копта, который намеревался убежать вместе с ним. Беглого раба узнали, когда он шел на условленную встречу. Наказание не заставило себя ждать. Коркоран был словно парализован свалившейся на него бедой. Затем он

¹ Копты — часть египетского народа, исповедующая, в отличие от большинства египтян, христианство монофизического толка.

повернулся к дворцу Махди. Судьба к нему не благоволила, но, по крайней мере, виновник его несчастий его не переживет. Он безжалостно убьет Махди, а потом будет уничтожать черные орды, пока не утолит жажду крови.

Десять минут спустя Коркоран скользнул в аллею, что протянулась вдоль дворца Мухаммеда. Несмотря на темноту, он, тем не менее, увидел человека, сидевшего на корточках, с кривой саблей в руках. Коркоран знал, что это эмир и что он, должно быть, во временной опале у Махди. Холуйское задание охранять заднюю аллею следовало понимать как наказание.

Махди поставил охрану, скорее, формально, нежели с какой-то другой целью, так как не верил, что враг может пробраться к нему. Коркоран, как тень, навис над спящим эмиром. Чтобы войти, он должен был переступить через эмира и тем самым, конечно, разбудить последнего. Он трижды поднял саблю и трижды опускал руку, проклиная свою щепетильность. Но Коркоран не мог заставить себя убить спящего человека, даже дервиша. Подняв саблю еще раз, он ударил эмира плашмя, лишь оглушив его.

Только одна дверь выходила на аллею. Она была заперта, но тонкое лезвие ножа, просунутое между дверью и косяком, приподняло перекладину. В следующее мгновение Коркоран уже был в коротком, увешанном коврами и гобеленами коридоре, освещаемом медными лампами. Через несколько футов коридор кончался занавешенной дверью, а за ней раздавались звуки, от которых красный туман закрыл все

перед его глазами,— истерическое рыдание женщины и грубый гортанный смех мужчины. Он отдернул занавеску, и ему навстречу бросился огромный негр. Дервиши, привыкшие к лохмотьям, в которых Махди обычно появлялся на людях, едва бы узнали его в блестящей фигуре в шелке и золоте, представшей перед Коркораном. Рут, стоявшая за его спиной, уронила золотую вазу, с помощью которой она пыталась бороться, и, плача от облегчения, опустилась на пол.

Когда-то Махди был признанным борцом. Вот и сейчас его ловкости хватило на то, чтобы увернуться от Коркорана. В результате этого удара на толстой шее Махди выступила кровь, и, прежде чем Коркоран смог нанести второй удар, Махди сцепился с ним. Американец сжал толстую шею, пытаясь заглушить бешеный вопль Махди, и гигантская фигура согнулась. Находясь слишком близко, чтобы пустить в ход саблю, Коркоран нанес удар в челюсть рукояткой пистолета. Махди распростерся на полу, из раны на его шее текла кровь. Коркоран поднял меч, чтобы снести ему голову, но звук, раздавшийся позади, заставил его повернуться.

Эмир, которого он оглушил на аллее, стоял в дверях, его глаза были широко распахнуты от ужаса.

— Махди! — Он разинул рот от удивления. — Ты убил его! У него горло перерезано...

— Да, я его убил! — выпалил Коркоран, молниеносно сообразив, в чем дело. — А ты мне помог...

— Ты — ты сумасшедший! — У эмира глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

— Да? Кто тебе поверит, если ты будешь это отрицать? Ты попал в опалу, иначе тебя не поставили бы охранять эту аллею. Это холуйская работа. Как я мог пробраться сюда без твоей помощи?

— Ты не сможешь это доказать! Тебя разорвут на части!

— Разумеется! Но и тебя тоже. Мне не придется ничего объяснять. Я лишь скажу, что ты нам помог, и тебе не дадут возможность доказать свою невиновность.

Эмир упал на колени.

— Сжался, ради Аллаха! Давай разойдемся с миром и будем молчать о случившемся!

— Этим не отделаешься! — отрезал Коркоран. — Ты должен помочь нам выбраться отсюда. Прежде чем станет известно, что Махди мертв, пройдет несколько часов. Его люди знают, что в гареме появились новые женщины, и не посмеют помешать ему, по крайней мере до зари. Как эмир, ты сможешь взять на площади все, что захочешь, — мы возьмем верблюдов, еду, воду, а также нескольких солдат для эскорта. Твоя известность поможет нам выбраться из города. Через час мы будем на пути в безопасное место.

— До Египта далеко, — содрогнулся эмир.

— Кто говорит о Египте? У меня друзья в Абиссинии. Мы переправимся через реку южнее города и проследуем к границе. Ехать придется очень быстро, опережая новости из Омдурмана. Я поручусь за тебя перед моими

эфиопскими друзьями, и, если ты будешь среди них, месть дервишей тебя не достигнет.

— Идем! — Эмир вскочил, весь в напряжении от нестерпимого желания поскорее покинуть дворец.

Коркоран укутал Рут в плащ, поднятый с кушетки, и предупредил его:

— И не дури у меня! Если ты попытаешься предать меня, я крикну, что ты помог мне убить Махди. Идем!

Мгновение спустя они уже пробирались по аллее. Через пять минут эмир невнятным голосом раздавал приказания рабам — навьючить верблюдов мешками с провизией, позаботиться о запасах воды... Две укутанные в плащи фигуры стояли в тени за его спиной. Немного погодя дюжина скаковых верблюдов, раскачиваясь, быстро двигалась на юг.

Только когда огни Омдурмана уже поблескивали далеко позади, Рут осмелилась спросить:

— Махди действительно мертв?

Он приложился губами к ее уху.

— Нет. Просто оглушен. Но эмир ничего не узнает, потому что мы будем ехать очень быстро, опережая слухи из Омдурмана. Он обеспечит нам проход до границы, я же помогу ему проследовать дальше, так что, сам он не посмеет нас убить. Мы в безопасности, девочка! А Махди обречен. Я слышал, как его подлое сердце стучало, словно военный барабан. Он долго не протянет.

Пророчество Коркорана сбылось меньше чем через неделю... Но сейчас американца гораздо

больше интересовала девушка, находившаяся в его объятиях, нежели что-либо еще. Он крепко прижал ее к себе, чувствуя, как тонкие руки обвились вокруг его шеи, и видя, как блестят ее глаза при свете звезд. Все ужасное осталось позади — а впереди их ждали безопасность и счастье, которое обещала любовь этой молодой девушки, чью грудь он нежно ласкал.

ИСТОРИИ О СТИВЕ АЛЛИСОНЕ

1

глядев вестибюль отеля, Хелен Трантон приятно удивилась, узнав две знакомые фигуры.

— Стив Аллисон и Билли Бакнер! — воскликнула она. — Интересно, какими судьбами они оказались в Берлине?

— Что, твои друзья? — поинтересовался ее спутник, молодой блондин с закрученными вверх усами.

— Разумеется! — Она быстро пошла по вестибюлю, сопровождаемая блондином, чье лицо выражало недоумение.

— Стив! Библи!

Оба молодых человека быстро повернулись в ее сторону.

— Мисс Хелен Трантон! — воскликнул Аллисон, пожимая протянутую руку.

— Какой приятный сюрприз! — произнес Бакнер, покраснев до корней волос.

— Я тоже очень рада видеть вас! — ответила Хелен и представила своего спутника, капитана Людвига фон Шлидера.

Капитан, приложив к глазу монокль, с едва уловимым презрением окинул взглядом двух американцев.

— Что вы делаете в Германии? — поинтересовалась Хелен. — Я думала, вы отправились в Мексику!

— Да, мы собирались в Мексику, — улыбнулся Аллисон, — но там сейчас для нас слишком жарко! Вот решили посетить страну Бронированного кулака как коллекционеры!

— Коллекционеры? — удивилась Хелен. — И что же вы коллекционируете?

— В основном драгоценности, — пояснил Аллисон. — Мы работаем на одну корпорацию, которая оплачивает нам расходы и выделяет наш пай драгоценностями!

— Замечательно! — воскликнула Хелен. — Я бы хотела еще повидаться с вами! Вы остановились в этом отеле?

Аллисон кивнул.

— А вы, полагаю, здесь на отдыхе?

— Да! — рассмеялась она. — Я все время отдыхаю! Порхаю, как бабочка, с места на место и живу в свое удовольствие! Вскоре я отправлюсь на один прием, и мне очень бы хотелось, чтобы вы оказались в числе приглашенных!

Тут в разговор вмешался капитан:

— От имени моего друга, Эриха Штайндорфа, возьму на себя смелость пригласить вас на этот прием, господа!

— О, как это мило с вашей стороны, капитан! — обрадовалась Хелен.

— Мы всегда рады видеть у себя друзей фройляйн Трантон! — любезно осклабился капитан.

— Вы обязательно должны пойти! — воодушевилась девушка. — Прием состоится в старом замке Шварцвальд! Только представьте себе, как это увлекательно и романтично!

— Разумеется, — согласился Аллисон. — Мы будем просто в восторге!

Позже, уже в номере, Бакнер дал волю своему недовольству.

— Что с тобой, Стив? Треплешься о драгоценностях да еще принимаешь приглашение на какой-то дурацкий прием! Тоже мне, замок Шварцвальд! Мы еще, между прочим, ничего не разведали в Берлине!

— Мне не хотелось лгать мисс Хелен! Мы же коллекционируем драгоценности, правда? — отозвался Стив Аллисон.

— Только совершенно необязательно сообщать об этом первому встречному! — вспылил Бакнер. — От такой откровенности мне стано-

вится не по себе! У меня возникло чувство, будто сам Мориарти схватил нас за шиворот! Как ты думаешь, почему этот пивной бочонок с моноклем так охотно пригласил нас на прием?

— Наверное, потому, что чудаки, коллекционирующие драгоценности, обычно имеют при себе кругленькие суммы наличными! Когда какой-нибудь промотавшийся герцог продает свои фамильные побрякушки, он предпочитает получить деньги сейчас же! Ты заметил, какие пальцы у этого фон Шпундера? Длинные, тонкие и ловкие. Держу пари, что они умеют лишь тасовать карты! Наверняка из племени настоящих игроков!

Бакнер кивнул. Кстати, у Стива Аллисона были точно такие же пальцы!

— Этот фон Швихтер задумал пригласить нас на дружескую игру и обобрать до нитки! Что ж, доставим ему такое удовольствие! Меня ведь голыми руками не возьмешь! Этих любителей пива я хорошо знаю! Зато в замке нам может представиться случай присмотреть кое-что для нашей коллекции! А Берлин от нас никуда не денется!

— Ты, кажется, был когда-то в Англии на подобном приеме под видом частного детектива? — спросил Бакнер.

Стив недовольно поморщился:

— Да, был. Я пришел туда как частный детектив и обнаружил среди приглашенных свою сестру Мэрион. Один из гостей был найден в своей комнате мертвым. Я отыскал убийцу и расправился с ним. Это оказалась здоровенная

змея. Питон. Он сбежал из цирка и пробрался в замковую башню.

Бакнер встал, подошел к широкому окну и долго смотрел на оживленную берлинскую улицу. Его внимание привлек шагавший вразвалочку офицер, от которого испуганно шарахались цивильные граждане.

— Стив, — произнес Бакнер, — кажется, я вижу змею побольше, чем питон, а именно прусского офицера! Придет день, и эти змеи попытаются опоясать собой весь мир!

— Вполне вероятно, — согласился Аллисон, — но тогда их разрубят на мелкие кусочки! Пойдем побродим по улицам, поглазеем на прохожих!

Несмотря на достаточно сердечное приглашение на прием, Стиву показалось, что во взглядах присутствующих проскальзывало тонко завуалированное презрение к двум американцам. Среди гостей преобладали молодые дамы и мужчины явно из высших слоев общества; было несколько британцев, один русский и единственная американка — Хелен Трантон.

Огромный старинный замок Шварцвальд окружал мрачный лес, подступавший к самым его стенам. Крепостной ров за ненадобностью давно превратили в плавательный бассейн. Со времен средневековья сохранились лишь подвешенный мост и громадные чугунные ворота. Гости не скупились на восторги и комплименты хозяину, Эриху Штайндорфу, высокому, крепко сложенному мужчине со светлыми волосами и такими же усами, закрученными вверх — по моде, принятой у большинства прусских офицеров.

Несмотря на внешнюю грубоватость и резкость манер, он обладал незлобным, добродушным характером. Благодаря своему богатству и деятельной натуре, Штайндорф пользовался в берлинском обществе достаточной популярностью. Замок, конечно, внутри перестроили в соответствии с современными вкусами. Огромный зал, где в средние века пировали хозяева со своими многочисленными гостями, теперь был разделен на курительные, столовые, спальни для гостей... Однако сохранились длинные коридоры, винтовые лестницы и лабиринты мрачных подземелий.

— Выберите себе комнаты! — предлагал гостям Штайндорф, энергично размахивая руками. — Их у меня полно! Пройдите по замку и выберите по вкусу!

Гости последовали приглашению хозяина и, оживленно переговариваясь, разбрелись по замку. Слегка замешкавшаяся Хелен Трантон почувствовала, как кто-то осторожно коснулся ее плеча. Быстро обернувшись, она увидела Билли Бакнера.

— Мы заняли верхнюю комнату в восточной башне, — тихо произнес он. — Постарайтесь поселиться поближе к нам! — И с этими словами покинул озадаченную Хелен.

Через некоторое время гости снова собрались в большой столовой, где подали второй завтрак, состоявший, в основном, из легких закусок и прохладительных напитков. После завтрака кто-то предложил поиграть в прятки, для чего древний замок с его укромными уголками

и темными нишами был приспособлен как нельзя лучше. Комнаты и коридоры замка наполнились смехом и веселым визгом. Девушки и молодые люди бросились врассыпную в разные стороны: они занялись поисками, внезапно выскакивали из всевозможных укрытий, пугая друг друга.

— Нет, ты только подумай! — заметил Бакнер. — Оказывается, и взрослые могут резвиться не хуже детей!

— Послушай, дурачок! — прошептал Аллисон, — пойдем лучше поиграем в карты!

Стив никогда не упускал удобного случая испытать судьбу. Бакнер последовал за ним в игровую комнату.

Хелен разыскивала укромное местечко, намереваясь спрятаться; она распахнула первую попавшуюся дверь и оказалась в комнате, в которой, похоже, никто не жил с тех самых пор, как перестроили замок. Пол был покрыт пылью, а всю обстановку составляли несколько сломанных стульев. В комнате находилась еще одна дверь. Открыв ее, девушка увидела винтовую лестницу — наверное, по ней можно было попасть в одну из башен. На ступеньках также лежал толстый слой пыли. На лестнице было темно, и Хелен расхотелось здесь прятаться. Она закрыла дверь и вернулась к двери, ведущей в коридор. Вдруг ее охватило жутковатое чувство, будто кто-то или что-то наблюдает за ней с лестницы. Возможно, там спрятался один из гостей? Хелен вновь подошла к двери на лестницу и позвала. Ответа не последовало, и вдруг девушку охватила странная, безотчетная

паника. Она повернулась, опрометью выскочила в коридор, прислонилась к стене и почувствовала, как краска стыда залила ее щеки. «Какая же я дура! — подумала она. — Тишина этого старинного замка действует мне на нервы. Хорошо, еще никто не видел, что я здесь вытворяла!»

В конце концов гостям порядком надоело прятаться. Собравшись в большом зале, они, смеясь, обменивались впечатлениями о своих приключениях. Затем Эриха попросили рассказать историю замка, и он, с явным удовольствием, выполнил просьбу.

— Этот замок с самого начала принадлежал семье Штайндорфов, — начал он. — Им владели многие поколения баронов, которые фактически полновластно хозяйничали в Шварцвальде. Их власть была абсолютной, и никто, кроме самых могущественных особ, не решался оспаривать их решения или противоречить им. Лет шестьдесят назад, однако, Штайндорфы приобрели еще один замок на берегах Рейна. С тех пор здесь никто не живет. Но не так давно меня осенило: а не устроить ли в этом замке место увеселения для моих друзей?

— Здесь обитают призраки, не иначе! — воскликнула одна гостья, оживленная молодая англичанка, мисс Элинора Уиннистон. — В таком мрачном старинном замке их просто не может не быть!

— Я тоже подумала, что столкнулась с привидениями. — И Хелен поведала о своих приключениях в комнате с винтовой лестницей.

— Эта лестница ведет в западную башню, — пояснил Эрих. — В этой башне никто не живет, и говорят, там действительно обитают призраки.

— Как интересно! — оживился один из гостей. — Расскажите об этом поподробнее!

— В начале пятнадцатого века замок принадлежал барону Отто Штайндорфу, известному своей силой и влиянием, а также невероятной волосатостью — чем-то он, как утверждали, очень напоминал обезьяну, — начал Эрих. — Этот человек не терпел над собой никакой власти. Все даже и пикнуть не смели без его дозволения. На одну из красивых девушек поместья он положил глаз. Барон послал за ней своих солдат, но она успела скрыться с его молодым оруженосцем. Влюбленных тем не менее настигли — они еще не успели уйти далеко — и доставили барону. Все последующие события развивались как раз в этой западной башне. Отто собственноручно убил юношу, а девушке предложил свободу в обмен на определенные услуги. Девушка отказалась, и барон взял силой то, что ему не дали добровольно. Затем, придя в ярость от ее сопротивления, он сбросил ее с башни. На следующее утро оруженосцы нашли обезглавленного Отто на полу верхней комнаты, его грудь была буквально исполосована ножом. Кто его убил и как убийце удалось убежать из замка, до сих пор остается загадкой. Правда, обитатели замка утверждали, что ночью из западной башни доносились звуки ожесточенной борьбы. Как-то некий рыцарь отважился провести ночь в комнате — утром его нашли у подножия башни. В

конце концов на дверь башни повесили огромный замок. Эти легенды бытуют и поныне, и один из моих слуг покинул замок, заявив, что недалеко от западной башни его схватила длинная волосатая рука, высунувшаяся из какого-то потайного места. Я попытался проникнуть в башню, но, чтобы взломать огромный замок, потребовался бы динамит, да и дверные петли настолько проржавели, что вряд ли дверь удалось бы открыть. Задача не из легких, тем более что она сделана из прочнейшего материала, то ли из стали, то ли из чугуна, и толщиной не менее фута! Западная башня отличается от остальных тем, что там только одна дверь, в верхнюю комнату. Нижняя комната, очевидно, соединяется с верхней с помощью люка и внутренней лестницы. Превосходное место для зловещих преступлений!

— Неужели здесь еще кого-то убили? — спросила одна из девушек, явно жаждавшая ужасающих подробностей.

— В средние века здесь было совершено несколько убийств, — ответил Эрих, — но, в основном, преступления были совсем другого рода. Среди стен старого замка чаще раздавались крики девушек. Мои предки, — продолжал он с многозначительной улыбкой, — были занятыми дамскими угодниками. Их ухаживания неизменно увенчивались успехом, хотя иногда и сопровождались насилием. Женщины часто сопротивлялись, но им редко удавалось устоять перед страстными поклонниками. Если барон проявлял к девушке благосклонность, от ее желания уже ничего не зависело!

— Прямо как в каменном веке, — засмеялась одна из молодых женщин.

— Нелегко приходилось девушкам, а? — заметил англичанин.

— Да, наверное, — ответил Эрих. — Но, как бы то ни было, они безраздельно принадлежали своему господину. Он делал с ними все, что хотел.

— Сильные, мужественные, властные. — Хелен Трантон покачала головой. — Этот тип мужчин у меня восхищения не вызывает.

— Рассказывайте, рассказывайте, — засмеялся Эрих. — Все молодые женщины втайне мечтают о том, чтобы какой-нибудь мужчина увез их силой и безраздельно властвовал над ними. Такова уж девичья натура! Они любят сильных, властных мужчин!

— Встречались мне такие типы, — заметил Стив Аллисон. — Одним из них был великанбур, которого я видел в Родезии. Он вел себя как пещерный человек с любой встречавшейся на его пути чернокожей женщиной. Но однажды испробовал свою тактику с молодой англичанкой... Мы повздорили, и я покинул Родезию.

— А бур? — поинтересовался британец.

— Он и по сей день там живет, — пожал плечами Стив. — Если, конечно, его не сожрали шакалы!

Одна из англичанок, шокированная, вскрикнула.

— Значит, таково ваше отношение к подобным мужчинам? — Эрих всем своим видом выражал несогласие с Аллисоном.

Стив ничего не ответил.

— Может быть, кто-нибудь хочет сыграть в карты? — вмешался капитан фон Шлидер.

Предложение было с удовольствием принято. Некоторые из гостей прошли в игорную комнату, и игра началась.

— Может быть, герр Аллисон предпочтет американский покер? — поинтересовался капитан. — Здесь эта игра знакома.

— Да, покер мне как-то ближе, — признался Стив.

В игре приняли участие шестеро: Аллисон, капитан, русский по фамилии Зуранов, два англичанина и дородный немец фон Сейгель. Ставки были невелики, и Аллисон старался не выходить за рамки обычной игры. А Бакнер, оказавшись в отведенной ему комнате в восточной башне, сел у окна и принялся любоваться лесом. Через некоторое время к нему присоединился Аллисон, с бокалом шампанского.

— Мне удалось мельком осмотреть все комнаты, — сообщил он, — и заглянуть в некоторые ниши. Если Штайндорф и прячет здесь драгоценности или крупную сумму денег, то делает это очень умело. У тебя нет никаких догадок, где может быть подобное барахло?

— Я не очень внимательно рассматривал замок. — Бакнер пожал плечами. — Я только поднялся по винтовой лестнице в верхнюю комнату. Налей мне шампанского.

Стив налил шампанского и Бакнеру, и себе.

— Я был в верхнем коридоре, — объяснил Бакнер, — где расположено большинство ком-

нат для гостей. В некоторых из них кое-кто уже весело проводит время. Там есть еще одна винтовая лестница, я воспользовался ею и оказался в большой комнате. Похоже, в ней уже много лет никто не жил — настолько она грязная. Там валяются какие-то доспехи, наверное, их носили средневековые рыцари. В комнате несколько больших окон с чугунными решетками, выходят они во двор замка. Услышав шаги, я проскользнул в одну из ниш в стене коридора. Появились Эрих Штайндорф и Далия Синклер, ну, знаешь, эта англичанка, и зашли в комнату. Подняв доспехи, Эрих сказал:

«Когда мужчины носили это, они были настоящими мужчинами. И брали то, что хотели, не обращая внимания на девичьи капризы!»

Далия что-то ответила, но я не расслышал. Эрих продолжал:

«Почему ты сопротивляешься? Я достаточно богат. Чего большего ты можешь желать? Или у тебя есть другой мужчина? Неужели я хуже этих жеманных дураков — твоих соотечественников? Или тебя интересуют недоумки американцы? Ни за что не поверю! Настанет время, когда Германия будет владеть всем миром! Тогда никто не посмеет сказать „нет“ немцу. Бароны, мои предки, не выносили никакого неповиновения, не потерплю и я!»

«Не глупи». — Далия пожалала плечами.

Они направились к выходу. У двери Эрих остановился и загородил девушке дорогу.

«Старинный немецкий обычай, дорогуша. Один поцелуй, и я тебя пропущу».

«Что-то вроде заставы? — засмеялась она. — Да, ты настойчив!»

Она подставила хорошенькие розовые губки, и Эрих несколько раз ее поцеловал.

«Немецкий обычай, модифицированный так, чтобы не шокировать современных скромниц, — заметил он, когда они уже были в коридоре. — Я расскажу тебе, в чем заключался этот обычай в старину». Англичанка снова рассмеялась.

Бакнер замолчал и налил себе еще бокал шампанского.

— Что же произошло дальше? — Аллисон сгорал от любопытства.

— Я прошелся по большей части верхних коридоров, но ничего интересного не обнаружил. В основном большие комнаты, грязные и пустые; две-три из них могли бы быть дамскими будуарами. Подозреваю, что в прежние времена Эрих развлекался там со своими посетительницами!

— Разумеется! В Берлине модно приобретать старинные замки и превращать их в места развлечений. Так поступают многие молодые богатые немцы, а тебе известно, как они любят женщин!

— Потом, — продолжал Бакнер, — я спустился по лестнице и прошел по нижнему этажу. В некоторых комнатах и коридорах потолки выше, чем в других, на этом же этаже. В одной из комнат я обнаружил настоящую картинную галерею: изображения людей в доспехах, старомодных одеждах, и у всех как на подбор высокомерные, властные, жестокие физиономии! Не

хотел бы я иметь таких предков! Однако, кажется, Эрих ими гордится! Наверное, потому, что сам похож на них! Портрета Отто там нет. Сдается мне, художники боялись подойти к нему на пушечный выстрел! Да, кстати, видел я эту западную башню, о которой хозяин так много рассказывал. Такая же башня, как и остальные. Наверное, в ней тоже две комнаты, как и в этой, нижняя и верхняя. Я осмотрел всю башню — от основания до крыши — и не обнаружил ничего, кроме двери в верхнюю комнату, на которой висит здоровенный замок. В коридоре есть винтовая лестница, рядом с площадкой перед дверью, а с другой стороны площадки — точно такая же. На этой второй лестнице было довольно темно, я решил, что она ведет в другую часть замка. И самое любопытное, Стив, из этой комнаты до меня донеслись звуки! Может быть, это летучие мыши, но похоже, что там двигалось что-то большое и тяжелое!

— Чушь! — фыркнул Стив. — Наслушался историй о призраках, вот они тебе всюду и мерещатся!

— Ничего подобного, — не унимался Бакнер. — Рассказы о призраках меня ничуть не беспокоят, да и услышал я эти звуки еще до разглагольствований Эриха. Держу пари, здесь дело нечисто! Ты не допускаешь мысли, что у Штайндорфа в этой башне заперта девушка? Или какой-нибудь узник?

— Все может быть, — подумав, ответил Аллисон. — А вдруг там некий изобретатель работает над новым оружием?

— А может быть, изобретатель — узник? — предположил Бакнер.

— Ладно, — кивнул Аллисон. — Попытаемся выяснить. Ну, что ты делал дальше?

— Некоторое время я подождал, но больше ничего не услышал и отправился к другой лестнице. Было довольно темно, а лестница оказалась извилистой и крутой. Не люблю такие лестницы! Тут кто-то открыл дверь, я быстро спрятался и стал наблюдать. Как ты думаешь, кого я увидел? Хелен! Она огляделась, не заметила меня и снова закрыла дверь. Я бросился вниз. В двери есть небольшое отверстие, которое вряд ли можно заметить изнутри. Я заглянул в него и увидел большую, пустую, грязную комнату. Хелен как раз отходила от двери, но потом вдруг испугалась и выбежала из комнаты. Не хотелось пугать ее, но еще меньше хотелось объяснять, каким ветром меня занесло в эту башню! Мне почему-то кажется, что Эрих предпочитает, чтобы гости не интересовались западной башней. Я спустился в большой зал, где вскоре собрались и все остальные.

— Ничего, мы постараемся разобраться, — рассеянно произнес Аллисон, он уже погрузился в размышления над тайной западной башни. — Тем не менее нас наверняка ждут в зале. — Он поднялся. — Бак, под любым благовидным предлогом ты покинешь зал и отправишься на разведку, а я расскажу гостям какую-нибудь длинную историю, чтобы отвлечь их внимание. Только постарайся никому не попадаться на глаза!

Бакнер молчал. Не очень-то его увлекала перспектива прогулки по длинным коридорам!

— Я, конечно, могу и сам все разведать... — продолжил Аллисон, но Бакнер прервал его:

— Я все сделаю, как ты говоришь, но если на меня нападут или я встречу что-то непонятное, я буду стрелять первым!

— Хорошо, только не попади в кого-нибудь из гостей! Не хватает еще вляпаться в мокрое дело!

Бакнер кивнул.

В большом зале гости оживленно сражались за карточным столом, некоторые пары танцевали. Эрих, играя роль заботливого хозяина, переходил от одной группы к другой в самом добродушном и веселом настроении. Несколько молодых женщин, заинтригованных историями о призраках, окружили его. Вскоре к ним присоединилось большинство гостей, и снова в ход пошли длинные истории о замках, населенных призраками, и совершенных в старину преступлений. Аллисон, протанцевав с Хелен Трантон, подошел к группе, увлеченной очередной историей, и как бы невзначай взглянул на Бакнера, занятого игрой в карты. Тем временем одна немочка закончила делиться впечатлениями об известных ей фактах непристойного поведения некой средневековой графини. Стив принялся за осуществление задуманного плана.

— Я американец, и наша семья живет в Америке на протяжении вот уже трех веков, но Аллисоны родом из Шотландии, и некоторые старинные легенды этой страны передаются из

поколения в поколение. Я вам расскажу историю из времен войны на границе, когда правили первые шотландские короли. Мирное население подвергалось набегам разбойников с равнин, они мародерствовали, сжигали селения, расправлялись с теми, кто пытался оказывать им сопротивление. Руки разбойника Черного Фергюса, моего старинного предка, обогреты кровью многочисленных жертв. Английский и шотландский короли обещали за его голову огромные деньги.

Пары перестали танцевать, игроки покинули столы, и все окружили Аллисона. Он был превосходным рассказчиком, гости слушали с неослабевающим вниманием, и им казалось, что они сами являются свидетелями страшных битв. Это была не романтическая история о завоевании женских сердец, а повествование об отчаянной, неистовой борьбе мужчин против мужчин. Холодные дикие горы, бесплодные пустоши и люди, дикие и мрачные, как и земля, на которой они жили. Некоторые сцены описывали безграничную, дикую жестокость человека, от которой у бесшабашных любителей удовольствий волосы вставали дыбом. Аллисон заметил интерес гостей и старался вовсю, чтобы дать Бакнеру достаточно времени обследовать западную башню. Наконец закончив рассказ, Аллисон встал:

— Прошу прощения за то, что утомил вас. С вашего позволения я удалюсь. Я привык рано ложиться спать!

Когда он пересекал зал, все гости смотрели ему вслед.

— Станный малый,— заметил один из англичан, а русский задумчиво улыбнулся.

— Наверное, он похож на своего древнего предка Фергюса,— заметила Далия Синклер.— Хелен, неужели все ваши соотечественники — убийцы?

— Разумеется, нет! — рассмеялась Хелен.

— Ну, кто еще знает увлекательную историю об убийстве? — легкомысленным тоном поинтересовался кто-то из гостей.

— Нет уж, довольно об убийствах! — воскликнула молодая немочка.— После рассказа герра Аллисона, я боюсь даже оглянуться!

— Тогда давайте без убийств! — предложил Эрих.— О каком-нибудь веселом бароне, вроде добродушного старого Людвига Штайндорфа, любимым развлечением которого было раздевать молодых женщин из окрестных деревень, надевать им на лица маски, а потом заставлять молодых людей искать среди них своих жен и возлюбленных!

— Редкий хам! — прокомментировал англичанин.

— Вовсе нет.— Эрих громогласно рассмеялся.— Женщинам не причиняли ни малейшего вреда, хотя, вероятно, им было немного стыдно. У вас, британцев, ложные представления о женской скромности!

Штайндорф отхлебнул вина. Зуранов, пристально взглянув на него, предложил возобновить танцы.

Стив Аллисон, в это время находившийся в своей комнате в восточной башне, услышал шаги,

пружинисто, по-кошачьи, вскочил с кресла, выхватив пистолет, но тотчас же вложил его в кобур, увидев Бакнера. Прежде чем заговорить, тот крепко запер дверь, а уж потом повернул к Стиву бледное лицо. Одежда его выглядела не лучшим образом. Налив в бокал вина, он сел.

— Тебя кто-нибудь видел? — спросил Аллисон.

— Никто, но самое странное заключается в том, что я тоже никого не видел!

Аллисон помалкивал, ожидая, когда Бакнер придет в себя и обо всем расскажет.

— Сначала я пошел к восточной башне, потом сделал круг и направился к западной, — начал Бакнер. — Я вошел в эту чертову комнату и увидел там винтовую лестницу. Не успел я подняться на несколько ступенек, как тут на меня сверху упало что-то тяжелое. Я не стал стрелять, решив, что это мог быть кто-нибудь из слуг или гостей. Сцепившись, мы покатались вниз по лестнице. Странное существо, кем бы оно ни было, не пыталось пустить в ход кулаки, но, похоже, старалось оторвать мне руки и ноги! Только когда мы ударились о подножие лестницы, оно ослабило хватку. Собрав все силы, развернувшись, я хотел врезать ему в челюсть, но его лица я не увидел! Это чудовище двигалось прямо на меня, и мне ничего не оставалось, как отскочить в сторону! Оно со всего маха врезалось в лестницу и поползло по ней, очевидно предположив, что я наверху! Я же, недолго думая, поскорее унес ноги из этой жуткой комнаты!

— Кто же это мог быть? — недоумевал Стив.

— Ума не приложу! — Бакнер заколебался и посмотрел на Аллисона. — Стив, помнишь, Штайндорф рассказывал, что барон Отто был весь покрыт волосами! Так вот, чудовище, с которым я сцепился, напоминало гориллу!

Стив пожал плечами:

— Ты хочешь, чтобы я поверил в существование Отто?

— Не знаю, но если это был человек, почему он не дрался кулаками или оружием? А если это было животное, почему оно не пустило в ход клыки и когти? Нет, Стив, это было не животное! У него были руки! Причем не то пять, не то шесть! И должен признаться, сильнее человека я еще не встречал!

2

Вечеринка в Пиретто-Плейс была в самом разгаре. Сочетание кабаре и игорного дома являлось сенсацией и весьма привлекало прожигателей жизни. Танцующие пары выделяли самые модные и замысловатые па, гремел джаз, вино текло рекой. В игорном зале наверху атмосфера была накалена до предела. Группа щегольски разодетых молодых людей и дам в мехах и драгоценностях, увлеченных рулеткой, фараоном и покером, расточали деньги с такой быстротой, что даже у бывалых картежников захватывало дух. За одним из столиков сражались в покер четверо молодых людей. Один из них, профессиональный игрок, состоявший в

штате заведения, был спокоен и бледен. Двое других принадлежали к столь распространенному на Бродвее клану хорошо одетых, элегантных, всюду принимаемых молодых людей. Внимание привлекал четвертый — с тонкими чертами лица, узкими серыми глазами и черными волосами. На первый взгляд он был здесь совершенно не ко двору, однако вел себя легко и непринужденно. Юноша не имел ничего общего с молодыми завсегдатаями этого заведения, что-то в нем заинтриговывало, вызывало интерес. За столом он был самым молодым, но его ставки были самыми высокими. В его манерах чувствовалось уважение к игрокам, но иногда в этом уважении проскальзывала доля насмешки. Стив Аллисон недолго любил молодых «белых воротничков», хотя они и принимали его за своего. Бросив взгляд на рулетку, он задержал его на маленькой, стройной красавице — брюнетке, швырявшей деньги горстями. Он пожал плечами и сделал ставку, по сумме эквивалентную той, которой она лишилась. Это не представляло собой большого риска, потому что Стив был профессиональным игроком, хотя его друзья и не догадывались об этом. Девушка наслаждалась жизнью, явно возбужденная игрой, а может быть, и шампанским. Не было никакого сомнения, что в обществе этих кутил она новичок. Щеки ее пылали, а звонкий, чистый смех заглушал шум в игорном зале. Она была совершенно бесшабашной: проигрывая деньги, весело смеялась и, откинув назад непослушные локоны, удваивала ставку. Так продолжалось

снова и снова. Молодые женщины, как замороженные, не без ревности наблюдали за ней; мужчины, толпившиеся вокруг, бросали на нее такие взгляды, что Стив невольно выругался про себя. Находясь достаточно близко к рулетке, он мог слышать все разговоры, не боясь быть уличенным в подслушивании.

— Ну,— уговаривал девушку один из молодых людей,— крутаните рулетку еще разок, чтобы сделать ставку!

— Я разорена! — смеялась она.— Сначала мне надо взять немного денег у Стива!

— Не отвлекайте Стива, он выигрывает!

— Так что вы предлагаете? — поинтересовалась она.

— Сто долларов за один поцелуй!

— Идет! — засмеялась она.— Условия достаточно справедливые!

Стив, не произнеся ни слова, положил карты и встал. Он не был ханжой и вовсе не возражал против того, чтобы девушка приятно провела вечер, но у него имелись весьма старомодные взгляды на поцелуи: неужели его сестра настолько не ценит себя, что позволяет целовать себя всем без разбора! Особенно этому хлыщу! Стив был знаком с ним и знал, что один только его взгляд может запятнать репутацию девушки!

— Приготовьтесь к поцелую, Милли! — засмеялась одна из дам.— Курт всегда получает все, что хочет!

Курт Фаннер улыбнулся и поклонился, польщенный комплиментом. В эту минуту Стив подошел к рулетке, схватил деньги, выложенные

Фаннером, и всунул их в ладонь ошеломленного молодого человека.

— Ставка бита! — сообщил он.

— Но почему? — Курт запнулся и покраснел. — Что вы хотите этим сказать?

Стив шагнул вперед и уперся взглядом в лицо Фаннера.

— Вы хотите со мной поспорить по этому поводу? — тихо произнес он.

Фаннер был шире, выше и явно тяжелее Аллисона, но затевать с ним драку не имел ни малейшего желания. Внешность Стива была обманчива, и Курт знал это, потому что видел, как тот одолел в кровавом поединке чемпиона Нью-Йорка в легком весе. Сейчас Стив Аллисон напоминал пантеру, изготовившуюся к прыжку. Фаннер, вежливо поклонившись, отступил, всем своим видом показывая, что он не такой грубиян, как Аллисон, и тем самым намеревался поставить юношу в неловкое положение. Стив проигнорировал его маневр и повернулся к сестре:

— Пора домой, Милдред!

Милдред вовсе не горела желанием покидать общество и очень рассердилась на Стива, но, встретившись взглядом с пылавшими гневом глазами брата, сочла за лучшее не спорить с ним. Она встала, извинилась перед играющими и вышла вместе с братом на улицу, где Стив попытался найти такси.

Наконец Милдред дала выход своему негодованию. Она яростно упрекала Стива, что тот не дал ей повеселиться.

— Ты настоящий тиран! — визжала она, топая ножками. — Не поеду я домой! Говорю тебе, не поеду!

Но все напрасно. Стив, способный справиться с тремя мужчинами, не собирался уступать девчонке ростом в пять футов и весом меньше ста фунтов! В этот момент к тротуару подрулила машина, и Стив, подняв сестру на руки, запихнул ее в такси и сел рядом.

— Милли, перестань капризничать! — увещевал он сестру, а та с трудом сдерживала себя. Такси подъехало к роскошному зданию, похожему на королевский дворец.

— Все уже, наверное, легли спать, — заметил Стив, направляясь к боковому входу.

— Ничего не легли! — возразила Милдред. — Мэдж на балу. У нее нет сумасшедшего старшего брата, который увозит ее отовсюду! — многозначительно добавила она.

— А следовало бы! — отрезал Стив.

Когда они поднялись на этаж, где у каждого из них была своя комната, Милдред решила вернуться к выяснению отношений.

— Судя по тому, как ты со мной обращаешься, люди подумают, что у меня несносный характер, — начала она.

— Я не хочу, чтобы тебя целовал Курт Фаннер или кто-либо другой, — проворчал Стив.

— Ты тиран!

— Я не тиран. Просто я знаю, что это за человек, а ты нет!

— Да что ты? — Она изобразила удивление. — И, конечно, он негодяй?

— Именно! — последовал невозмутимый ответ. — А еще он крадет младенцев, поэтому и выбрал тебя!

Милдред замолчала. Возраст доставлял ей немало неприятных минут. Она была младшей, и это давало право остальным воспитывать и вразумлять ее. Во всяком случае, ей так казалось. Замечание Стива совсем разъярило ее и придало больше смелости.

— Он джентльмен, а ты нет!

— А я на это и не претендую, — невозмутимо ответил брат.

Они вошли в просторную, изысканно обставленную и ярко освещенную гостиную, и здесь Стив заметил, как неестественно румяна его сестра. Он схватил ее за плечи, повернул к себе и почувствовал запах спиртного.

— Господи! — неприязненно произнес он, — да ты еще и пьяна!

— Ничего подобного! — запротестовала та, пытаясь освободиться. — Я выпила всего два бокала шампанского!

— Для такого ребенка хватит и одного!

— Что за пуританство! Я уже достаточно взрослая женщина и много повидала!

Стив схватился за спинку кресла, сделав вид, что сейчас упадет от смеха.

— Ты? Много повидала? Да ты просто дитя, которое воображает о себе невесть что!

— Неужели? — раздраженно проговорила она. — А как же пари, которое я заключила с Джеком Дурном?

— Что еще за пари?

— На скачках он поставил две тысячи долларов...

Стив бросил на нее взгляд, от которого ей стало не по себе, но она твердо решила не отступать.

— В случае победы лошади, на которую он поставил, он должен был сам снять с меня чулок!

— Ах ты, чертенок! — Одной рукой Стив схватил сестру, а другой шлепнул ее по мягкому месту.

— Но он проиграл! — завизжала Милдред, отчаянно пытаясь вырваться из рук брата.

Стив заколебался, затем все же положил ее на пол и прижал коленом. Все желание дразнить брата исчезло, как только она увидела в его руке ремень. Правда, в глубине души Милли не верила, что Стив может ее высечь, но...

— Ты прекратишь заключать подобные пари? — грозно спросил он.

— А если не прекращу? — с вызовом произнесла она, потихоньку обретая утраченное было мужество.

— Тогда я тебя хорошенько выпорю и отошлю домой! — мгновенно отрезал он.

— Не посмеешь!

— Это почему же?

— У тебя нет никакого права бить меня!

— Законного права нет, — мрачно ответил он, — но есть право сильнейшего. Сила еще не право, но попробуй ослушайся меня, и ты увидишь, что произойдет!

— Ты же говорил, что никогда не сможешь ударить женщину! — с упреком бросила она.

— А я и не собираюсь бить женщину! Я выпорю испорченную девчонку!

— Да ты... — От возмущения Милли потеряла дар речи.

— Я не хочу казаться тираном, Милли, — продолжил Стив уже мягче, пройдясь ремнем раза два-три. — Я хочу, чтобы ты весело проводила время, но не могу допустить, чтобы твое имя трепали на пьяных пирушках. Ты не знаешь людей, с которыми заключаешь эти дурацкие пари! Пойми, девушка не должна доверять даже самым лучшим мужчинам! Так что делай так, как я тебе говорю!

Ее ответ был мгновенным и неожиданным: извернувшись, она залепила Стиву громкую пощечину, затем вскочила и молниеносно скрылась в своей комнате.

3

Семья Аллисонов, точнее, ее женская часть совершала тур по Египту. Сопровождавший их младший сын Стив покинул дам в Александрии, чтобы осмотреть Хартум. Неторопливое путешествие в окружении домочадцев оказалось для него слишком скучным. Стив должен был в назначенное время встретиться с ними в Асуане. Через несколько недель после того, как они покинули Александрию, Стив, похудевший и загоревший под африканским солнцем, въехал в Асуан. Его сестра Мэрион, позволив брату поцеловать себя, немедленно выложила новость, которая вывела Стива из обычного равновесия.

— Кто бы мог подумать, что Хелен так романтична, правда? — начала она. — Ты знаешь, что она сделала?

— Что же?

— Так вот, в Каире мы встретили очень красивого мужчину — он наполовину араб, наполовину француз, да еще и с примесью испанской крови. Похоже, он какой-то принц! А как он галантен, да к тому же и богат! Все женщины без ума от него! И представляешь — Хелен влюбилась в него! Каково?

— Продолжай, — сквозь зубы промолвил Стив.

— Он проводил с ней много времени и тоже влюбился! И вот вчера я увидела, как Хелен разговаривает через окно с двумя арабами. Она мне объяснила, что это люди принца, они должны проводить ее в оазис, где он живет. Хелен предупредила, что он хочет до свадьбы держать все в секрете, и я обещала ничего никому не рассказывать, но, думаю, она не будет возражать, если ты узнаешь об этом романе! Я хотела поехать с ней, но она запретила. Сегодня утром она тайно уехала с арабами. Ну разве это не романтично?

Стив горько рассмеялся.

— Как же зовут этого джентльмена?

— Он на самом деле джентльмен, — кивнула Мэрион. — Иначе мне не хотелось бы, чтобы Хелен мчалась к нему без оглядки... Сестра голову потеряла! Его зовут сэр Ахмед Нарруди.

Стив повернулся к двери.

— Ты куда, Стив? — удивилась Мэрион.

— За нашей дурочкой сестрой!

Мэрион вскочила, испуганная.

— Ты хочешь сказать... Не хочешь же ты сказать, что... что сэр Ахмед нехороший человек?

Стив саркастически усмехнулся:

— Если через неделю я не вернусь, можешь обратиться к консулу, а до тех пор никому ничего не рассказывай!

Хелен сидела у входа в шатер и любовалась пустыней. Двое арабов увели верблюдов в вади и более не возвращались. Она была одна, поэтому могла предаваться мечтам. Ахмед ее не встретил, но наверняка вот-вот явится вместе со священником или министром. Скоро она окажется в его объятиях! Эта мысль не давала Хелен покоя. Он пылкий любовник, возможно, даже слишком пылкий! Иногда она с трудом сдерживалась, чтобы не уступить порыву его страсти... Одно лишь прикосновение этого мужчины заставляло ее трепетать! А его клятвы в вечной любви... Несмотря на имя, в нем, наверное, не так много арабской крови. Слишком уж он красив! Кроме того, Хелен не чувствовала к нему расовой неприязни, которую, наверное, испытывала бы к настоящему арабу. Для нее, как уроженки Юга, национальность не была пустым звуком! И все же: что скажут люди о ее скоропалительном замужестве? Вдруг Хелен вскочила. По пустыне стремительно несли всадник. Ахмед? Вполне в его духе! Она заслонила рукой глаза. Нет, это не Ахмед! Всадник приближался с той стороны, откуда пришла она, а Нарруди должен приехать из Сиута. К

тому же всадник один и для Ахмеда немного мелковат! Это... Нет, не может быть! Это ее брат Стив! Он как-то разузнал, что она уехала в оазис, но откуда ему стало известно именно про этот?

Стив мчался во весь опор, преодолев за день и ночь расстояние, которое сестра и ее спутники, не спеша, проехали за два дня и одну ночь. Родившийся и выросший в другой пустыне, Стив Аллисон, известный на мексиканской границе как «Дитя из Соноры», без особого труда сумел выдержать эту гонку на сильном и быстром бишарийском верблюде. Во время пути Стив обдумывал, как убедить сестру вернуться вместе с ним. Он был уверен, что добровольно Хелен это не сделает, но и помыслить не мог, чтобы применить к ней силу. Истинный рыцарь по натуре, Стив не только глубоко уважал сестру, но и испытывал по отношению к ней некоторое благоговение. Приблизившись к шатру, он увидел Хелен в одиночестве — значит, Ахмед еще не приехал. В его душе возникло смешанное чувство облегчения и разочарования оттого, что он не сможет убить араба. А Стив был готов расправиться с Нарруди без малейших угрызений совести! Увидев брата, Хелен ласково улыбнулась. Она любила Стива и нисколько его не боялась. Как раз наоборот — из всех возникавших между ними конфликтов она всегда выходила победительницей. Наверняка он будет умолять ее вернуться вместе с ним... Что ж, она рассмеется и пригласит его на свадьбу. Хелен даже не допускала возможности, что брат попытается увезти ее силой.

— Здравствуй, Стив! Ну, как тебе понравился Хартум?

В ней все дышало величием. Среднего роста, худенькая, Хелен тем не менее своим обликом напоминала истинную королеву. Из всех девушек семейства Аллисонов она — обладательница волнистых золотых волос и темно-фиолетовых глаз — была самой красивой.

— Хелен, — резко начал Стив, — Неужели ты намерена выйти замуж за этого араба?

— Он не араб! — легкомысленно отозвалась она. — Он, скорее, француз!

— Ты ответишь на мой вопрос?

Его тон напугал Хелен.

— Да, отвечу. Я выхожу за него замуж!

Стив скрипуче рассмеялся.

— Дурочка ты маленькая! Думаешь, твой Ахмед привезет с собой священника? Этот трюк он уже неоднократно проделывал!

Краска залила ее лицо, и она холодно отвернулась. Стив взял сестру за руку.

— погоди! — умолял он. — Хелен, ради Бога, подумай, что ты делаешь!

— Отпусти, пожалуйста, мою руку, — только и услышал он в ответ.

Стив тотчас же выполнил ее просьбу.

— Хелен, поедem со мной! — взмолился он.

— Ты должен остаться на свадьбу, Стив, — улыбнулась она.

Стив почувствовал себя совершенно беспомощным, и на душе у него заскребли кошки.

— Мне некогда спорить с тобой, Хелен, — предупредил он. — Лучше сделай так, как я тебе

говорю. Не хотелось бы применять к тебе силу, но тебе придется вернуться вместе со мной!

— Силу! — засмеялась она.

Стройная, гибкая фигура Стива вводила окружающих в заблуждение. Хелен еще ни разу не видела, насколько силен ее брат.

— Ты не можешь увезти меня силой. У тебя ничего не получится, вряд ли ты справишься со мной!

Серые глаза Стива внезапно заблестели. Он сделал шаг вперед и обхватил сестру руками. Хелен попыталась вырваться, но брат, развернув ее к себе лицом, крепко прижал к своему телу. Девушка вскрикнула от боли и страха. Руки Стива стиснули ее подобно стальным обручам. Сопrotивляться было совершенно бесполезно.

— Стив! — кричала она, извиваясь в его объятиях. — Ты убьешь меня!

Ответа не последовало.

— Сжался же! — задыхалась она. — Ну пожалуйста, пожалуйста! Я подчинюсь тебе! Отпусти меня, пожалуйста!

Его хватка мгновенно ослабла, и Хелен, рыдая от страха, соскользнула на песок. Вдруг она почувствовала ужасную слабость — ноги отказывались держать ее. Стив склонился к ней, но она отпрянула, подняв руку, словно заслоняясь от удара. Девушка дрожала, ее бледное лицо было покрыто потом. Никогда в жизни с ней не обращались так грубо.

— Так ты едешь? — спросил он, чувствуя в душе ненависть к себе.

— Да, да! — рыдала она. — Я сделаю все, что ты хочешь. Пожалуйста, Стив, не делай мне больно!

Он бережно поднял ее, поцеловал, нежно коснулся волос.

— Мне очень неприятно причинять тебе боль или пугать тебя, детка, — виновато произнес он, — но я бы скорее убил тебя, чем отдал этому арабу! А теперь беги, переоденься в дорогу, пока я подготовлю верблюдов!

Некоторое время он держал сестру в объятиях, глядя в ее влажные от слез глаза, потом вдруг посадил возле шатра и зашагал по пустыне. Посмотрев ему вслед, Хелен увидела двух арабов, направлявшихся к шатру, и глаза ее округлились. Они двигались достаточно быстро, сжимая в руках длинные винтовки. Брат шел им навстречу. Наконец, один из арабов вскинул винтовку и выстрелил. Стив продолжал двигаться. Когда они оказались на расстоянии пистолетного выстрела друг от друга, Стив остановился. Арабы продолжали стрелять как бешеные. Стив протянул руку к бедру. В ответ на винтовочный огонь прозвучали два пистолетных выстрела. Один из арабов рухнул лицом в песок. Второй покачнулся, снова выстрелил, а потом, когда пистолет Стива снова заговорил, развернулся и упал. Хелен поспешила в шатер. Она и раньше, на границе, видела, как убивают людей, поэтому не потеряла сознание. Девушка медленно переоделась в костюм для верховой езды, с тоской поглядывая на лежавшее рядом красивое платье. Она надела его, надеясь по-

нравиться Ахмеду! Затем начала собираться в путь и, когда Стив вернулся, была уже почти готова. Он выбрал самого быстрого верблюда, на котором Хелен добралась до оазиса, и разделил груз между ним и бишарийцем. Пока он нагружал верблюдов, девушка заметила, что его рубашка на правом плече окровавлена.

— Стив! — испуганно вскрикнула она. — Ты ранен?

— Простая царапина, — ответил брат. — Пуля только задела кожу. Арабы — очень плохие стрелки!

Однако Хелен настояла на том, чтобы перевязать ему плечо. Стив говорил правду, это действительно была простая царапина. Наконец закончив с погрузкой, он заставил верблюдов опуститься на колени и повернулся к сестре. Хелен задумчиво смотрела на него.

— Ты хочешь отвезти меня в Асуан?

— Да.

Вдруг она рухнула перед ним на колени.

— Стив, прошу тебя...

— Хелен! — в ужасе воскликнул он, поднимая ее на ноги. Девушка обняла его за шею, умоляюще глядя в глаза.

— Стив, пожалуйста, позволь мне остаться... Пожалуйста!

В ход пошли все женские чары. Она целовала брата, прижималась к нему, умоляя не забирать ее! Но Стив держал сестру в крепких объятиях, его лицо было бледным и утомленным. Наконец поднял рыдающую девушку и посадил ее на верблюда. На обратном пути он не произ-

нес ни слова, но всячески старался сделать печальное путешествие как можно более комфортным.

4

Семья Аллисонов собралась за обедом. Да, вся семья, кроме старшего сына Фрэнка и младшей дочери Милдред. Фрэнк был в Аризоне, а Милдред... Она вошла и молча села, что для нее было довольно странно. Затем огляделась вокруг гораздо более робко, чем обычно. Это не ускользнуло от внимания членов семьи.

— Эдит Бертон остриглась,— бросила она как бы невзначай.

Все за столом восприняли столь потрясающую информацию довольно спокойно.

— Интересно...— промолвила Милдред, избегая встречаться взглядом с родственниками.

— Что тебе интересно? — повернулась к ней ее старшая сестра Хелен.

— Если... если... если я подстригусь...

Вся семья, кроме одного человека, тут же поднявшись из-за стола, обступила ее. Милдред была атакована и буквально взята в плен. Поток слов, обрушившийся на девушку, сломил все ее попытки к сопротивлению.

— Как только тебе могла прийти в голову подобная мысль? — возмущалась миссис Аллисон.

— Оставь свои волосы в покое, маленькая дурочка,— вторила матери Хелен.

— У тебя такие красивые волосы, Милли,— уговаривала сестру мягкосердечная Мэрион.

— Как же вы все мне надоели,— вскричала наконец девушка.— Черт возьми, все девчонки делают короткие стрижки! В конце концов, чьи это волосы? Какое вы имеете право приказывать мне, стричь мне волосы или нет?

— Что ж, попробуй, сама увидишь,— предупредила сестру Хелен.

Исключение составлял Стив, ее брат. Пока шли все эти споры, он не произнес ни слова, а только с аппетитом поглощал пищу. В конце концов женщины решили послушать и его мнение по этому поводу.

— Неужели тебя совсем не ужасает, что Милдред собирается делать?

— А что? — равнодушно отозвался он.— Это ее волосы, к тому же все ее подружки давно ходят с короткими волосами.

Милдред благодарно посмотрела на брата.

Но Стив остался в меньшинстве. Даже мистер Аллисон, который почти всегда позволял дочерям делать все, что им захочется, запретил Милдред стричься.

Отдыхая после обеда в своем уютном кресле, Стив вдруг почувствовал, как чьи-то мягкие руки нежно обняли его за шею, и услышал тихий шепот.

— Старый, добрый Стив!

Милдред уселась к нему на колени и поцеловала его. Эта сцена со стороны наверняка казалась бы истинным воплощением сестринской любви. Но Стив, хорошо знавший своих сестер, с подозрением посмотрел на Милдред.

— Что еще ты наделала? — спросил он.

— Ничего я не наделала.

— Так что же тебе надо? Я на мели.

— Мне ничего не надо.— Ее губки задрожали, а на темно-фиолетовые глаза стали наворачиваться слезы.— По-моему, с твоей стороны так гадко предполагать, что мне что-то нужно, когда я только приласкалась к тебе!

Она собралась было соскользнуть с его колен. Стив обнял сестру за тоненькую талию и удержал ее.

— Ну же, детка,— мягко успокаивал он девушку.— Не плачь, малышка. Я не хотел тебя обидеть!

— Но обидел,— возмущенно заметила Милдред.

— Не сердись,— виновато ответил он.

— Я не сержусь,— смягчилась она, уткнувшись личиком в плечо брата, чтобы скрыть улыбку. Милдред была разумной девочкой.— Так ты считаешь, что остричь мои волосы было бы большим грехом? — спросила она наконец.

В ее голосе чувствовалась такая тоска, что Стив с жалостью посмотрел на сестру.

— Разумеется, нет.

— Я просто в ярости,— Она села, и глаза ее засверкали.— Как только я заговариваю о том, что хочу сделать стрижку, вся семья бросается на меня, как стая ястребов на бедную маленькую голубку!

Стив нежно прижал ее к себе. Он ласкал ее прекрасные черные волосы, пробегая пальцами по блестящим локонам.

— У тебя такие прекрасные волосы. Остричь их действительно жалко!

— Ну вот и ты.— Милдред отпрянула, ее лицо пошло пятнами.

— Но, конечно, это твои волосы, и, может быть, тебе больше пойдет короткая стрижка!

— Жаль, что не все из нашей семьи так разумны, как ты. Они тираны и обращаются со мной просто отвратительно,— вздохнула Милдред.— А Хелен даже пообещала отшлепать меня, если я это сделаю,— возмущенно добавила она.

— С нее станет,— улыбнулся Стив.

— Вы все обращаетесь со мной, как с ребенком,— с негодованием воскликнула Милдред.

Стив с трудом подавил улыбку.

— Так что ты хочешь от меня?

— Ты бы мог убедить наших... позволить мне.— Она просительно взглянула на брата.

— Не мог бы,— вяло возразил он.

— Откуда ты знаешь?

— Я уже пытался это сделать.

Некоторое время Милдред молчала, сверкая глазами, потом соскользнула с колен Стива и гордо выпрямилась.

— Моей семье лучше поостеречься,— угрожающим тоном произнесла она.— Я отчаянная женщина, если меня вывести из себя!

Затем повернулась и с неприступным видом стала подниматься по лестнице.

«Бедное дитя,— подумал Стив.— Как жаль, что она не понимает, что ей идет, а что нет!»

Милдред появилась только вечером; она в ночной рубашечке подошла к Стиву, нарочито

игнорируя остальных членов семьи, сонно поцеловала брата и столь же сонно попросила его отнести ее в постель.

Стив покачал головой.

— Пожалуйста,— пробормотала она,— ты единственный, кто в этой семье добр ко мне! Пожалуйста!

Тронутый просьбой, Стив поднял хрупкое, почти детское тельце и понес наверх. Милдред заснула у него на руках, и он нежно, как это сделала бы женщина, накрыл сестру одеялом. Мгновение Стив смотрел, как она лежит, откинув нежную худенькую руку, а несколько локонов покоится на ее розовой щечке. Затем коснулся губами ее лба и вышел из комнаты. «Интересно, что еще выкинет этот чертенок?» — думал он, спускаясь вниз.

Когда Стив вернулся в гостиную, вся семья оживленно дискуссировала по поводу Милдред.

— Бедное дитя полагает, что мы обращаемся с ней жестоко, не позволяя ей остричь волосы,— говорила миссис Аллисон.— Мне тоже очень не по душе ей в чем-то отказывать: она такая хорошенькая, такая трогательная!

— Да, очень,— согласился Стив и поспешил покинуть комнату.

Несколько минут спустя Милдред, соскочив из окна по веревке, связанной из простыней, попала прямо в объятия брата. Стив заглушил рукой ее испуганный крик, отчаянное сопротивление было мгновенно сломлено.

— Ради Бога, тихо, маленькая дурочка: никто тебя не похищает!

— Отпусти меня,— приказала Милдред,— откуда мне было знать, что это ты?

— Куда ты собралась идти? — поинтересовался Стив, выполнив ее требование.

— Не твое дело,— надулась она.

— Успокойся, ради Бога. Подозреваю, ты собиралась отправиться на бал к ван Дорну?

— Да.

— Неплохо для девушки твоего возраста! И с кем же?

Она рассерженно топнула ножкой.

— Перестань напоминать мне о моем возрасте! — гневно зашипела она.— Я иду с Джеком.

— Ты собиралась идти с Джеком,— поправил Стив.

— Как ты обо всем догадался? — удивилась девушка.

— Не в твоих правилах спускаться вниз, чтобы поцеловать брата Стива и пожелать ему спокойной ночи,— ответил он.— Тебе нужно было алиби. Ты хотела, чтобы все в доме знали, что ты легла спать. Веревку из простыней ты наверняка заготовила заранее!

Милдред молчала.

— Хорошо же ты поступила с братом.— В голосе Стива звучали непривычные для него нотки обиды.— Заставила отнести себя наверх и уложить в постель, чтобы посмеяться надо мной. Так и хочется схватить тебя в охапку и запереть в комнате!

— Что ж, давай,— равнодушно произнесла девушка.— Мне все время все запрещают — не то что другим!

Он улыбнулся.

— Я сделал это только для того, чтобы ты поняла: брата Стива тебе не провести. Кстати, как ты собиралась возвращаться? Не по веревке же?

— Не знаю,— призналась Милдред.

— Можешь пройти через мою комнату,— предложил Стив.— Я оставлю окно открытым. Но оставайся с Джеком и ни в коем случае не позволяй целовать себя другим парням, а если к двенадцати ты не вернешься, мало тебе не покажется! А теперь ступай, и счастливо повеселиться!

Примерно в полночь в окно спальни Стива проскользнула маленькая девичья фигурка.

— Сними туфли,— тихо посоветовал Стив,— чтобы никого не разбудить.

Стив всегда вставал раньше остальных членов семьи; на следующее утро, одеваясь, размышлял:

«Лучше, наверное, разбудить Милдред, а то она проспит слишком долго, и все поймут, что она хорошо повеселилась вечером. Надеюсь, эта маленькая егза поцеловала не более дюжины парней!»

Он приблизился к дверям спальни. Очевидно, сестра еще спала. Войдя в комнату, он остановился как вкопанный. На подушке покоилась копна темно-рыжих волос! Стив быстро подошел к постели и протер глаза. Что за волшебство? Под этими странными волосами он увидел личико сестры, но откуда взялись эти волосы? Милдред открыла глаза и зевнула.

— С добрым утром, Стив.

Вдруг в его душу закралось подозрение. Он взял прядку и рванул. Парик! Под ними были настоящие волосы Милдред — коротко остриженные!

— Вот как! — воскликнул он.— Так вот куда ты ходила! Но почему, черт возьми, ты не купила черный парик?

Милдред уставилась на парик.

— О, Господи! — вскричала она.— Он рыжий!

— Конечно, рыжий, а ты что думала?

— Я не пошла на бал,— призналась она,— а отправилась в салон красоты, остриглась и... и купила этот парик.

— Но почему...

— При электрическом свете он казался черным,— причитала Милдред.— И миссис Дьюпарс сказала, что он черный. А он такой красивый и кудрявый, совсем как мои волосы! Я собиралась носить его дома. Что же мне теперь делать? Что же делать?

Стив рассмеялся.

— Не знаю. Скандал будет как пить дать!

— А Хелен меня отшлепает, она же обещала,— вздохнула Милдред.— Ну как, идет мне эта стрижка?

— Полагаю, да,— неуверенно заметил Стив,— но...

— Но что?

— Но остальные, может быть, сочтут иначе,— поспешно добавил он.

— Так что же мне делать? — вновь заныла Милдред.— Наши будут в восторге от такого удобного случая! Начнут читать лекции, бра-

нить и, в конце концов, отшлепают — нет, надо отсюда убираться!

— Будь у меня время, я бы сбежал в салон красоты и купил тебе другой парик, но сейчас...

— А все ты. — Девушка мрачно посмотрела на брата. — Если бы ты меня не отпустил, я бы не остригла волосы!

— Ладно, поговорим о благодарности потом, — с тяжелым вздохом произнес Стив, затем бросил взгляд на парик и широко улыбнулся. — Дай-ка мне этот парик, — велел он, — запись изнутри и никого не впускай, пока я не вернусь!

Он взял парик и вышел из комнаты.

Вернулся он со свертком в руках. Милдред с подозрением наблюдала за братом, пока он не вынул парик. Тот же самый парик, но как он преобразился! Теперь он был черным, как воронье крыло, и, как прежде, блестящим и кудрявым.

— Как ты это сделал? — удивилась Милдред.

— Мое собственное изобретение, — с гордостью ответил Стив. — Я поэкспериментировал с красками у себя в лаборатории, окрасил парик и высушил, тоже по собственной технологии. А теперь тихо!

Он примерил парик сестре.

— Теперь ты такая хорошенькая. — Стив попытался поднять ей настроение.

За время отсутствия брата девушка успела одеться и теперь, подойдя к зеркалу, неуверенно посмотрела на себя.

— Он влажный, — пожаловалась она.

— Конечно. Я же не мог его высушить полностью.

— И слишком черный.

— Ради всего святого, — нетерпеливо воскликнул он, — перестань придирааться к парик у и спускайся вниз. По-моему, тебя зовет мама.

— Ладно.

Когда Стив повернулся к двери, какие-то не слишком отдаленные детские воспоминания заставили Милдред обратиться к нему:

— Стив!

— Что?

— Пока ты будешь в кухне, спрячь подальше палку для битья.

Несколько мгновений спустя Милдред с застенчивым видом спустилась вниз. Завтракала она молча, что было не совсем в ее духе.

— У тебя мокрые волосы, — заметила Хелен. — Что ты с ними сделала?

— Мало того, что вы не позволяете мне остричь волосы, так я даже не имею права побрызгать их лаком без того, чтобы вы меня не бранили, — недовольно отозвалась Милдред.

Хелен стало жалко сестру — у нее был очень расстроенный вид. Она мягко произнесла:

— Я не браню тебя, детка.

Милдред молча продолжила завтракать. Она казалась такой покорной, и все члены семьи пожалели о том, что бранили ее, поэтому всячески старались возместить ей моральный ущерб. На все эти попытки Милдред только бросала укоризненные взгляды, которые, казалось, говорили: «Значит, вы раскаиваетесь в том, что обращались со мной, как тираны, да? Ничего, я привыкла к подобному обращению!»

Вдруг Мэрион раскрыла рот от удивления. Все взгляды сосредоточились на ней. Она откинулась на спинку стула, глядя на волосы Милдред и указывая на них пальцем!

— Ради Бога! — не своим голосом вскричала миссис Аллисон. — Что ты сделала со своими волосами, Милдред?

Милдред побледнела и поднесла руки к волосам. Стив откинулся назад и истерически захохотал. Волосы Милдред с невероятной быстротой меняли свой цвет! На глазах у изумленных членов семьи из черных они стали рыжеватыми, затем темно-рыжими, но процесс на этом не закончился: волосы приобрели ярко-рыжий, огненно-рыжий цвет!

— Она горит! — истошно заорала миссис Аллисон, неистово вцепившись в волосы дочери. Она чуть не упала в обморок, когда они оказались у нее в руках. Затем на какое-то мгновение воцарилось полнейшее молчание. Все пристально смотрели на дрожавшую девочку, что сидела держась за голову.

— Ну и ну! — медленно произнесла Хелен. На хрупкие плечи маленькой растерянной преступницы обрушился целый шквал обвинений. Милдред отважно сопротивлялась, но безуспешно. Когда речь зашла о физической расправе, она бросилась к Стиву, ища защиты.

— Ты во всем виноват, — шепнула она на ухо брату. — Теперь ты должен за меня заступиться!

Стив засмеялся и прижал к себе сестру. Над ним пронесся целый словесный шторм. Милдред спрятала лицо у него на груди и молчала,

веря, что он защитит ее от гнева семьи. Он не обманул ее ожиданий.

— Но Стив, — чуть не плакала миссис Аллисон, — остричь такие прекрасные волосы...

— После того, как мы ей недвусмысленно запретили это делать. — Хелен поигрывала ремешком. — Право, Стив, ты должен позволить нам примерно наказать ее!

Милдред повернулась, чтобы сказать в ответ что-нибудь резкое, но, увидев ремешок, вздрогнула и снова спрятала лицо.

— Я просто удивлен, — произнес Стив. — На самом деле удивлен. Вы хотите выпороть Милли, как будто она десятилетняя девочка, а не юная леди. То, что она самая младшая в семье, не значит, что с ней можно обращаться, как с ребенком. Неприлично пороть девушку ее возраста. Достаточно и того, что вы бранили ее, как ребенка. Так что хватит!

— Но... — начала было Хелен.

— Замолчи, — приказал Стив.

Хелен прикусила губу.

— Как я уже сказал, это волосы Милли, и она вольна делать с ними все, что хочет. Она не всегда будет юной, так пусть хоть сейчас порезвится. Я сам отвел ее в салон красоты. Так что оставьте ребенка в покое!

Все, кроме миссис Аллисон, в полном молчании покинули комнату, словно устыдившись своего поведения.

— Может быть, ты и прав, Стив, — задумчиво произнесла она. — Но у нее были такие красивые волосы!

Бросив короткий взгляд на дочь, она улыбнулась и тоже вышла.

Милдред подняла голову и огляделась.

— Никого нет? — спросила она.

— Да, — кивнул Стив.

— Слава Богу, — она выпрямилась. — Стив, ты славный парень, дай я тебя поцелую. — И она звонко чмокнула его в щеку. — Но почему все-таки этот дурацкий парик сменил цвет?

Стив засмеялся и никак не мог остановиться.

Милдред с удивлением уставилась на брата.

— Краска подвела, — выдохнул он наконец. — Я покрасил его слишком поспешно. Высохнув, краски поблекли, и парик стал еще более рыжим, чем раньше. Да! Ну и лицо было у Мэрион, когда она увидела, как твои волосы меняют цвет! Ха! Ха! Ха! «Она горит!» О-хо-хо!

— Смейся, если хочешь, — высокомерно ответила Милдред, — но своим весельем ты меня провоцируешь. Моя рука так и тянется, чтобы залепить тебе пощечину, Стив.

— Лучше не надо, — покачал головой Стив. — Если бы не я, ты бы сейчас не вела себя столь самоуверенно.

Она покраснела.

— Спасибо, что защитил меня, Стив!

— Не за что, сестренка!

5

Огаллала Brent, старший на ранчо «Юго-Запад», был крайне раздражен: какой-то негодяй, обнаружив его личный запас ликера, восполь-

зовался им по назначению. Поэтому он пребывал в довольно мрачном настроении, когда стройный, гибкий юноша подъехал, спешил и широкими шагами направился к крыльцу ранчо, где, поджидая хозяев, сидел Огаллала.

— Приветствую, красавчик, — легкомысленно произнес юноша.

Brent недружелюбно пробормотал нечто невразумительное себе под нос, с подозрением глядя на незваного гостя.

— Хочешь нанять хорошего человека? — невинно поинтересовался молодой человек.

— Хочу, — ответил ковбой. — Приведи его.

Юноша проигнорировал тяжеловесный сарказм.

— Тогда мы поладим, — весело заметил он. — У тебя есть работа — мне нужна работа; тебе же нужен хороший человек, так?

— Ну и что? — вспыхнул Огаллала.

— Да я же и есть тот самый хороший человек! — сообщил юноша, снимая сомбреро и садясь на ступеньку.

— Нет, я с тобой с ума сойду, — не выдержал ковбой. — Слушай, парень, что тебе надо, откуда ты, как тебя зовут да и вообще — что ты умеешь делать?

Молодой человек встал и посмотрел на Brentа, положив руку на пистолет, висевший у него на ремне.

— Меня зовут Стив Аллисон, — доложил он. — Откуда я, тебя не касается, но родом я из штата Техас. Мне нужна работа. Я могу побить любого на этом ранчо, скакать на любом животном

на четырех копытах, кого угодно перепить или обыграть в покер!

Ковбой оскалился.

— Вижу, малый ты не пустой. А может быть, ты забыл упомянуть еще о каких-нибудь своих достоинствах?

— Да, именно так,— согласился мистер Аллисон.— Еще два: во-первых, я очень скромн, а во-вторых, всегда знаю свое место!

Огаллала оглядел его с головы до ног.

— Поверю тебе на слово,— сообщил он и закричал: — Эй, Большеногий!

В ответ прозвучал бешеный рев, и, через некоторое время крыльцо окружила толпа ковбоев. Их возглавлял дородный, невероятно уродливый малый с резко выдающейся челюстью и маленькими свиными глазками. Он был среднего роста, но из-за крепкого сложения казался коротышкой.

— Ну чего тебе надо? — прогрохотал Большеногий — это был он.

— Да тут парень вообразил, что может побить любого на нашем ранчо,— объяснил Брент, указывая на Аллисона.

— Этот сопляк? — Большеногий раскрыл рот от удивления.— Ха! Ха!

— Ха! Ха! — эхом откликнулись ковбои.

— Я сказал ему, что он получит работу, если побьет тебя и прокатится на Циклоне, и он согласился,— невозмутимо продолжал Огаллала.

— Он?

Большеногий удивился весьма оправданно. Он был лет на десять старше, на восемь дюймов

выше и на семьдесят пять фунтов тяжелее. Внимательно оглядев своего противника, мистер Аллисон пожалел, что столько наговорил о своих умениях. Работа явно начинала терять свою привлекательность. Но отступать уже казалось невозможным.

— Назови свое оружие,— предложил Аллисон.— Кулаки, нож или пистолет?

— С пистолетом я не в ладах,— покачал головой Большеногий,— мексиканского ножа поблизости нет. Кулаки — оружие джентльмена.

Стив пожал плечами. Иного ответа он и не ожидал.

— Пройдемте в заднюю часть коралля,— предложил один из ковбоев, известный под прозвищем Костлявый.— Здесь вы потопчете клумбы мисс Глэдис, а там тень, к тому же зрители могут сидеть на ограде.

Оказавшись на месте поединка, Большеногий не спеша снял рубашку, то же проделал и Аллисон, сначала сняв ремень с кольцом и протянув его Огаллале.

— Парень, мне стыдно от того, как я вынужден с тобой поступить.— Большеногий продемонстрировал огромный кулак.

— Слушай,— огрызнулся Стив, горячо надеясь, что никто не замечает, как обильно течет пот по его лицу.— Мне смерть как не хочется убивать тебя этими руками, но тут ты сам виноват!

— Условия этого поединка,— сообщил Брент со своего наблюдательного места на ограде,— полное отсутствие правил! Вы можете бить,

толкать, идти напролом, словом, делать все, что хотите. Приступайте!

При этих словах Большеногий бросился вперед и нанес удар, уничтоживший бы мистера Аллисона, попади он в цель. Кулак Большеного пронесся меньше чем в дюйме от лица молодого человека, который спасся благодаря своей ловкости. Последовавшая за этим схватка не имела ничего общего с классическим поединком. Профессиональный боксер ругался бы от души, но простые смертные, вроде наших ковбоев, забравшихся на ограду коралля, громко кричали, выражая свое одобрение. Аллисон действовал в пятьдесят раз быстрее Большеного, и только это спасло его от поражения. Время от времени он наносил удары, свалившие бы с ног обычного человека, но которые, казалось, были Большеногому как слону дробина. Это напоминало поединок свирепого гризли с волком.

Наконец кулак Большеного поверг противника на землю. Большеногий подпрыгнул с намерением приземлиться в футе от лица Аллисона. Стив подставил ему ногу, и тот упал на спину, перевернулся и схватил юношу. Затем подтащил Стива к себе, шатаясь, поднялся и, крепко стиснув руками, попытался прижать его к своей груди. Аллисон резким толчком поставил противника на колени и поднес пальцы к его глазам. Большеногому ничего не оставалось, как только отпустить Стива или потерять глаз. Он оттолкнул юношу. Аллисон сделал еще одну попытку нокаутировать противника, но только набил синяки на кулаках о небритую

челюсть Большеного. Затем, к бесконечному удивлению и неудовольствию зрителей, Стив повернулся и побежал. На пути у него стояло дерево, и все заметили, что Стив направляется прямо к нему. Большеногий бросился вслед за противником.

— Он собирается забраться на дерево! — возбужденно вопил Костлявый. — Ах ты жалкий трус!

Подбежав к дереву, Стив высоко подпрыгнул и обеими руками ухватился за нижнюю ветку. В момент прыжка ему удалось увернуться от крепких рук Большеного. Затем, на глазах у изумленных ковбоев, Стив раскачался и всей силой своего гибкого тела нанес противнику сокрушительный удар. Пинок был такой сильный, что один из сапог Аллисона лишился кабеля. Большеногий рухнул на землю. Стив тут же спрыгнул вниз и, оказавшись рядом с противником, осмотрел его.

— Челюсть у него не сломана, — сообщил он ковбоям. — С ним будет все в порядке, если вы обольете его водой! Он лишь нокаутирован.

— Боже правый! — изумился Огаллала. — Да ты же классный боксер, парень!

— Дайте мне мою рубашку, — потребовал Стив и, одевшись, приказал: — А теперь ведите меня к вашей бешеной скотине!

— Да эта скотина скинула всех на этом ранчо, кто осмелился на нее забраться, — предупредил один из ковбоев.

Циклон, флегматичный жеребец неопределенного цвета, мирно дремал. Однако Стив до-

гадывался, что это впечатление обманчиво. Юноша с трудом залез на Циклона. Ковбои тут же побежали к ограде. Благородный жеребец по-прежнему пребывал в спячке.

— В путь,— скомандовал мистер Аллисон.

Циклон даже не думал подчиняться. Стив вонзил шпоры ему в бока. Изумленное животное повернуло голову, одарило Стива долгим взглядом, но с места не сдвинулось.

— Черт бы побрал этих лошадей! — с отвращением воскликнул Стив.— Я сейчас слезу, если...

Вдруг он осекся. Циклон снова повернул голову и бросил на всадника такой дьявольский взгляд, что у Стива волосы на голове встали дыбом. Вот тут-то и началось представление. Жеребец высоко подпрыгнул и понесся с головокружительной скоростью. Потом Циклон попытался встать на дыбы, высоко подпрыгнув. Мистер Аллисон с трудом удержался в седле. Сидевшие на ограде ковбои испускали восторженные вопли. Безуспешно испробовав обычные лошадиные уловки, Циклон начал действовать по-своему. Похоже, он решил оправдать свое имя!

Жеребец гарцевал. Он грациозно выделял пируэты. С радостным ржанием он остановился на полном скаку, чтобы посмотреть, куда приземлится мистер Аллисон. К его неудовольствию, всадник по-прежнему оставался в седле. Отчаянно фыркая, Циклон отскочил назад, а потом стал кататься по земле. Стив вовремя спрыгнул, не выпуская из рук поводьев. Когда жеребец

поднялся с земли, Аллисон вновь запрыгнул в седло. Циклон рассердился. После нескольких рывков и попыток сбросить седока — попыток, которые мистер Аллисон успешно подавил, он направился в центр загона и остановился. Стив спешил и, немного пошатываясь, подошел к ограде.

— Ну что, берешь меня на работу? — спросил он у Огаллалы.

— Беру! — ответил ковбой, изумленно глядя на юношу.

6

Над городом сгущались сумерки. По улице, распевая ковбойскую песню, ехал всадник. Оказавшись на городской окраине, он услышал, как кто-то позвал его по имени. На крыльце небольшого домика он увидел стройную девичью фигурку.

— Добрый вечер, мисс Мэрион,— поздоровался всадник, приподняв шляпу.

— Билли, вы не знаете, где сейчас Стив? — осведомилась девушка.

— Последний раз я его видел в Маунтен-Роз. Он, наверное, сейчас играет по-крупному. До того как я ушел, он, не моргнув глазом, отхватил две тысячи долларов!

— Спасибо, Билли.

Мэрион вернулась в дом.

— Хорошо бы Стиву держаться подальше от этих игорных домов. Вот и сейчас он там,— сказала она тетушке, готовившей ужин.

— Но он хоть выигрывает? — оживленно поинтересовалась пожилая женщина.

— Билли Бакнер сообщил, что брат только что выиграл две тысячи долларов.

— О, Боже мой! — воскликнула тетушка. — Так почему же ты ворчишь? Вот если бы он проиграл, тогда другое дело!

— Но я не хочу, чтобы он общался с завсегдатаями салуна! Они такие неотесанные!

Тетушка засмеялась.

— Стив и сам не ангел! Кроме того, уж кому-кому, а тебе не пристало ругать брата за то, что он играет: ведь большая часть этих денег обычно тратится на тебя!

Девушка не ответила. Она подошла к двери и выглянула на улицу. Когда она увидела человека, что шел по тротуару, позвякивая шпорами, глаза ее загорелись. Это был почти мальчик, стройный, среднего роста, с точеными чертами лица, одетый в традиционный наряд ковбоев и с тяжелым пистолетом на бедре. Взойдя на крыльцо, он весело поздоровался с девушкой.

— Кушать приготовила, сестренка?

— Приготовила, — быстро последовал ответ. — Где ты был?

— В Маунтен-Роз — помогал честным игрокам избавиться от честно заработанных денег, — хихикнул юноша. — Как насчет нового шелкового платья, детка?

С этими словами он сунул в руку сестре банкноту.

Она поколебалась, но все же оттолкнула деньги.

— Я не могу их взять, Стив!

— Почему? — удивился брат.

— Не могу, и все! Это нечестно, это неправильно! Я хочу, чтобы ты перестал играть, Стив!

7

Сияющее солнце на сияющем небе... Два всадника медленно едут по пустыне; никаких признаков жизни, кроме идола Джилы. Сияющая жара, безжалостная жара, пустынная жара! Под обоими всадниками — выносливые, хорошо переносившие тяготы пустыни лошадки. Сами всадники, в одинаковых широкополых шляпах, простой, удобной одежде и сапогах со шпорами, выглядели почти мальчишками. Они ничем не отличались от привычных глазу ковбоев, разъезжавших по всей Аризоне, если не считать того, что помимо винтовок за плечами на бедре у каждого висел тяжелый «кольт» в тугой черной кобуре, а у одного из юношей даже два. Всадников — крепкого сложения юношей среднего роста с черными волосами и серыми глазами — можно было бы принять за братьев. Владелец двух пистолетов казался чуть выше своего спутника и немного стройнее. Его узкие глаза излучали стальной блеск. Вне всякого сомнения, юноши отличались решительностью и мужеством.

Всадник с двумя пистолетами поерзал в седле и бросил взгляд на горы, чьи зазубренные вершины величественно возвышались на горизонте.

— Ну вот, мы почти у цели, — заметил он.

— Да, — кивнул его спутник. — Еще каких-то сто миль по этой пустыне, и нам предстоит

удовольствие взобраться на эти горушки! Что за дурацкая идея пришла тебе в голову, Стив?

— Жажда новых знаний, Бак,— назидательно произнес Стив Аллисон,— которая постоянно ведет усталого путника к открытию новых миров! Вечное «почему», если ты понимаешь, о чем я толкую!

— Хорошо объяснил, яснее некуда! — с сарказмом ответил Бакнер.

Стив широко улыбнулся.

— Я же знаю, тебе не меньше моего хочется обследовать эти старые индейские деревеньки!

В ответ Билли Бакнер лишь проворчал что-то невнятное. С тех пор как Стив сообщил ему о покинутых деревеньках в горах, Билли горел желанием добраться до них и тщательно обследовать. Некоторое время они ехали в тишине, которую нарушали только скрип седел и лязг копыт о камни.

— Бьюсь об заклад, Мигель Гонсалес скрывается где-то в этих горах,— заявил Бакнер.— Держу пари, он увидит нас прежде, чем мы его, и нападет на нас из какой-нибудь засады.

— Может быть, и попытается, если захочет,— равнодушно ответил Стив.

— Он лучший стрелок во всей Мексике,— продолжил размышления Бакнер.— Те два игрока, которых он продырявил, между прочим, превосходно владели оружием!

— Сами виноваты. Нечего было подставлять его,— сказал Стив.— Дешевые плуты они, больше никто!

— Да, ты прав,— согласился его друг.

Не прошло и часа, как всадники подъехали к горам. Они принялись подниматься все выше и выше; наконец им пришлось спешиться и идти дальше пешком, предварительно стреножив лошадей и оставив их возле родника, вокруг которого росла густая трава.

— Хороший подарок для Гонсалеса,— заметил Бакнер.

— Они не подпустят к себе постороннего,— успокоил друга Стив.

Он не лгал, так как в свое время приложил немало стараний к тому, чтобы его лошади были воспитаны в соответствующем духе. Примерно через час они поднялись на уступ, с которого открывался вид на широкую долину, заросшую полынью.

С обеих сторон долины возвышались высокие крутые скалы.

— Зачем тебе понадобилось ехать сюда? — полюбопытствовал Бакнер.— Никаких индейских деревушек поблизости не видно!

— Деревушки находятся в этой долине,— упорствовал Стив.

— Что? В этой долине? Брось, Стив! В этой долине ничего нет!

— Ты что, уже спускался туда? — поинтересовался Стив.

— Нет.

— А кто-нибудь спускался до нас?

— Нет, да и зачем? Здесь сплошная пустыня, ни растительности, ни воды, даже нет приличного спуска! С этой скалы до земли не менее ста пятидесяти футов, а с других скал и того

больше! И они настолько круты, что забраться на них невозможно!

— Мы спустимся в долину, чего бы нам это ни стоило, — упрямо произнес Аллисон.

— Но Стив, — возразил Бакнер, — с этого уступа мы видим почти всю долину, и, будь там деревушки, мы бы их заметили!

— Они там есть, — не сдавался Стив, — я сам спущусь в долину!

Бакнер пожал плечами.

— Ладно, будь по-твоему, идем.

Стив хихикнул и показал другу канат, лежавший рядом с ним на скалах.

— В этой веревочке добрых сто футов, — сообщил он. — В аркане, который я заставил тебя взять с собой, футов сорок. Очень длинный аркан. Нам придется прыгнуть футов с десяти, а может быть, и меньше.

— Держу пари, мы обдерем руки, пока попадем в эту долину, — заметил Бакнер. — А как мы поднимемся обратно?

— Очень легко, с помощью узелков на канате, — пояснил Аллисон.

Он тщательно связал канат с арканом и привязал один конец к низкорослому дубу, росшему в нескольких футах от края скалы.

— Сначала я. — Стив, свободно обвязав канат вокруг пояса, стал спускаться по скале.

Путешествие вышло не из легких, несмотря на то что Стив ловкостью походил на акробата или рысь, а на канате были с определенными интервалами завязаны узелки. Скала в некоторых местах выдавалась вперед, и канат, не при-

вязанный внизу, беспрестанно раскачивался из стороны в сторону. Стив часто останавливался, чтобы передохнуть, но все равно, спрыгнув на землю с высоты нескольких футов, он чувствовал себя совершенно вымотанным. Бакнер, пристально наблюдавший за этим героическим спуском и испытавший немалое облегчение, когда его друг благополучно приземлился, вытянул канат наверх, привязал к нему две винтовки и флягу и спустил их Стиву, который, встав на валун, поймал свое снаряжение. Затем Бакнер принялся спускаться по канату, а Стив удерживал нижний конец, чтобы канат не раскачивался.

Оказавшись внизу, он взял винтовку и флягу.

— Ну, показывай свои деревушки. — Библи насмешливо смотрел на своего спутника.

Стив бросил быстрый взгляд на верх скалы.

— В кусты, скорее! — воскликнул он, отскакивая в жидкий кустарник. Бакнер метнулся за ним, и тут же друзья услышали выстрел довольно мощной винтовки и свист пули, пролетевшей недалеко от Стива. Аллисон тоже выстрелил, уловив легкое движение в кустах на скале. Веревка стала соскальзывать вниз.

— Adios, senors! ¹ — раздался сверху насмешливый голос.

— Гонсалес, чтоб его. — Бакнер тут же отреагировал выстрелом на голос.

Аллисон осторожно поднялся.

— Эй! — воскликнул Бакнер. — Идиот! Хочешь, чтобы тебя продырявили?

¹ Прощайте, сеньоры! (Исп.)

— Гонсалес ушел,— ответил Стив и направился к подножию скалы.

Бакнер встал и подошел к другу. Стив поднимал канат.

— Смотри, он даже не перерезал канат, а только развязал. Эта веревочка нам еще пригодится.

— Хорошо, что он не перерезал канат, когда я спускался сюда,— сказал Бакнер.

— Вот тебе и индейские деревушки,— разочарованно протянул Стив.

8

Горячее солнце Аризоны поднялось еще не достаточно высоко, чтобы нагреть чистый, холодный утренний воздух. Тень по-прежнему покрывала скалы, но пустыня уже начинала поблескивать под солнечными лучами. Вдоль скалы бежала тропинка, по одну сторону которой зиял крутой обрыв, а по другую возвышалась скала, становившаяся все ниже и ниже по мере того, как тропинка поднималась, пока наконец не выходила на высокое плато. По тропинке ехали двое всадников. Один из них совершенно не гармонировал с окружающей обстановкой. Это была стройная красивая девушка, а по ее розовому, незагорелому лицу легко угадывалось, что она не местная. Тем не менее она держалась в седле с легкостью, которая приходит только с опытом, и грацией, свойственной жителям Запада. Ее спутником был молодой человек среднего роста, легкий и гибкий, в тради-

ционном ковбойском костюме, вооруженный двумя «кольтами». Его узкие, стального цвета глаза притягивали взгляд, как магнит притягивает металлы. Они глядели совершенно равнодушно, но иногда загорались яростным пламенем или сверкали, как клинок кинжала. Девушка и юноша, почти мальчик, явно состояли друг с другом в родстве — стоило обратить внимание на нос и серые глаза девушки. Но на этом их сходство заканчивалось. Да и взгляд у девушки был мягче и нежнее. Но главное различие заключалось в волосах, потому что у юноши они были черные и прямые, а у девушки золотистые, вьющиеся, красиво отражавшие солнечные блики. Пара ехала по тропинке, пока не оказалась на вершине плато. Там путники остановились.

— Ну вот мы и приехали,— доложил юноша, сделав рукой широкий жест.— Ты хотела полюбоваться пейзажем, что ж, вот он!

У девушки перехватило дыхание, и она восторженно сцепила руки. На юг и на восток простиралась пустыня, исчезая в голубой дымке горизонта. На севере и на западе ее взор восхищенно скользил по нагромождению скал, утесов и вершин — словно некие титаны хаотично разбросали их по всему безграничному пространству. Казалось, человек не имеет никакого отношения к этому масштабному действу, но тем не менее повсюду виднелись следы его пребывания здесь. Правда, индейские деревушки превратились в безлюдные руины еще за бесчисленные столетия до того, как отважный ге-

нузеец предавался мечтам о завоевании новых земель. Юноша видел это уже десятки раз, для девушки же все было в новинку.

— Какая прелесть! — воскликнула она. — Горы, пустыня, все! Здесь все так величественно, а я так долго сидела в четырех стенах!

Юноша улыбнулся, видя ее восхищение, и указал арапником на серебристую ленту, выходящую по опушке скудного лесочка.

— Рио-Гранде, — сообщил он.

— Кажется, совсем близко, — заметила девушка.

— Двадцать миль, — пробормотал юноша и почти про себя добавил: — Похоже на лезвие арабской сабли.

Это повернуло мысли юноши в другое русло, и он забыл о девушке. Он снова слышал крик «Эй, гей, Аллах иль Аллах! Аллах Акбар!» и снова видел убегающих людей, в руках которых то и дело посверкивали лезвия сабель. Стив Аллисон пожал плечами и повернулся к девушке.

— Когда ты сполна насладишься пейзажем, Хелен, — заметил он, — мы отправимся назад на ранчо, пока солнце не испортило твой цвет лица!

— Да ведь не хватит и целого дня, чтобы налюбоваться такой красотой, — вздохнула девушка, поворачивая коня к тропинке.

Они тронулись в обратный путь. Хелен минутно оглядывалась назад и не заметила, как ее спутник рванулся вперед в седле и схватился за пистолет. Мгновение спустя он отдернул руку от кобуры, увидев появившегося из-за поворота высокого, широкоплечего молодого челове-

ка на великолепном черном жеребце. Поравнявшись с нашими путниками, он встретился глазами с Хелен и вежливо приподнял сомбре-ро. Едва понимая, что она делает, Хелен повернулась в седле и долго смотрела ему вслед, пока он не исчез за выступом скалы. На губах ее все еще играла довольная улыбка, когда брат положил руку ей на плечо и мягко потряс ее.

— Ну, ну, — проворчал он. — Неужели это в Восточном колледже тебя научили смотреть вслед незнакомым джентльменам?

— Но у него такая красивая лошадка! — с притворной застенчивостью ответила девушка, покраснев до корней волос.

— А ведь и правда, — не без сарказма произнес юноша. — Если хочешь, я верну его, и вы познакомитесь!

— С кем, с конем?

— Нет, с парнем.

— Ну как ты можешь! — воскликнула девушка. — По-моему, ты выходишь за границы дозволенного, Стив Аллисон!

9

Стив Аллисон удобно устроился в огромном кресле в библиотеке нью-йоркского дома Аллисонов. Он снял с полки массивный, обтянутый кожей том — «Древнее ассирийское искусство» — и приготовился приятно провести вечер. Бренное тело Стива Аллисона находилось в библиотеке его нью-йоркского дома, но душа блуждала по улочкам древней Ниневии. Появление младшей

сестры вернуло его к реальности. Она направлялась к нему с явным намерением поговорить. Стив, с трудом оторвавшись от тихого созерцания искусства древней Ассирии, бросил рассеянный взгляд на стоявшую перед ним девушку.

«А она хорошенькая», — невольно подумал он, глядя на ее стройную, грациозную фигурку, любуясь блеском розовых губ и щек, пышными черными волосами.

И все же юбочка на ней была коротковата, одежда слишком облегала ее изящные формы, а волосы подстрижены не лучшим образом. Стив знал, что его сестра — честная, порядочная девушка, и ее легкомысленное поведение можно истолковать или как протест бунтарской натуры против установленного порядка, или просто как проявление веселого, жизнерадостного характера. Но если такой образ жизни доставляет ей удовольствие, что ж, Стив Аллисон не будет ей мешать. Напротив, он всегда защищал ее от остальных членов семьи, если она из-за своих выходов попадала в трудное положение. Девушка села на подлокотник кресла и недовольно фыркнула.

— Экий ты, Стив. Ну зачем ты замуровал себя среди старых, пыльных книг, когда все самое интересное там, снаружи?

Стив хихикнул.

— То есть в парке, где можно покататься верхом, и на улицах, где и смотреть-то не на что, кроме вывесок?

— Вовсе нет, — возразила сестра, — но все равно снаружи лучше, чем здесь, особенно сейчас, летом!

— А ты и не сиди здесь, — пожал плечами он. — Развивай свое тело, детка, а ум твой и сам разовьется! Такой хорошенькой девушке, как ты, большого ума и не требуется!

— Ну, Стив! — воскликнула девушка. — Да ты просто чудовище, и я не собираюсь с тобой разговаривать!

Но не успела она соскользнуть с подлокотника, как Стив обнял ее за тонкую талию и удержал.

— Не улетай, моя птичка, — сказал он и посадил сестру на колени.

— Пусти, — велела она.

— Только когда я этого захочу, — ответил он, и девушка, положив голову брату на плечо, вполне довольная, уютно устроилась у него на коленях.

Стив слегка провел пальцами по ее мягким темным волосам и улыбнулся, припоминая, какой переполох поднялся в семье Аллисонов, когда Милдред остригла волосы.

— Стив, — начала Милдред, — ты знаешь смуглую женщину с черными глазами и черными волосами, гораздо темнее моих и даже твоих?

— Во время путешествий я встречал так много людей, — ответил Стив. — А что?

— Женщина с такой внешностью спрашивала о тебе, — продолжила Милдред. — Я ехала верхом по парку на встречу с друзьями, когда недалеко от меня остановился огромный лимузин, и женщина, сидевшая в нем, обратилась ко мне. Я подъехала, и она спросила, не сестра ли я Стива Аллисона, и, когда я ответила, что сес-

тра, пригласила меня прокатиться в лимузине, но мне не с кем было оставить лошадь. Она поинтересовалась, в Нью-Йорке ли ты, Стив, и еще сказала, что она твой друг!

— Так как она выглядела? — спросил Стив.

— Смуглая, как я уже говорила, — ответила Милдред, — с очень большими, немного косящими, черными глазами. Она стройна и красива, но с довольно пышными формами.

Стив молчал, сохраняя бесстрастное выражение лица.

Милдред освободилась из объятий брата и уселась поудобнее.

— Стив, — укоризненно произнесла она, — ты где-то встречался с этой женщиной?

Другой пустился бы в бурные отрицания, но Стив просто помотал головой. Девушку это, похоже, удовлетворило.

— Она случайно не показалась тебе иностранкой? — неожиданно спросил он сестру.

— Да, она говорила с легким акцентом, которого я раньше ни у кого не слышала. И внешне она напоминала иностранку. Скорее всего, с Востока.

— Да, именно с Востока, — рассеянно согласился Стив.

Некоторое время он молчал. Потом тряхнул головой, словно изгоняя женщину из своих мыслей. Стив прижал к себе сестру, как ребенка, поцеловал и поднял со своих колен.

— А теперь — иди играй, хорошая девочка.

Милдред, озадаченно взглянув на брата, вышла из комнаты.

Сначала Стив сидел спокойно, затем быстро встал и стремительно зашагал по комнате. Потом снова рухнул в огромное кресло и несколько минут был погружен в глубокие раздумья. Его лицо, как всегда, даже когда он оставался один, было спокойно и безмятежно; но вдруг он повернулся к двум кривым арабским саблям, висевшим на стене. Стив встал и подошел к большой карте, располагавшейся напротив изогнутых клинков. Внимательно оглядев всю карту, он задержал взгляд на Азии, а именно на небольшом местечке в Туркестане под названием Яркенд. Стив отошел от карты и несколько минут опять ходил по комнате. Потом быстро направился к двери, и в этот момент в широко распахнутое окно со свистом влетел какой-то блестящий предмет и ударился о стену. Стив отскочил в сторону, и тяжелый пистолет, словно по мановению волшебной палочки, оказался в его руке. Кнопка выключателя находилась вблизи от его руки. Он быстрым движением нажал на нее и застыл в темноте, держа наготове пистолет. Так он стоял несколько мгновений, потом снова включил свет и прижался к стене. Снаружи не доносилось ни звука, если не считать шума оживленного движения в деловой части Нью-Йорка. Стив осторожно прошел по комнате. Ничего не произошло. Тогда он взял в руки влетевший в комнату предмет. Это оказался нож какой-то странной формы, Стив внимательно его рассмотрел. Рукоятка, лезвие и стопор сделаны из одного куска металла. Лезвие было длинным, чуть изогнутым, из прекрас-

ной стали и острым с обеих сторон. Рукоятка удивительно искусно инкрустирована золотом. Повертев нож в руке, Стив быстро принял решение, набрал телефонный номер и, наконец, услышал в трубке знакомый голос.

— Слушай, Бак,— поспешно произнес он.— Не задавай вопросов.

Продолжил он тихо, на диалекте индийского племени пима.

— Бак, давай как можно скорее встретимся у Дельмонико.

— Разумеется,— услышал он ответ на том же языке.

Стив повесил трубку и, спрятав нож под рубашку, вышел из комнаты. Через несколько мгновений он за рулем дорогого лимузина мчался к знаменитому нью-йоркскому кабаре.

10

Сейчас я расскажу вам, как Стив Аллисон, Тимолеон Ликург Казанова де Куин и я путешествовали по горам Тибета. Мы со Стивом приехали туда ради развлечения, да к тому же мой приятель прочел у какого-то ученого, что, согласно его вычислениям и исследованиям, *недостающее звено* находится где-то в Гималаях, в Тибете. Мне не очень в это верилось, но Стив сказал, что мы обязательно должны отправиться туда. Что же касается Тимми, он же Тимолеон и т. д. и т. п., то он поехал с нами отчасти потому, что изучал ботанику, а отчасти потому, что Стив надеялся: это путешествие наконец сделает из

него человека. Как бы то ни было, Тим, обладая значительным состоянием, взял на себя большую часть расходов. Итак, мы брели по Гималаям в Тибет, пересекая северную Индию и Непал.

Нет смысла описывать все путешествие. Начну с того места, когда проводники удрали с большей частью нашего багажа, а мы остались на склоне одной из гор в центральном Тибете.

— Вот так номер! — заметил Стив, толкнув легкий складной стул, чтобы снять раздражение.— Зачем этим чертовым кули понадобилось удирать с нашими шмотками? Кто бы мне ответил на этот вопрос!

— Может быть, здесь неподалеку находится враждебное племя каннибалов или что-нибудь подобное,— предположил я.— Кули почувствовали их близость и смылись.

— Каннибалы? В Тибете? — удивился Стив.— Впрочем, такое тоже вполне возможно.

Он вынул пистолет и тщательно осмотрел его, потом проделал то же самое с винтовкой.

— Во всяком случае,— сказал он,— мы здесь, в Тибете, остались без средств к существованию и должны как-то выбраться из этих гор.

Он оглядел величественные, покрытые снегом вершины.

— Да, внушительная страна Тибет.

Он прав. Это, конечно, не горы. Это, скорее, высокое, обширное плато с разбросанными по нему вершинами. Пустынная, мрачная, голая местность... К счастью, мы оказались здесь летом, а это не так уж плохо. Но все равно было немного прохладно. Мы забрались доста-

точно высоко, чтобы предупредить попытку нападения на наш лагерь, хотя Стив уверял, что тибетцы, как правило, дружелюбные и мирные люди. Впрочем, он это говорил и о сиуксах, которые позже пытались снять с него скальп.

— Вот, смотрите.— Стив опустил на колени и начертил палкой на песке карту.— Это Тибет. Мы не так далеко ушли на север, чтобы находиться где-нибудь вблизи от Куэнлуна или каких-либо других гор. Более того, от границ Восточного Туркестана отсюда тоже путь неблизкий, потому что здесь не так много гор, да и ни одного таджика не видно. Восточную и южную части страны я знаю лучше. Если я не ошибаюсь, мы находимся на плато, населенном кочевыми племенами, где-нибудь к северу от Богтсангтсангпо.

— И что же из этого следует? — спросил я.

— Должна же у нас быть точка отсчета, разве нет? — ответил он.

— Ну и что? — не успокаивался я.— Да, мы находимся здесь. Что нам даст название места, если мы заблудились?

— Ты, дурень, — пожал плечами Стив, — как мы узнаем, откуда начинать путь, если неизвестно, где мы находимся?

Если подумать, то это рассуждение вполне логично. Только сейчас мы заметили, что Тимолеон Казанова исчез. Он всегда пропадал, когда больше всего требовалась его помощь. Оглядевшись, мы увидели, что он шарит по склону горы своей лупой. Мы окликнули его, и Тимолеон вернулся в лагерь.

— Ликург, — очень строго произнес Стив, — ты не должен уходить далеко от лагеря — и от нас. Мы в незнакомой стране.

— Да, конечно, — Тимолеон моргал, как кроткая черепаха. — Я исследовал экземпляр вида...

И он начал перечислять ботанические названия и термины, понятные Стиву, но совершенно незнакомые мне.

— Ладно, — смягчился Стив, — только впредь постарайся не отходить от лагеря дальше, чем, по твоему разумению, требует твое чувство долга.

Мы, конечно, знали, что Тимолеон как ни в чем не бывало улетучится в ту же минуту. Наш приятель специализировался на бабочках и знал о них больше, чем Стив Аллисон о пистолетах.

— О, я почти забыл, — вдруг воскликнул Тимолеон. — Я нашел это!

И он протянул Стиву желтый камень. Стив взял его.

— Нет, ты только взгляни! — изумился он.

Слиток золота величиной с гусиное яйцо!

— Боже мой... — охнул я.

Стив набросился на Тимолеона.

— Где ты это нашел?

— Да там, где-то на склоне. Я даже не помню точно. Я споткнулся о него, исследуя вид...

Мы со Стивом уже мчались вниз, соревнуясь друг с другом в скорости. Прочесав весь склон сверху донизу, золота мы так и не нашли.

— Странная история с этим самородком, — сказал я, когда мы сели отдохнуть. — Думаешь, его кто-то уронил?

— Если это и так, то я найду этих людей, и они уронят еще,— пообещал Стив.— Конечно, золото — это гадость. Но где-то в Тибете оно есть.

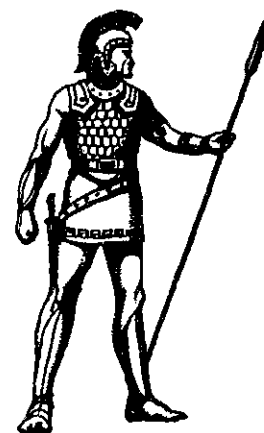
В эту самую минуту мы услышали шум и, оглянувшись, увидели десяток рослых туземцев; они держали нас под прицелом винтовок. Такова жизнь. Гонясь за золотом, человек ничего больше не видит и ни о чем не думает. Обычно никому не удавалось бесшумно подкрасться к Стиву или ко мне, но сейчас мы были так заняты поисками золота, что даже не заметили опасности.

— Ну что, будем драться, Стив? — спросил я, приготовившись вынуть из кобуры пистолет.

— Нет,— ответил он,— эти тибетцы — очень мирный народ!

КОГОТЬ ДРАКОНА

БРОНЗОВЫЙ ПАВЛИН

то невероятное, но в то же время жуткое приключение началось довольно неожиданно.

Я делал записи в дневнике, когда дверь неожиданно распахнулась и в кабинет с выпученными глазами ворвался мой слуга, араб Али. За ним по пятам следовал человек, которого я давно уже считал мертвым.

Я в изумлении вскочил на ноги.

— Гиртман! Что, Бога ради...

Он жестом велел мне замолчать, а затем, осторожно оглянувшись, со вздохом облегчения закрыл дверь. Он тяжело дышал, как будто запыхался, а я с любопытством разглядывал его. Прошедшие годы не изменили его. Его коренастая широкоплечая фигура по-прежнему излучала энергию, а резко очерченное лицо с выдающимся подбородком и крючковатым носом выражали целеустремленность и негибкую волю. Но сейчас черты его лица обострились от усталости. Очевидно, он прошел через какие-то ужасные испытания.

— В чем дело? — спросил я, ощущая, как его нервозность отчасти передается мне.

— Остерегайся его, сахиб, — вмешался Али, — не связываясь с тем, кого преследует дьявол! Иначе демоны почуют и тебя! Я говорю тебе, сахиб...

— Подожди. — Гиртман поднял руку; только сейчас я заметил, что в другой руке он держит странный сверток. Он приблизился ко мне и сжал мою кисть с какой-то непонятной страстностью. Его словно лихорадило, и я в изумлении смотрел на него. Неужели это был тот Эрих Гиртман, чье имя могло служить символом невозмутимости и цинизма?

— Ты обязан мне жизнью. — Он говорил с такой поспешностью, что слова едва можно было разобрать. — Я вытащил тебя из дагосской бухты, когда акулы уже раздирали на тебе одежду... Теперь ты обязан помочь мне! Я не собира-

юсь проигрывать, когда дело зашло так далеко! Я поделюсь с тобой добычей, но ты обязан помочь мне... спрятать меня!

— Если ты возьмешь себя в руки и объяснишь, что происходит, мне будет легче помочь, — заверил я незваного гостя. — Конечно, я сделаю для тебя все, что смогу, но стоит, пожалуй, рассказать мне, в какую переделку ты попал. Иначе, мой друг, я не смогу действовать.

— Разумно, — задыхаясь, ответил он. — Но сначала мне надо чего-нибудь выпить. Господи, твой слуга-язычник бежит как антилопа! Хорошенькое зрелище, должно быть, представляли мы, когда галопом мчались по улочкам, привлекая всеобщее внимание... А этого я как раз хотел меньше всего. Но я боялся выпустить его из виду, потому что сам никогда не нашел бы тебя. Я не мог искать тебя по всему городу... Особенно после того, как заметил смутного дьявола.

Я смешал Гиртману виски с содовой и предложил забрать у него, пока он пьет, сверток, но он решительно покачал головой. Али, нахмурившись, удалился на другую сторону комнаты и оттуда крайне подозрительно поглядывал на моего гостя.

— Я думал, что ты погиб, — сказал я. — С год назад прошел слух, что тебя убили разбойники-бедуины где-то в холмах неподалеку от друзского Джебеля. Естественно, увидев тебя здесь, в Джибути, я несколько удивился.

— Это не меня нашли местные стражи порядка ограбленным и изуродованным, — проворчал Гиртман. — Тогда в пустыне погиб голлан-

дец-авантюрист по имени Сталенаус. И убили его не бедуины; это сделали друзья, считавшие, что расправились со мной. Голландец, впрочем, несколько походил на меня. В этом счастливом обстоятельстве я увидел возможность скрыться. В ту ночь Эрих Гиртман на время умер, а место его занял мелкий торговец-друг. Я обманул и самих друзей, и других моих врагов тоже! Всех провел! — И он раскатисто засмеялся... Поэтому-то я сегодня нахожусь в Джибути, спасаясь бегством, — продолжал он. — Я ввязался в отчаянную игру с чудовищными ставками: моя жизнь против богатства, которое затмит сокровища царя Соломона!

Его глаза сверкали, и по сумбурным речам я заключил, что он перегрелся на солнце.

— Посмотри! — воскликнул он и стукнул по свертку, который издал металлический звук. — Что, по-твоему, у меня здесь? Тебе нипочем не догадаться! Это состояние, которое не может себе вообразить ни один миллионер! Золото, извлеченное из копей Офира во времена Соломона! Драгоценные камни, что сияли в коронах ассирийских царей! Здесь богатства, могущество, власть над миром!

Я украдкой взглянул на Али, но тот в ответ лишь посмотрел на меня с таким видом, будто желал показать, что в безумии Гиртмана виноват именно я.

Гиртман начал развязывать ремешки своего свертка.

— Я покажу тебе, — поспешно заявил он. — Вели своему слуге встать у окна, выходящего

на улицу. Я не хочу, чтобы кто-нибудь забрался по стене и заглянул в эту комнату.

Он явно сошел с ума, но я дал Али знак, чтобы он сделал так, как просил Гиртман. Тогда мой гость развернул сверток и с торжествующим видом продемонстрировал мне странный, необычного вида предмет.

Это была чеканная, весьма тонкой работы медная скульптура, изображавшая павлина; крылья и хвост его были инкрустированы золотом, а когти распростерты, как будто желали вцепиться в какую-то невидимую опору.

Лицо Гиртмана выражало поистине демоническое торжество.

— Взгляни на него! — воскликнул он. — И смотри внимательно! Ты первый белый человек, не считая, разумеется, меня, который увидел его!

Я протянул руку, чтобы взять скульптуру и лучше рассмотреть диковинную находку Гиртмана, но Али издал яростный вопль и, внезапно прыгнув вперед, ударил меня по руке.

— Раз уж ты проклят, не следует тащить с собой и моего хозяина! — закричал он. — Не прикасайся к этому, сахиб, если тебе дорога твоя душа! Дотронуться до этой проклятой вещи означает смерть и для христианина, и для мусульманина! Да защитит нас Аллах! Этот глупец украл самого Мелек-Тауса!

— Мелек-Таус! — Я внезапно припомнил кое-что и буквально остолбенел. — Бог мой, Гиртман, ты хочешь сказать, что это и есть тот самый бронзовый павлин, которому поклоня-

ются эти отвратительные дьяволопоклонники — езиды?

— Именно он! — Гиртман оцепенел от тщеславия и торжества. — Это — Мелек-Таус, которого боится и ненавидит весь мусульманский мир, да и все христиане Востока в придачу! Значит, ты кое-что слышал о езидах?

— Я слышал великое множество самых невероятных историй, — ответил я. — Да и кто на Востоке их не слышал? Я знаю об этой секте, которая поклоняется самому настоящему дьяволу, Сатане! Или, если воспользоваться именем, которым называют его жители Востока, — Шайтану. Легенды говорят, что гору Лахеш связывают с Маньчжурией семь башен. Эти башни являются земными обиталищами Шайтана, и живущие в этих башнях обмениваются вспышками света, которые несут заклинания, угрожающие сынам человеческим. Я слышал, что оплотом езидам служит город Шейх-Ади, находящийся в горах, за Мосулом, и что они поклоняются этому бронзовому изображению как символу Шайтана и приносят ему жертвы в огромных подземельях, находящихся под храмом.

Гиртман кивнул.

— Верно. Несколько американцев, англичан и французов бывали в Баадри и видели замок Мира Бега, черного отца всех езидов, возвышающийся над городком. Некоторые побывали даже в Шейх-Ади и видели храм, сооруженный прямо в склоне горы. Ну, а что ты слышал о настоящем храме, который находится внизу, глубоко под землей?

Он снова торжествующе рассмеялся, и я услышал, как Али вполголоса призвал имя Аллаха.

— Моя мнимая гибель дала мне возможность пробраться туда, — продолжал Гиртман. — Я долго искал способ проникнуть в тайную цитадель дьяволопоклонников. А теперь, когда все считают, что Эрих Гиртман мертв, никто не признал бы меня в облике жалкого торговца-друза. Как бедный, низкорослый друг, я легко проник в город езидов, потому что хотя друзья и не почитатели дьявола, они также не являются, как тебе известно, ни христианами, ни мусульманами. В Баадри я приехал на осле, нагруженном безделушками европейской работы, и прожил там довольно долго, перед тем как отважиться посетить Шейх-Ади. Я играл роль безвредного, болтливого и услужливого дурачка. Езиды презирали меня, но не питали в отношении меня никаких подозрений. И вот наконец я решился отправиться в Шейх-Ади, который находится всего в часе езды от Баадри. Дорога, ведущая туда, извивалась среди холмов и ущелий, а потом вывела к сказочному городу, пристроившемуся к склону горы Лахеша Проклятого. Я поселился в одной из пустых каменных хижин, построенных для того, чтобы служить жилищем паломникам. Вначале я даже не делал попыток войти во внешний храм. Когда наконец я это сделал, то старался вести себя робко, почтительно и, что особенно позабавило езидов, с воплями убежал прочь при виде огромной каменной змеи, стоящей на хвосте, находящейся во внутреннем дворе у входа в храм... Некоторые говорят, что езиды поклоня-

ются этой змее. Я видел, как они совершают перед ней странные обряды, но отнюдь не она истинный символ Князя Тьмы! Этот символ — Мелек-Таус, бронзовый павлин, в которого, как гласит их предание, давным-давно вселился Шайтан... Я прожил в Шейх-Ади несколько месяцев. Это очень необычный город, и обитатели его — люди в высшей степени странные. Все представления и принципы, которые нам кажутся истинными и нормальными, там вывернуты наизнанку. Свет и повелители света отвратительны этим людям, а Зло и Боги Тьмы — их друзья и повелители. Езид не может произнести имя Шайтана; так повелевает Черная Книга их веры, свиток, который Сатана давным-давно продиктовал шейху Ади, основателю этого культа. Если вы произнесете перед езидом имя Сатаны, он обязан убить вас, а если это ему не удастся, то он покончит с собой. Живя в их городе, должно носить одежду и украшения синего цвета, поскольку Шайтану он противен. Однако вы можете свободно говорить о Мелек-Таусе, поскольку именно этим именем Шайтан позволяет называть себя тем, кто ему поклоняется... Что до семи Башен Зла, то я ничего не могу сказать о них. Только одну из них я видел воочию. Это была высокая, тонкая белая башня, возвышающаяся над городом. Когда на нее падали лучи Солнца, то крыша башни сверкала. Вернее будет сказать, что сверкал огромный золотой шар, находящийся на ее вершине. Я не сомневаюсь, что езиды использовали башню для подачи сигналов... Тщательно скрывая свой жгучий интерес за наивным любо-

пытством невежественного торговца, я сумел убедиться в том, что храм — ширма, под ним скрывалось истинное святилище... Не один месяц мне пришлось ломать голову над тем, как попасть внутрь горы, да так, чтобы меня не схватили. Храм постоянно охраняло множество жрецов. Хотя они не возражали против того, чтобы я время от времени с благоговейным трепетом осматривал храм, я не осмеливался продемонстрировать, что хотя бы догадываюсь о существовании подземного святилища... Но наконец удобный случай представился. Весной езиды устраивают на открытом воздухе празднество, на котором могут присутствовать все желающие. Оно называется Праздником Башни, и, Бог свидетель, достаточно отвратительно. Белого быка, украсив цветами, приводят к Башне Зла. Там ему разрезают сонную артерию и водят вокруг Башни до тех пор, пока он не умирает, а его кровь при этом окрашивает докрасна все подножие Башни. На празднике присутствуют все езиды, и на это время храм остается без охраны... Я разработал план... В первую очередь я публично объявил, что покидаю город, и нагрузил свои немногочисленные вещи на осла. Когда я, разинув рот, следил за ходом праздника, котомка с моими товарами была у меня за спиной. Пока все наблюдали кровавое зрелище, я проскользнул к храму. Он, как я и предполагал, не охранялся. Через громадную арку я поспешил во двор, где находился вход. Я спустился по каменным ступеням, пошел в ворота и оказался во дворе с каменной змеей. Я проскольз-

нул мимо нее, зловеще отливавшей черным, и вошел в огромный зал, который и был главным храмом. Его освещали масляные светильники. Там не было ни алтаря, ни капища. Зал был пуст. Одной из стен служил склон горы, к которой и было пристроено здание храма. В этой стене имелась дверь. Она была не заперта, и каменная лестница за ней вела вниз, в зал, служивший усыпальницей самого шейха Ади. Там находилась еще одна дверь. Я вновь спустился по каменным ступеням и на этот раз оказался в огромной пещере естественного происхождения — настолько огромной, что в царящих там сумерках я едва мог различить ее свод. Там я услышал звук, походивший на шум быстро текущей реки, и стал осторожно продвигаться вперед, освещая дорогу небольшим электрическим фонариком. После того как я некоторое время брел по туннелю во мраке, который едва рассеивал слабый свет моего фонаря, я повернул за угол и оказался в настоящем храме дьяволопоклонников. Эта пещера показалась мне огромной. Ее освещали факелы толщиной с человеческое бедро, находившиеся в вырубленных нишах. Передо мной возвышался огромный алтарь, высеченный из какого-то алого камня. Он производил зловещее впечатление. Его покрывали темные пятна, а по бокам скалились ряды ухмыляющихся черепов, образовавших причудливые фигуры. Где-то в темноте этой пещеры, вне мерцающего света факелов, бурлила река. Эта страшная картина настолько испугала меня, что я невольно содрогнулся при мысли о

том, какая участь постигнет меня в случае поимки. Но я увидел то, за чем пришел. Вцепившись когтями в золотой брус, вделанный в камень алтаря, передо мной стоял Мелек-Таус! Я ринулся к нему, одним движением схватил и содрал его с насеста — при этом, под скрип петель и болтов, одна из плит пола позади алтаря сдвинулась, открывая находящийся под ней тайник! Когда я заглянул под металлические прутья, защищавшие вход, у меня перехватило дыхание. В свете фонарика перед моим изумленным взором предстали несметные сокровища! В восхищении я смотрел на груды золотых монет, отчеканенных, вероятно, во времена Александра Македонского; сверкающие драгоценные камни — алмазы, рубины, изумруды, сапфиры, топазы, наваленные как попало... Сокровища езидов! Я не стал тратить время на то, чтобы обнаружить, как открывается решетчатая дверь в тайник. И так я уже пробыл в подземелье дольше, чем следовало. Я ухватился за брус, с которого снял Мелек-Тауса, и потянул за него; плита скользнула на место. Я положил Мелек-Тауса в мешок и поспешил назад. И сделал это как раз вовремя. Когда я оказался во внешнем храме, то услышал шаги жреца. Вероятно, мерзкое богопротивное празднество закончилось... Жрец шел по залу. Нас разделял ряд колонн, скрываясь за которыми я смог незамеченным выбраться во двор. Но здесь мне повстречался жрец низшего ранга, который, вероятно что-то заподозрив, осведомился, почему я слоняюсь неподалеку от храма. Я ответил, что хочу покинуть Шейх-Ади и при-

шел попрощаться с верховным жрецом, выразить благодарность за ту доброту, которую он проявил ко мне, и так далее, в духе принятой на Востоке цветистой вежливости. Это, похоже, удовлетворило жреца, но моя дурацкая ошибка вновь пробудила в нем подозрения. Покидая храм, чтобы скрыть свою нервозность — не поверю, что человек, увидевший подобное, не начнет нервничать! — я зажег сигарету; затем, не подумав, бросил горящую спичку и затоптал ее ногой. Тут же я заметил, как глаза жреца сузились от сомнений, разгоревшихся с новой силой. Я проклял себя. Огонь для Мелек-Тауса священен, и езидам издревле было запрещено плевать на пламя. Тем паче — топтать его. Ни один восточный человек не допустил бы в Шейх-Ади подобную ошибку. Даже у правоверного мусульманина хватило бы сообразительности побережиться от того, чтобы возбудить ярость езидов... Я поспешил вниз по холму и сделал так, что довольно много езидов увидели, как я отвязываю осла, стоявшего у двери моего жилища, затем, словно бы передумав, я снова привязал его и вошел в хижину. Это спасло мне жизнь. Вскоре после меня появился тот самый жрец, и ему сказали, что я все еще нахожусь у себя в хижине — разве у порога не привязан мой нагруженный осел? Так что жрец немного подождал, на случай, если я выйду — но к тому времени я был далеко... Войдя в хижину, я выскользнул из нее сквозь пролом в задней стене, скрытый густым кустарником. Продравшись сквозь кусты, я спустился по склону, украл первую же попавшуюся ло-

шадь и как безумный помчался прочь... Когда я приехал в Мосул, мои преследователи отставали от меня всего на несколько часов; но моя лошадь пала от усталости на окраине города. В Мосуле я изменил внешность и стал солидным, вызывающим почтение, турецким купцом. Затем я предпринял еще один дерзкий шаг — покинул Мосул ночью и по бездорожью направился в Дамаск. Поступок отчаянный, если учесть беспокойное положение в стране. Но благодаря своей маскировке мне удалось достичь цели... Однако мои преследователи каким-то образом вновь напали на мой след и преследовали меня до самых ворот Дамаска — но тогда я этого не знал. В Дамаске я снова сменил обличье, на этот раз сделавшись самим собой — Эрих Гиртман воскрес. Я полагал, что это совершенно запутает моих врагов. Тогда я не вполне представлял себе натуру езидов — их неослабевающую ненависть, которая гонит их, словно волков, по следу. Бог мой, один буддийский священник скрывался от них тридцать лет, но в конце концов... Так вот, накануне отъезда из Дамаска я обнаружил, что не обманул своих врагов. Вернувшись к своему собственному обличью, я лишь раскрыл им истинную личность человека, которого они преследуют, и это, должно быть, еще сильнее раздуло пламя их ярости, поскольку в Сирии Эриха Гиртмана не слишком любят. Но я укрылся от них — в Дамаске у меня есть друзья... Все-таки я сбил их с толку. Они не могли найти меня. Но некий дамаский купец, мой друг, сообщил мне, что езид, по описанию схожий с низшим

жрецом Юрзедом, шныряет по пристаням Бей-рута. Они ожидали, что я поспешу в ближайший западный порт, и, поскольку не смогли найти меня в Дамаске, решили ждать моего появления там. Однако я перехитрил их. Я был уверен, что они следят и за остальными портами — Хайфой, Яффой, Эль-Аришем и Порт-Саидом, — а я помчался в Иерусалим. Там я позволил себе небольшую передышку, пока какое-то шестое чувство не подсказало мне, что враги снова рядом. На базаре я увидел езидку, которая плялилась на меня. В ту же ночь я снова бежал. Переодевшись бедуином я, верхом на верблюде помчался на юг. Мои враги следовали за мной по пятам, словно стая горных волков. Господи, что это была за гонка! Я скакал день и ночь... Однажды они оказались настолько близко, что я слышал их верблюдов. Но я ускользнул опять — скорее благодаря удаче, чем умению, — и оказался в маленькой деревушке на берегу Красного моря. Там я снова стал Эрихом Гиртманом и сел пассажиром на грязное арабское суденышко, которое совершало рейсы по морю, занимаясь какими-то темными делами... Этим утром я сошел на берег в Джибути. Я не знал, что ты, Джон Малкэхи, находишься здесь, пока не увидел Али. А когда я говорил с ним... Бог ты мой! В базарной толпе я увидел покрытое шрамами лицо Юрзеда! Не думаю, что он заметил меня — только в этом мне и повезло. Когда же он прошел мимо, я имел глупость шепотом назвать твоему полоумному арабу его имя и занятие. Лицо этого глупца сделалось серым, и он стал переулками удирать

от меня. Мне пришлось бежать за ним — потому что мне во что бы то ни стало надо было найти тебя. Готов биться об заклад, что это зрелище привлекло внимание людей, которые расскажут о нем моим врагам.

— Я помогу тебе всем, чем смогу, — сказал я. — Но что ты собираешься делать?

— Найти себе убежище! — воскликнул он. — Я хочу спрятаться там, где меня не смогут найти даже эти ищейки в человеческом облике! Затем я вступлю с ними в переговоры. У меня есть друзья на Востоке, а в руках у меня священный идол. Фанатики готовы дорого заплатить за то, чтобы вернуть его, — и они дорого заплатят! Выкупом за Мелек-Тауса будут все монеты, все слитки серебра, весь золотой песок, все драгоценные камни, которые я видел в тайнике под алтарем!

— Гиртман, ты сошел с ума! — воскликнул я. — Они никогда столько не заплатят!

— Заплатят! — Глаза моего гостя загорелись жадным блеском. — Эта бронзовая птица — их бог, и они должны заполучить его обратно — независимо от цены, которая для этого потребуется. Сначала они попытаются убить. Но я перехитрю их. Я сообразительнее, проворнее и хитрее всех езидов, вместе взятых, и я докажу это!

— Ну, — помедлив, сказал я, — начну с того, что, на мой взгляд, дело это дурно пахнет. Хотя если учесть крайнюю гнусность этого культа... Но и ты ничуть не лучше, поскольку пыгаешься использовать темные суеверия, чтобы разбогатеть.

— Твое мнение меня не интересует, — пробурчал с досадой Гиртман. — Я беру то, чего мне хочется, и не позволю встать на моем пути никому... Ты всегда был глупцом, Джон Малкэхи, и в жизни руководствовался странными принципами. Ну, ты, если хочешь, можешь влачить и дальше жалкое существование в нищете и безвестности; я же, Эрих Гиртман, поступлю по-другому. Меня не интересует, что ты думаешь обо мне... Я хочу знать: поможешь ли ты мне выпутаться из этой переделки?

— Да, помогу, — ответил я. — В конце концов, ты — белый человек. По крайней мере, если не душа, то кожа уж точно белая. Кроме того, я перед тобой в долгу. Я обычно выполняю свои обязательства. Что ты хочешь?

— Достань мне какую-нибудь одежду — подойдет что-либо из вещей твоего араба, — тут же ответил он. — Я снова сменю обличье и выскользну из отеля через служебный выход. Вели своему арабу найти мне лошадь и ждать меня с ней за воротами города. Я отправлюсь к разрушенной крепости, что находится в миле от города, и спрячусь там.

— Что? — воскликнул я. — Это безумие! Они найдут тебя и убьют. Оставайся в моих комнатах. Здесь, в городе, ты будешь в безопасности. Мы с Али можем сменять друг друга, стоя на страже.

Он покачал головой.

— Ты не знаешь этих дьяволов. Сотни, а то и тысячи лет они оттачивали свое черное ремесло. Они могут убить человека, не потревожив того, кто спит рядом с ним. Они могут сразить

человека, находящегося под охраной огромной армии. Нет, они будут искать меня в городе. А я снова одурачу их. Они и не подумают искать меня в старой крепости. Сегодня ночью я проскользну туда и спрячусь. Тебе придется время от времени доставлять мне еду — надо будет соблюдать осторожность. Они, возможно, будут следить за этим отелем — в случае, если смогли проследить меня до него. Прятаться мне придется недолго, скоро в порт должен прийти английский пароход "Нагпур", он запаздывает. Тебе надо будет купить мне билет. Оформи его на свое имя и доставь в доки свои вещи. В последний момент мы поменяемся местами, и я проберусь на борт. А когда я выжму из язычников выкуп, ты получишь значительную его часть.

— Мне не нужны твои сокровища, — уязвленный, ответил я. — Ты не можешь нанять меня. Я делаю это просто потому, что однажды ты спас мне жизнь, а я плачу свои долги.

Он что-то пробурчал. Когда же я обернулся к Али, собираясь приказать ему принести что-нибудь из его одежды, араб начал отговаривать меня. Но я был тверд в своих намерениях. Тогда араб сделал жест, выражавший истинно восточный фатализм, и повиновался без дальнейших слов.

Облаченный в просторный халат, тюрбан и сандалии, Гиртман выглядел как настоящий араб. Это впечатление усиливали его крючковатый нос и жесткий взгляд голубых глаз. Годы странствий по Востоку не пропали даром. Даже Али хмыкнул в невольном восхищении. Если Гирт-

ман изображал друга так же хорошо, как араба, то неудивительно, что он одурачил даже этих гениев коварства с горы Лахеш.

Мой незванный гость и Али долго наблюдали за улицей из маленького окошка, прежде чем Гиртман украдкой выбрался через запасной выход и исчез в переулке. Он захватил с собой павлина, запас еды и вина, а также тяжелый пистолет из моего личного арсенала.

— Не сомневаюсь, что ему удалось скрыться, — пробормотал Али. — Дьявол охраняет таких проходимцев, хотя этот и украл у него демоническую птицу. Скорее это нам с тобой, сахиб, перережут горло. Езиды проследят его до этого отеля, если уже не сделали это. Меня видели на базаре с этим мерзавцем. Мы обречены, сахиб! Дьяволопоклонники придут сюда, чтобы найти его, а вместо этого перережут нам глотки. Неужели ты не слышал, что о них говорят?

И он стал рассказывать мне одну за другой истории об одержимости и жестокости езидов — одни вполне достоверные, а другие настолько невероятные с точки зрения белого человека, что я не мог удержаться от смеха, и это вызывало у Али возмущение.

На следующий вечер возникла проблема с тем, как доставить Гиртману еду. Мы с Али стали спорить, кому следует это сделать.

— Тебя уже видели с ним, — сказал я. — Естественно, езиды станут следить за тобой. С другой стороны, связь между ним и мной им неизвестна, и лучше мне отнести еду.

— Будь уверен — эти дьяволы обнаружили его связь и с тобой, и со мной, — пессимистически ответил Али. — Вы слишком неповоротливы, а умения передвигаться скрытно у вас столько же, как у целой армии белых солдат с их пушками и обозами. Я закрою лицо и выберусь через запасной выход, как и твой друг.

Так Али и сделал и, вернувшись, рассказал, что Гиртман с удобством расположился в разрушенной крепости, «среди крыс и ящериц», и считает, что наконец ему удалось скрыться от своих неумолимых врагов. Что касается меня, то я пришел к выводу, что основной причиной страхов Гиртмана было осознание им своей вины. Я не видел ни одного езида и не заметил никаких их следов. Вне сомнений, Гиртману лишь показалось, что на базаре он встретил жреца этого страшного культа.

Но Али сумрачно покачал головой, выслушав мои рассуждения.

— Они следят за нами, — сказал он. — Я трижды видел, как в переулках вокруг отеля скользили какие-то тени. Эти дьяволы не обнаружат себя, пока не будут готовы, а тогда бесшумно нанесут удар. Они, думают, что Гиртман все еще находится в твоих комнатах. Они перережут нам глотки, когда сочтут нужным, после чего, обнаружив свою ошибку, они выследят Гиртмана и убьют его.

Пароход все еще запаздывал. Али снова отправился отнести Гиртману еду и вино. Он выбрался из отеля сразу после заката, и около полуночи я услышал в коридоре мягкие шаги

обутых в сандалии ног. Ключ повернулся в замке, и показалась человеческая фигура. Я узнал тюрбан моего слуги, который скрывал все лицо, кроме горящих глаз.

Но... Эти глаза... В них я увидел что-то незнакомое... И эта фигура... Али был ниже ростом! А затем, когда этот человек сбросил тюрбан и рассмеялся мне в лицо беззвучным, жутким смехом, меня охватил безрассудный страх. И дело было не только в физическом ужасе при виде хищного лица незнакомца, стоявшего передо мной в одежде Али, а в том, что происходящее казалось настолько нереальным, что отдавало колдовством.

Продолжая смеяться пугающе безмолвным, издевательским и торжествующим смехом, езид извлек из-под одежды тяжелый пистолет, направив его мне прямо в сердце. Его левая рука шарилась под одеждой. Я очнулся от оцепенения, вызванного мимолетным страхом, и бросился на врага, сделав отчаянную ставку на то, что он побоится стрелять, чтобы не разбудить обитателей отеля.

Я был прав. Вместо того чтобы нажать на курок, он поднял свое оружие и нанес мне жестокий удар. Удар оглушил меня, в глазах заплесали искры.

Но в следующее мгновение я схватил его медвежьей хваткой, так что у езида затрещали кости. Он не мог вырваться и только беспомощно барахтался в моих объятиях. В левой руке у него был нож, и он изо всех сил пытался нацелить длинное лезвие мне в грудь. Мы рух-

нули на пол, и борьба продолжалась. Тишину нарушало лишь наше тяжелое дыхание.

Езид был худощав и жилист, как волк. Ростом он был с меня, хотя и легче, обладал стальными мускулами. Ему почти удалось пальцем выдавить мне глаз, а затем он впился зубами в мою руку, да так, что потекла кровь.

Потом мы каким-то образом поднялись на ноги, по-прежнему вцепившись друг в друга, и тут ему удалось ударить меня коленом в пах. От ужасной боли я озверел и, яростно вывернув ему руку, услышал, как хрустнула кость. Мой противник застонал и на мгновение ослабил хватку. Воспользовавшись этим, я вырвался и изо всех сил нанес ему удар в челюсть. Он рухнул на пол, как подкошенный, и остался неподвижным.

Не глядя на него, все еще с трудом переводя дыхание, я надел пробковый шлем, повесил на пояс тяжелый пистолет и взял крупнокалиберное ружье-двустволку. Я оказался втянутым в эту опасную игру и решил пойти до конца, независимо от того, какие карты сдаст мне Судьба. Когда я выходил, то бросил взгляд на езида и увидел, что тот приходит в себя.

Выйдя во двор, я разбудил слугу, которого это обстоятельство весьма раздосадовало. Он вывел и оседлал моего коня, и через несколько минут я отчаянно мчался по извилистым узким улочкам. В городе стояла тишина, и стук копыт моего коня отдавал странным эхом. У меня была только одна мысль: как можно быстрее добраться до заброшенной крепости. Я был уве-

рен, что и Али и Гиртман мертвы, и во мне начал вскипать гнев. У меня был долг перед Гиртманом; и еще больший долг перед Али. Если Гиртман спас мне жизнь однажды, то Али спасал ее полдюжины раз — от пуль бедуинов, сабель туарегов, копий матабелов; он был для меня больше чем слуга, он давно стал проверенным и надежным другом. А теперь он пал жертвой гнусной шайки дьяволопоклонников.

Я оглашал ночной мрак проклятиями, в висках у меня бешено стучала кровь. Если я не успею прийти на помощь, то, клянусь Сатаной, смогу отомстить!

Безмолвный город остался позади, и вскоре, промчавшись вихрем через поросшую кустарником равнину, я увидел перед собой нагромождение камней, которое и было разрушенной крепостью. Она сохранилась со времен, когда здесь были владения арабов, а ее пушки, стволы которых украшали благочестивые цитаты из Корана, господствовали над городом Джибути.

За несколько сот ярдов от руин я слез с коня и, привязав его к кусту, стал пробираться к руинам. Плотные облака скрывали луну, и было очень темно. Я на ощупь продвигался вперед и наконец оказался во внутреннем дворе крепости. Под ногами я ощущал растрескавшиеся каменные плиты, в щелях между которыми росла трава. Стояла тишина. Ненадолго показалась луна, и я поспешил скрыться в тени покрытой плесенью стены. Неподалеку я увидел полуразрушенную лестницу и стал подниматься по ней, прячась в тени.

Луна окончательно избавилась от плена, и тени теперь сделались отчетливыми. Я оказался в коридоре, пыльном, населенном летучими мышами, лишь слегка освещавшемся лучами лунного света, проникавшем сквозь проломы в потолке. Осторожно пробираясь дальше, я испытал неприятное чувство, будто слепым котенком лезу прямо в расставленную ловушку... и тут впереди блеснул лучик света. Я вспомнил, как Али говорил, что в крепости попадают уцелевшие помещения. Прогнав тревожные мысли, я двинулся вперед. Свет исходил из небольшой щели в стене, и я осторожно приник к ней.

Я заглядывал в одну из более или менее сохранившихся комнат. Все в ней было покрыто пылью. Было видно, что какое-то время она служила прибежищем для сов и шакалов, но стены ее были прочны, и часть крыши уцелела. В комнате, освещенной лишь свечой, прилепленной к стене, находилось десять человек. В первую очередь я увидел Гиртмана; он был связан по рукам и ногам, а веревка, привязанная к кольцу, вделанному в стену, удерживала его стоя. Он, похоже, не пострадал, но лицо его было перекошено от страха, ненависти и неукротимой ярости. Он походил на волка, попавшего в капкан. На полу валялся Али, также связанный и обнаженный — если не считать набедренной повязки. Вокруг раны на его голове запеклась кровь, но он находился в сознании. Остальные восемь были езидами — в этом сомнений не было. Они были высоки, худощавы, с костлявыми, хищными лицами. Самые на-

стоящие горные волки, как их и описал мне несчастный Гиртман.

Говорил один из езидов, с обветренным лицом, покрытым густой сеткой шрамов. Наверное, это и был Юрзед:

— Ты обречен. Ты кощунственно коснулся своими руками Мелек-Тауса, и никакие ангелы небесные не смогут спасти тебя. Однако ты сможешь избежать пыток, если скажешь нам, где ты спрятал нашу святыню...

Я не стал терять времени на то, чтобы слушать и дальше этот разговор. В комнате было две двери и окно; двери находились напротив друг друга, а окно — напротив той щели, сквозь которую я подсматривал. Я полагал, что дверь слева от меня ведет на лестничную площадку, как, вероятно, и правая дверь. Так или иначе, я прокрался по коридору в поисках комнаты, через которую я мог бы войти в ту, где они находились.

Я снова оказался во дворе, на этот раз во внутреннем. Там было темно, как в колоде. Над собой я видел лучик света, исходящий из комнаты, куда я желал попасть, — ее окно было завешено попоной. Я пробрался мимо полуразрушенной лестницы, не делая попытки подняться по ней, справедливо полагая, что ее хорошо охраняют. Я предпочел бы войти в здание с противоположной стороны и был уверен, что там обнаружу лестницу, ведущую в верхние коридоры. Но я хотел войти в комнату через дверь, возле которой не было охраны.

Осторожно поднимаясь по лестнице, я бросил взгляд вверх и застыл на месте. Мне пока-

залось, что в тени я заметил какое-то движение. Я напряг зрение, но на лестнице царила непроницаемая темнота. Я поспешил дальше и наполовину пересек двор, когда тихий звук заставил меня мгновенно обернуться.

В лунном свете я увидел жуткий силуэт, казалось повисший в воздухе. Одежда этого человека развевалась, словно крылья гигантской летучей мыши, а лицо искажала кровожадная гримаса; в руке его сверкал нож. Все это я воспринял в одно мгновение. У меня не было времени на раздумье, и я действовал инстинктивно. Еще поворачиваясь, я выстрелил, держа ружье у бедра, и тело язычника подбросило вверх.

Эхо от выстрела было устрашающим. Сверху раздался пронзительный крик. Внезапно попоны с окна сорвали, оттуда полился свет, и я увидел головы езидов. Эхо от выстрела еще не стихло, а я уже прыгнул в тень и затаился, зная, что сверху меня не могли увидеть. Луна снова исчезла, и я был уверен в том, что даже острые глаза дьяволопоклонников не могли разглядеть лежавшего у подножия стены мертвеца, напоминавшего сверток грязной одежды.

Занавесь снова опустили, и я услышал шаги в комнате наверху. Я решил рискнуть. Было ясно, что езиды спускаются вниз, чтобы подробнее разузнать о причине выстрела. Те, кто остались в комнате, будут вдвое бдительнее, чем раньше, и, несомненно, станут следить за обеими дверями. Я положил ружье и начал взбираться по стене. Это было бы невозможно, если бы не глубокие трещины в стене и выступавшие из

стены камни. Взираясь, я повернул голову, чтобы видеть во дворе неясные фигуры врагов. Мороз прошел у меня по коже при мысли о том, насколько я окажусь беспомощен, если они заметят меня до того, как я закончу подъем. Но езиды увидели труп и собрались, насколько я мог видеть, вокруг него. Я достиг окна и подтянулся на руках.

Большая часть прутьев оконной решетки отсутствовала. Я заглянул сквозь занавес, и сердце мое забилося чаще, если это еще было возможно. Комнату охранял всего один езид — огромный монах самого злодейского вида. В одной руке он держал пистолет, а в другой — саблю. Он не обращал никакого внимания на окно — по правде говоря, он стоял к нему спиной. Стараясь не дышать, я стал взбираться на подоконник. Тут он обернулся, что-то почуяв, и глаза его по-волчьи сверкнули.

Наши выстрелы прозвучали одновременно, и меня спасло лишь везение — потому что времени прицелиться у меня не было. Его пуля вырвала у меня на голове клочок волос, и сквозь пороховой дым я увидел, как он закачался и осел на пол. Через мгновение, очутившись в комнате, я нагнулся над Али.

— Сахиб! — пробормотал он. — Аллах акбар! Я знал... Я знал, что ты придешь...

Поспешно, но не упуская из виду дверь, я освободил его, и он схватил саблю мертвого езида. Было видно, что он слаб и с трудом двигается — из-за потери крови и потому, что долго был связан. Однако его глаза горели яр-

стью. Я освободил Гиртмана и дал ему пистолет езида. Он не произнес ни слова благодарности, лишь свирепо улыбнулся:

— Павлин никогда не достанется этим грязным псам!

Снаружи стояла зловещая тишина.

— Что с тобой случилось, Али?

— Я попал в ловушку. Я ничего не слышал и ничего не видел, но, когда оказался неподалеку от крепости, рядом со мной возникла тень и нанесла мне удар по голове. Когда я пришел в себя, то оказался в этой комнате, раздетый и связанный...

— Они схватили и меня, — прорычал Гиртман. — Воспользовались приемом, известным на Востоке со времен Древнего Египта. Я услышал шум во дворе и имел глупость выглянуть в окно. Один из них находился на крыше. Он набросил мне на шею удавку и затянул ее так, что я потерял сознание. А как попал сюда ты? Они ведь одели одного из убийц в одежду Али и послали его расправиться с тобой.

— Это неважно, — сказал я. — Нам надо выбраться отсюда. Они наверняка уже разобрались в том, что происходит, и затевают какую-то гнусность, а в этой комнате нам не выдержать их натиск. Когда мы выберемся из этих руин, то сможем рассчитывать на помощь властей, но здесь мы словно крысы в мышеловке.

— Подожди! — Гиртман подбежал к кольцу, вделанному в стену, и с силой повернул его. Со скрипом ржавых болтов часть стены двинулась с места, и в глубине отверстия тускло блеснул

желтый металл. Гиртман вытащил из этого тайника бронзового павлина. — Глупцы, — пробормотал он. — Они привязали меня к тому самому кольцу, что хранило тайну, и так и не узнали об этом. Я обнаружил эту нишу в первую же ночь, когда прятался здесь. Ладно, пошли...

— Подожди, — предостерег я его. — Если мы попытаемся спуститься по этой лестнице, они схватят нас в темноте. Я выйду через другую дверь и разведая, что к чему. Не думаю, что они могут подобраться к нам с той стороны. Гиртман, следи за дверью; а ты, Али, за окном.

Я вышел в дверь, которая вела в огромную пыльную комнату; оттуда я выбрался в коридор. На ощупь я пробирался в темноте, держа перед собой взведенный револьвер. Я весь дрожал, опасаясь внезапного удара ножом. Затем я оказался на свету и выругался. Я достиг конца коридора. Сквозь проломы в крыше и дыры в стенах ярко светила луна. Тут не было никакой лестницы, ведущей вниз.

Я знал, что где-то в этом коридоре должна быть дверь или комната, выходящая в коридор, параллельный тому, по которому я шел вначале. У нас было две возможности: или найти этот коридор и спуститься вниз по той полуразрушенной лестнице, по которой я поднимался вначале, или спускаться по стене в конце этого коридора — а это, насколько я мог судить, будет намного труднее, чем подниматься по стене со двора. Я стоял раздумывая, когда тишину прорезал ужасный вопль, а затем услышал звон стали и яростные крики дерущихся.

Я моментально повернулся, побежал обратно и ворвался в комнату, где оставались Гиртман и Али. Моим глазам предстало зрелище, от которого кровь стыла в жилах. Гиртман лежал в луже крови на полу. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что он мертв. Из его горла торчала рукоять узкого кинжала. А спиной к стене стоял Али, со звериным отчаянием отбивая атаки рычащих чудовищ, которых возглавлял Юрзед. Сабля Али летала словно живая, но было ясно, что уже через несколько мгновений он погибнет. Араб не мог долго противостоять множеству врагов. Мы, глупцы, позабыли о дырявой крыше; через нее-то езиды и проникли в комнату.

Я поднял револьвер, чтобы выстрелить, но тут меня осенила внезапная догадка. На полу, рядом с расплзающейся лужей крови, лежал бронзовый павлин. Я подбежал к нему и направил на него револьвер. Если бы я нажал на курок, пуля разбила бы святыню на части. Езиды повернулись и застыли на месте, а Али, тяжело дыша, привалился к стене.

— Одно движение, и я превращу вашего бога в груды обломков, — твердо заявил я. — Предлагаю обмен: наши жизни против Мелек-Тауса.

— Вас нельзя оставлять в живых, — сказал, помедлив, Юрзед. — Вы совершили неопишемое святотатство.

— Сахиб не прикасался к вашему проклятому идолу, — сказал Али. — И я тоже. Только он. — И Али указал на моего приятеля, лежавшего на полу. — А он понес кару.

— Тогда отдайте нам Мелек-Тауса, и мы уйдем с миром,— сказал Юрзед.

— Я предпочел бы, чтобы вас повесили за убийство,— прорычал я.— Как я могу доверять вам?

— Клянусь, что вам не причинят никакого вреда, ни сейчас, ни впоследствии,— ответил жрец, торжественно подняв руку.— Я клянусь в этом крыльями Мелек-Тауса, семью Башнями Зла, бородой шейха Ади, скипетром Мира Бега, Змеей Мудрости и Безымянным Именем, что выше всех Имен.

Али опустил саблю.

— Успокойся, сахиб,— сказал он.— Никакое адское отродье не осмелится нарушить такую клятву. Берите свою птицу, собаки, и убирайтесь!

Юрзед, вложив саблю в ножны, благоговеяно поднял бронзовую птицу и завернул ее в свой длинный плащ. Затем, отвесив нам поклон, дьяволопоклонники беззвучно исчезли в ночи, словно были призраками, пришедшими ниоткуда, которых поглотила вечная темнота. Мрак поглотил своих верных псов. Над развалинами крепости вспыхнули первые лучи рассвета, когда мы с Али отправились в обратный путь.

ДУЛ ЧЕРНЫЙ ВЕТЕР

Привидение внезапно возникло из темноты, и Эммет Глентон тут же вдавил в пол педаль тормоза. Старенький «форд» с визгом остановился в нескольких футах от застывшей в сиянии фар фигуры. Мотор заглох. Стало слышно, как воет в ночи ветер и шумит неподалеку сахарный тростник. А привидение превратилось

в дурачка Джошуа, работавшего у старика Бракмана.

— Что ты под колеса бросаешься! — заорал Эммет. И тут же прикусил язык.

Джошуа был в таком состоянии, в каком Глентон никогда его не видел: широкое грубое лицо парня искажала судорога, глаза были красные, как у бешеного волка, а на губах выступила пена. Дурачок размахивал руками и что-то выкрикивал.

Удивленный Глентон открыл дверцу и вышел из машины. Он был на несколько дюймов выше Джошуа и шире в плечах, но сейчас, приглядевшись к слабоумному, испытал внезапный приступ страха. Привычно тупая физиономия дурачка превратилась в оскаленную морду дикого зверя, и зверь этот показался Эммету смертельно опасным.

— Не подходи ко мне, черт тебя дери! Что с тобой, в конце-то концов, случилось?

— Туда направился? — Слабоумный неуклюже махнул рукой в сторону юга. — Старик Джон звонил тебе. Я слышал!

— Да, звонил. Просил меня приехать как можно быстрее. Зачем — не сказал. — Эммет добавил в свой голос приветливости. — Поедешь со мной?

Джошуа вдруг заплесал на месте и принялся молотить себя по груди огромными кулаками. Потом вновь оскалил зубы и завыл.

У Эммета по спине побежали мурашки.

— Я не поеду с тобой! — взревел Джошуа. — И ты не поедешь туда! Только попробуй, и я

убью тебя! Я отверну тебе голову вот этими руками!

Он растопырил толстые пальцы и потянулся к Эммету. Тот почел за лучшее сделать шаг назад.

— Ну чего ты взбесился? Я не знаю, зачем меня позвал Бракман, но...

— Я знаю! — вновь взревел Джошуа, и пена запузырилась на его обвислых губах. — Я стоял под окном и все слышал! Ты не заберешь ее! Я ее хочу!

Эммет в недоумении пожал плечами. Загадка громоздилась на загадку. Темная ненастная ночь... потрескивания в телефонной трубке... скрипучий голос старика Бракмана... просьба приехать как можно быстрее... И на закуску обезьяний танец слабоумного, сопровождающийся страшными угрозами. Тут не знаешь, что и подумать!..

— Хочешь кого?

Джошуа проигнорировал вопрос.

— Раньше не было ни одной, которую бы мне захотелось! — верещал он. — Но эту я хочу! Если ты не приедешь, старик Джон, может быть, отдаст ее мне! — Его голос поднялся до визга. — Возвращайся домой, или я убью тебя! Отверну тебе голову и скормлю жукам! — Джошуа вновь поднял руки. — Могу поклясться, ты думаешь, будто я просто большой безобидный дурак!

Эммет заметил, как обрисовались под рубашкой слабоумного бугры чудовищных мышц, и сделал еще один шаг назад. Но в нем уже проснулся гнев.

— Поезжай назад! — продолжал вопить слабоумный. — Отправляйся домой!

— Я всегда считал, что ты опасен, — сказал Эммет. — Бракман был дураком, когда брал тебя на ранчо. В конце концов ты совсем свихнешься и убьешь его.

— Я не собираюсь убивать Джона! — взревел Джошуа. — Я убью тебя! И ты будешь не первый! Я убил брата. Джейк слишком часто колотил меня. Я разmozжил ему голову всмятку камнем и бросил его в пруд под обрывом! — На лице слабоумного появился восторг, а в глазах загорелось адское пламя.

— Так вот что случилось с Джейком! Меня всегда удивляло, что он исчез, а ты бросил свою лачугу и оказался у старика... Не смог жить в каньоне после убийства, да?

На мгновение огонек страха промелькнул в глубине глаз слабоумного.

— Он не остался в пруду, — пробормотал Джошуа. — Он стал вылезать оттуда и заглядывать в окно окровавленной головой. Я просыпался по ночам и видел, как он смотрит на меня и открывает рот, булькает, а в горле только кровь. — Он вдруг рассмеялся и принялся раскачиваться из стороны в сторону, как бык перед нападением. — Ты не сможешь выдать меня! Я прибью тебя к земле палкой и закидаю камнями!

Глентон понимал, что если эти огромные руки дотянутся до него, то позвоночник треснет, словно пруттик. Но он также знал, что девять из десяти маньяков постараются вцепиться своей жертве в горло.

Джошуа не являлся исключением. Он оскалился и, щелкая зубами, бросился на противни-

ка. Глентон сделал шаг вперед и нанес молниеносный хук правой. От такого удара нормальный человек лишился бы чувств. Увы, Джошуа не был нормальным человеком — он покачнулся, однако на ногах удержался, лишь замотал головой.

И тогда Эммет нанес целую серию ударов. Конечно, это было все равно что колотить быка, но пока слабоумный лишь вяло отмахивался и продолжал мотать головой.

Глентона охватило отчаяние — он начал уставать и понял, что схватка завершится скоро и не в его пользу. Собрав последние силы, он нанес еще один удар в челюсть...

И обнаружил, что остался в круге света один.

Дикий рев соперника доносился откуда-то снизу и быстро удалялся. В темноте загремели осыпающиеся камни.

Теперь Глентон понял, где они находятся: рядом с дорогой начинался крутой склон в сотню ярдов длиной. При дневном свете спуститься по нему было нетрудно, но сейчас стояла ночь...

Через несколько секунд Джошуа замолк, перестали стучать камни, и наступила тишина.

Эммет покинул освещенный пятachок дороги, ногой нащупал край откоса и крикнул:

— Эй, парень! Ты жив?

Ответа не последовало.

Эммета вдруг передернуло от страха — Джошуа вполне мог сейчас бездыханным лежать под откосом, но мог и бесшумно взбираться по склону с камнем в руке, с таким же камнем,

как тот, которым он разможил голову своего брата Джейка...

Глаза Глентона начали привыкать к темноте, и он различил смутные очертания холмов и деревьев. Дьявольский ветер шумел в ветвях и вполне мог заглушить крадущиеся шаги.

Эммета бросило в холодный пот, и он ринулся к машине, с каждым шагом ожидая, что его толкнут в спину, опрокинут наземь и примутся рвать на части, хрипя и захлебываясь горячей кровью...

Оказавшись в кабине, он включил зажигание, и старенький «форд» вновь загромыхал по темной дороге.

Эммет вел машину, стремительно удаляясь от места схватки, но страх не покидал его. Живой или мертвый, Джошуа остался далеко позади, но мрачная магия этой ветреной ночи была столь сильна, что мертвого Джошуа Эммет боялся не меньше, чем живого.

Он почувствовал облегчение, лишь когда за деревьями замаячили освещенные окна в доме Джона Бракмана. Глентон не любил его, но старый скряга был, по крайней мере, в своем уме, а после встречи с этим помешанным в самый раз оказалась бы любая здравомыслящая компания.

Перед воротами стояла чья-то машина, и Эммет поставил свой «форд» рядом с нею. А потом постучал в дверь.

— Кто там? — Громкий голос Бракмана явно дрожал. — Отвечай живее, не то буду стрелять прямо через дверь!

— Это я, Джон! — поспешно закричал Эммет. — Глентон!.. Ты же просил меня приехать!

Забренчала цепочка, заскрипел в замке ключ, и дверь открылась.

Эммет вошел в дом, и ему показалось, что вместе с ним сюда проникла темная ночь. От ворвавшегося ветра пламя в лампе задрожало, по стенам начали плясать тени. Бракман быстро захлопнул дверь, задвинул засов и накинул цепочку.

— Твой распрекрасный помощничек попытался убить меня по дороге сюда, — зло сказал Эммет. — Я всегда говорил, что в один прекрасный день...

Он внезапно замолчал. В комнате присутствовали еще двое. Первым был Лем Ричардс, мировой судья из Шерлока, деревушки, лежащей в нескольких милях южнее. Низенький, флегматичный, лишенный всякого воображения человек, он сидел перед камином и спокойно жевал резинку.

Другой была девушка.

Эммет сразу почувствовал всю неуместность присутствия здесь его грязной рубашки и стоптанных сапог. Да и натруженные руки показались ему лишними. Девушка была, как благоуханное дыхание, как видение из мира блеска и яркого света, мира, далекого от его жизни, с трудами и заботами, с надеждой сколотить себе хоть какое-то состояние. Незатейливое, но дорожное платье эффектно выделяло все достоинства ее ладной фигуры, а лицо...

Взглянув на лицо, Глентон ужаснулся.

Кожа у девушки была белая, как мрамор, а расширенные глаза уставились на него так, будто видели змею.

— О, извините меня! — Он неловко стянул с головы помятый «стетсон». — Я бы не стал так врываться сюда, если бы знал, что здесь леди...

— Не обращай внимания! — отрезал Джон Бракман.

Эммет вздрогнул: в горящих глазах старика стоял страх, животный страх, который делает отвратительным даже красивого человека.

Бракман заговорил поспешно, комкая слова и время от времени бросая косые взгляды на висевшие над камином часы, которые зловеще отсчитывали секунды этой жуткой ночи.

— Глентон, у меня закладная на твое ранчо, и через несколько дней срок ее истекает. Ты сможешь расплатиться?

Эммет чуть было не выругался. Неужели этот старый хрыч заставил его проделать ночное путешествие только для того, чтобы обсудить закладную?! Но, заметив, как напряглась девушка, почувствовал, что за всем этим кроется что-то еще.

— Думаю, да, — кратко сказал он. — Смогу, если ты не будешь стоять у меня за спиной и мешать мне.

— Не буду! — Бракман дрожащими руками начал рыться в карманах. — Смотри сюда! Вот твоя закладная! — Он бросил бумагу на стол. — И тысяча долларов наличными! — Перевязанная ниткой пачка банкнот возникла перед изумленными глазами Глентона. — Все это твое... и зак-

ладная и деньги... если ты сделаешь для меня одну вещь!

— Какую вещь?

Костлявый палец старика ткнул в сторону притихшей девушки:

— Женишься на ней!

— Что? — Глентон повернулся и вновь уставился на незнакомку. — Жениться на ней? — Он ошеломленно запустил пальцы себе в шевелюру, живо вспомнив одинокую жизнь, которую вел последние три года. — А что об этом думает юная леди?

Девушка смотрела на него с явным страхом и смущением.

— Какая разница, что она об этом думает! — нетерпеливо отозвался Бракман. — Она моя племянница. Я ее опекун, и она сделает все, что скажу. А я могу предложить кое-что похуже, чем выйти за тебя замуж. Ты ведь не какой-то там сезонник. Ты джентльмен по рождению и образованию...

— Оставь, — проворчал Глентон, махнув рукой. Подошел к девушке и напрямик спросил: — Ты хочешь стать моей женой?

С отчаянием и вызывающим жалостью волнением она долго смотрела ему в глаза и, наверное, увидела в них доброту и честность, потому что внезапно схватила его загорелую натруженную руку и воскликнула:

— Да! Да! Пожалуйста, женитесь на мне! Женитесь на мне и увезите меня от него...

Ее жест в сторону Джона Бракмана был полон страха и ненависти, но старик не обратил

на нее никакого внимания. Он опять с ужасом смотрел на часы.

— Быстрее! — Бракман нервно потер руки. — Быстрее! Лем сейчас вас поженит... Встаньте здесь, возле стола, и возьмитесь за руки.

Ричардс грузно поднялся и затопал к столу, держа в руках потертую книгу. Похоже, все эти таинственные и драматичные события ничего для него, кроме очередного бракосочетания, не значили.

Через мгновение Эммет Глентон обнаружил, что держит трепещущую руку незнакомой девушки, а мировой судья бормочет ритуальные фразы, которые объявляют их мужем и женой. Только тут он узнал имя своей невесты.

— Согласны ли вы, Эммет, взять Джоан Цакор в жены и любить ее до тех пор, пока смерть не разлучит вас?

Рука Глентона невольно сжала пальцы девушки.

— Согласен, — механически ответил он.

И увидел в окне белое, с кровоподтеками лицо идиота Джошуа. Глаза маньяка обожгли Глентона безумной ненавистью, а женщину — болезненным пламенем желания. Затем лицо исчезло, и за окном осталась только темнота ночи.

Никто, кроме Глентона, слабоумного не видел. Ричардс, получив с Бракмана плату, флегматично потопал к выходу, и дверь за ним закрылась. Жених и невеста, внезапно осознав происходящее, молча смотрели друг на друга, но старик не дал им и слова сказать. Он опять взглянул на часы — те показывали десять минут

двенадцатого, — сунул Глентону в руки закладную и деньги.

— Уходите! — Он начал подталкивать новобрачных к двери. С его мертвенно-бледного лица капал пот, но к страху в глазах примешалось выражение какого-то дикого триумфа. — Уходите отсюда! Забирай свою жену и отправляйся! А я умываю руки! Больше я за нее не отвечаю! Теперь это твое бремя!

* * *

Скрипнули засов, звякнула цепочка, и Глентон обнаружил себя стоящим на крыльце. Он шагнул было назад, к двери, и только тут заметил рядом с собой дрожащую девушку: та, съевшись, накидывала на плечи плащ, который, по-видимому, успела прихватить в прихожей.

— Пойдем, Джоан! — Эммет неловко взял ее за руку. — Думаю, твой дядя совсем рехнулся.

Он почувствовал, как ее передернуло.

— Да, пойдете быстрее.

Послышался громкий скрип — Ричардс, как и всегда, оставил ворота нараспашку, и они болтались на ветру. Глентон двинулся туда, ориентируясь на звук и стараясь прикрыть девушку от холодных порывов. Разглядев очертания можжевельных кустов, стоящих вдоль дороги, он вздрогнул. За каждым из них мог прятаться слабоумный. Это существо уже нельзя было назвать человеком, это был хищник, рыскающий в ночи.

Джон Бракман так и не дал Эммету рассказать о сумасшедшем. Но старику можно будет позвонить, когда они с Джоан доберутся до сво-

его ранчо. И надо бы поторопиться, не стоять же в темноте, когда здесь прячется этот тип!..

Он ожидал, что Джошуа затаился на заднем сиденье машины, но та оказалась пустой, и Эммет облегченно вздохнул. Едва он включил фары и два столба света прорезали тьму, рядом слышался еще один облегченный вздох. Нет, девушка ничего не знала о смерти, скрывающейся поблизости, просто чувствовала враждебность ночи и притаившуюся во мраке угрозу. По-видимому, свет фар подействовал на нее успокаивающе.

Глентон молча завел двигатель, и они отправились в путь, касаясь друг друга плечами, когда машину подбрасывало на кочках. Эммета съело любопытство, но он и рта не открывал. Наконец девушка заговорила сама.

— Вы, наверно, хотите знать, почему мой дядя продал меня словно рабыню.— Она всхлипнула.— Или словно какую-нибудь скотину!

Глентон внезапно почувствовал в сердце жалость и симпатию:

— Не говорите так! Не думаю, чтобы...

— А почему бы вам и не удивляться этому? — горько оборвала она.— Я могу сказать только одно: не знаю. Насколько мне известно, он мой единственный родственник. Я видела его всего несколько раз. В детстве меня поместили в пансион в Хаустоне. Дядя оплачивал счета, но писал очень редко и почти не навещал меня.— Она поплотнее закуталась в плащ.— Сегодня утром от него пришла телеграмма, в которой говорилось, чтобы я немедленно при-

езжала. Я села на поезд и приехала в Шерлок около девяти вечера. На станции увидела мистера Ричардса. Он сказал, что дядя позвонил ему и велел привезти меня. Когда мы добрались до ранчо, дядя сказал только, что мне предстоит сейчас выйти замуж и что за женихом он уже послал. Естественно, я...— Она запнулась и застенчиво тронула его руку.— Я была в ужасе... Я же не знала, что это за человек...

— Я буду тебе хорошим мужем, девочка,— сказал Эммет и вздрогнул от удовольствия, почувствовав искренность ее ответа:

— Знаю. У вас добрые глаза и нежные руки. Сильные и нежные.

«Форд» приблизился к тому месту, где дорогу спрямили, проложив новый участок. Теперь вместо того, чтобы петлять вокруг крутых склонов высокого, заросшего кустарником холма, нужно было пересечь по мостику овраг и проехать вдоль противоположного склона холма, который представлял собой сорокафутовый каменистый обрыв.

Когда в темноте замаячили смутные очертания холма, душу Глентона тронуло мрачное предчувствие. Припустив прямо через можжевельник, Джошуа мог добраться до этого места раньше машины. На всей дороге это было самое подходящее место для засады. Человек, спрятавшись на обрыве, вполне может швырнуть камень прямо в проходящий внизу автомобиль...

Внезапно приняв решение, Глентон свернул на старую, уже заросшую травой дорогу.

Машину начало бросать из стороны в сторону, Джоан схватилась за Эммета, а тот подумал, что быть опорой для женщины очень даже приятно. Едва они обогнули холм и снова выехали на укатанную дорогу, сзади и сверху донесся дьявольский вой обиженного хищника, который понял, что жертва ускользнула от него.

— Кто там кричит? — испуганно прошептала Джоан, вновь вцепившись в Глентона.

— Это рысь воет на холме, — сказал тот.

Джоан сразу успокоилась и даже не заметила, что муж с судорожной поспешностью надавил на акселератор.

Завтра, поклялся он сам себе, я подниму полицию и заставлю их начать охоту на этого двуногого зверя.

Он представил себе, как псих несется за ними, и пена с оскаленных клыков капает на голую волосатую грудь... Воображаемая картина заставила его содрогнуться, и он очень обрадовался, когда свет фар выхватил из темноты крыльцо родного дома.

Глентон не стал загонять машину в сарай, который служил ему гаражом, остановил «форд» возле крыльца и поднялся по ступенькам. Навстречу хлынул теплый свет — старый мексиканец Хуан Санчо открыл хозяину дверь.

Глентон вдруг остро ощутил убогость своего жилища. Среди трудов и забот у него не было времени подумать о благоустройстве, но теперь он займется этим. Надо будет поставить забор, посадить несколько розовых кустов и кактусов. Женщины любят подобные штуки.

— Это моя жена, Санчо, — безо всяких объяснений сказал он. — Сеньора Джоан.

Старик мексиканец скрыл свое удивление за низким поклоном:

— Буэнос ночес, сеньора! Добро пожаловать на хасиенда!

Они вошли в дом и закрыли дверь.

— Садись к огню, Джоан, — сказал Эммет. — Путешествие было не слишком комфортабельным... Санчо, подбрось тростника. А я позвоню Джону Бракману. Мне надо кое о чем предупредить его...

Но не успел он подойти к телефону, как тот разразился пронзительными трелями. Едва Глентон снял трубку, послышался голос Бракмана.

— Эммет! — Голос звенел от страха. И даже не от страха — от физической боли. — Эммет Глентон!.. Скажи им, ради всего святого, что ты женился на Джоан Цакор! Скажи им, что я больше не несу за нее ответственности!

— Сказать? — Глентон от удивления едва не потерял дар речи. — Кому?

Джоан с бледным лицом вскочила на ноги: неистовый голос достиг и ее ушей.

— Скажи этим дьяволам! Черным братьям... А-а-а... Пощадите!

Голос превратился в визг и оборвался. Наступила пауза, а потом раздался низкий, булькающий, невыразимо отвратительный смех. У Глентона на голове волосы зашевелились: этот смех принадлежал уже не Джону.

— Алло! — закричал он в трубку. — Джон! Джон, отзовись!

Громкий щелчок сообщил, что на том конце повесили трубку, и мрачное предчувствие сказало Эммету, что трубку повесила не рука старого Бракмана.

Глентон взял с полки револьвер и повернулся к девушке, с широко раскрытыми глазами стоявшей в центре комнаты.

— Я вернусь на ранчо. Там творится какая-то дьявольщина, и похоже, старику нужна помощь.

Джоан осталась безмолвной. Поддавшись мгновенному порыву, он подошел и успокаивающе погладил ее руку:

— Не бойся, детка! Санчо позаботится о тебе, пока я не вернусь. А я быстро.

* * *

Вытащив за собой на крыльцо мексиканца, Эммет краем глаза заметил, что Джоан так и осталась стоять в оцепенении, прижав к груди руки: пораженное юное создание, потерявшееся в незнакомом мире насилия и ужаса.

— Я не знаю, что за чертовщина там происходит,— прошептал он Санчо.— Будь осторожен: этот идиот Джошуа взбесился. Он пытался убить меня этой ночью, а потом поджидал нас у обрыва, под которым проходит новая дорога. Наверное, собирался вышибить мне камнем мозги и похитить Джоан. Если он сунет сюда свой нос, пристрели его, как бешеного койота.

— Доверьтесь мне, сеньор! — Санчо погладил рукоять своего кольта.— Это черное дуло уже убивало людей.— Мексиканец мрачно улыб-

нулся.— В те далекие дикие деньки, когда его хозяин еще разъезжал вместе с Панчо Виллой.

На Санчо можно было положиться. Эммет похлопал его по спине, нырнул в машину и покати́л на юг.

Дорога лежала перед ним, как белая трещина в черной стене, и лучи фар постепенно выхватывали ее из темноты.

Револьвер за поясом прибавлял Глентону уверенности, но он все время ожидал, что из темноты выскочит неуклюжая фигура маньяка.

Страх проехать под нависшим обрывом оказался так велик, что он решил опять воспользоваться старой дорогой, но едва успел свернуть туда, как сквозь урчание мотора послышалось тарахтение еще одного автомобиля. Темноту над холмом прорезал свет мощных фар: чья-то машина ехала навстречу вдоль обрыва.

Обогнув холм, Эммет бросил взгляд в зеркало и увидел удаляющиеся габаритные огни. Сердца коснулось нехорошее предчувствие, захотелось развернуться и рвануть назад, к своему ранчо.

Но ничего тревожного во встречной машине не было. Мало ли людей могут ехать в этом направлении ночью!.. Живут ведь фермеры и к северу от ранчо Глентона. А может, какой-нибудь коммивояжер, направляясь в один из провинциальных городков на севере, решил сократить путь и свернул с шоссе.

Когда Глентон приблизился к дому Бракмана, света в окнах не было. Лишь отблески каминного пламени окрашивали стекла в огненно-крас-

ные тона. В кустах можжевельника вновь завывал ветер, а больше ничего не было слышно.

Глентон прошел по дорожке и поднялся на крыльцо. Входная дверь оказалась незапертой.

Держа револьвер в руке, Глентон заглянул внутрь.

В камине мерцали гаснущие угли. Сухо щелкали часы, и это бесстрастное тиканье действовало Эммету на нервы.

— Джон! — позвал он. — Джон Бракман!

Ответа не последовало, но в темноте послышался стон, а потом тихое рыдание, глухое и булькающее, как будто пробивалось через кляп. И раздавалось равномерное капанье.

Инстинктивно стремясь к единственному источнику света, Эммет шагнул в сторону камина. В душе его проснулась паника. Он даже забыл, где стоит стол, на котором должна быть керосиновая лампа. Прошло немалое время, прежде чем он собрал все свое мужество и нашел лампу.

Теперь оставалось нащупать спички.

И тут Глентон замер. На фоне тлеющих углей возникла из мрака черная рука, что-то бросила в камин.

Вспыхнули маленькие язычки пламени, но рука исчезла прежде, чем разгорелся огонь. А потом из темноты появилось лицо — оскаленная деревянная маска, в которую каким-то дьявольским образом вдохнули жизнь. На белых острых зубах отражался свет пламени, глаза источали красный свет.

Эммет захлебнулся криком и выстрелил. Он не мог промахнуться с такого расстояния. Лицо

с грохотом исчезло, а Глентона осыпали острые осколки.

По комнате прокатился низкий булькающий смех, который он уже слышал по телефону. Эммет не мог с уверенностью сказать, откуда раздавался этот смех, но вовремя сообразил, какой трюк с ним проделали, и, охваченный ужасом, развернулся. Дуло уперлось во что-то мягкое — пока Глентон паялся в зеркало, злодей подкрался к нему сзади, — и грянул выстрел.

Раздался стон. Неизвестный противник грохнулся на пол. Тело его начало биться в конвульсиях, а охваченный паникой Глентон стрелял и стрелял, пока агония не прекратилась. Когда грохот от выстрелов утих, в комнате остались только тикающие часы, капающая на пол жидкость да жуткие стоны, по-прежнему доносящиеся из темноты.

Эммет нашел спички и зажег лампу. Его руки были липкими от пота. Пламя вспыхнуло, тени отступили в углы, а Эммет со страхом уставился на то, что лежало перед камином.

По крайней мере это был человек, высокий, крепкий мужчина, голый до пояса, весь в буграх выступающих мускулов. Из ран на массивном торсе сочилась кровь. Мужчина был черным, хотя лицо явно принадлежало белому — ни пухлых губ, ни приплюснутого носа. От бритой макушки до кончиков пальцев он был вымазан чем-то вроде краски. На правой руке пальцы заканчивались накладными стальными крючьями, загнутыми и острыми. Словно тигриные когти...

Рот был оскален и открывал два ряда крепких зубов.

И тут Глентон заметил, что краска на теле лежала не везде. В центре груди он увидел круг белой кожи, а внутри этого круга — странный символ, похожий на безглазое черное лицо.

Справа от камина и на стене располагалась система зеркал, одно из которых было разбито пулей. С помощью этого трюка Глентона собирались захватить врасплох. По-видимому, черный человек быстро сделал эти приготовления, услышав звук приближающейся машины.

А потом Глентон увидел Джона Бракмана.

Старик лежал на спине и был совершенно обнаженным. Его руки и ноги были широко раскинуты, так что тело образовывало крест Святого Андрея. Руки и колени были пронзены черными стрелами, а высунутый изо рта язык — птичьим вертелом. С груди его содрали кусок кожи величиной с ладонь, и там виднелось отвратительное красное пятно живой плоти. Сам кусок лежал на столе, и Глентон пораженно закрыл глаза: на нем был изображен тот же символ, что и на груди мертвеца у камина. Кровь струилась по столу и капала на пол.

Сдерживая приступы тошноты, Глентон вытащил вертел из языка несчастного. Бракман закашлялся, сплюнул комок свернувшейся крови и начал издавать нечленораздельные звуки.

— Потерпи, Джон, — сказал Эммет. — Сейчас найду какие-нибудь щипцы и выдерну остальные...

— Оставь их! — пробуждал Бракман. — Они с зазубринами... ты разорвешь мне руки... все равно конец... они ранили меня еще и таким образом, что простым глазом не увидишь... дай умереть с наименьшими страданиями... извини... я должен был предупредить тебя, что он затаился в темноте... но из-за этого проклятого вертела... я не мог даже завизжать. Он услышал твою машину и подготовился... зеркала... всегда носят с собой все свои причиндалы... для обмана и убийств! — Старик вновь выплонул кровь. — Виски, быстрее... на той полке... — Он дернулся, когда огненная жидкость обожгла израненный язык, но голос его сразу окреп, а в воспаленных глазах появились искры жизни. — У меня еще хватит сил рассказать все... а потом заяви в полицию... пусть их сотрут с лица земли! Я держал слово до этого момента, пусть над моей головой и висела смертельная угроза... Я надеялся, что сумею надуть их. Будь прокляты их черные души! Я не собираюсь больше хранить эту тайну! Ничего не говори и не задавай никаких вопросов — слушай!

Странные истории часто слетают с умирающих губ, но не было более странной истории, чем та, которую услышал Эммет Глентон, стоя в залитой кровью комнате.

— В молодости я жил далеко отсюда, — проstonал Джон Бракман. — Я был дураком и по собственной глупости стал членом культовой организации, поклоняющейся дьяволу, «Черным братьям Ахримана». Когда до меня дошло, что они из себя представляют, было уже слишком

поздно... меня связала моя собственная клятва. Не буду говорить о методах и целях «Черных братьев», это вне всякого понимания. У них есть характерная черта, которая часто встречается и во многих других культах: они абсолютные фанатики. Они поклонялись дьяволу Ахриману, Повелителю Огня, и приносили человеческие жертвы. Один раз в год, между полночью и рассветом, они возлагали на горящий алтарь Ахримана молодую девушку. В жару этого алтаря тело девушки превращалось в пепел, а раскрашенные в черное жрецы развешивали его на ночном ветру. — Бракман вновь сплюнул набравшуюся кровь и продолжил: — Я был одним из «Черных братьев». На моей груди был вытатуирован несмываемый знак Ахримана, символ Ночи — безглазое черное лицо. Однако, в конце концов, я устал от них. Я сбежал в Америку и сменил имя. Здесь уже жил кое-кто из моих родственников: та ветвь, к которой принадлежит и Джоан. Прошло девятнадцать лет, и я решил, что «Черные братья» обо мне забыли. Я и не подозревал, что у них есть филиалы в Америке, в гетто больших городов. Во всяком случае, мне бы следовало знать, что они ничего никогда не забывают. И вот в один прекрасный день я получил зашифрованное послание, которое разбило все мои иллюзии. Они меня помнили, они меня выследили и знали обо мне все! И в наказание за отступничество выбрали для ежегодной жертвы мою племянницу Джоан.

Эммет Глентон вздрогнул. У него вновь побежали по спине мурашки.

— Это и само по себе было плохо, но меня едва не свело с ума другое... С незапамятных времен у «Черных братьев» существует обычай убивать вместе с жертвой и мужчину, который является ее ближайшим родственником: отца, брата, мужа — ее «хозяина», согласно их ритуалу. Отчасти обычай восходит к фаллическим суевериям, отчасти объясняется стремлением уничтожить врага, который мог бы отомстить за убитую. Я знал, что Джоан не спасти. Она уже была помечена роком, но я мог спасти себя, вовремя переложив ответственность за нее на чьи-нибудь другие плечи. Пришлось выдать ее за тебя.

— Ну ты и свинья! — прошептал Глентон.

Бракман не обратил на шепот внимания. Глаза его горели, а на губах запеклась кровь.

— Увы, твоя женитьба мне не помогла, — простонал он. — Братья появились вскоре после того, как ты уехал. Старый глупец, я выпустил их в дом и попытался объяснить, что больше не несу ответственности за выбранную ими девушку. Я добрался до телефона, но они рассмеялись и начали пытаться меня. А потом приговорили к смерти за отступничество. Один из них остался, чтобы разделаться со мной, а остальные уехали. Как видишь, он и в одиночку отлично справился со своей задачей!

У Глентона вдруг пересохло во рту: он вспомнил неизвестный автомобиль, проследовавший на север.

— Куда... куда они направились?

— На твое ранчо... за Джоан... Я сказал им, где она... еще до того, как меня начали пытаться!

— Какой же ты дурак! — вскричал Глентон. — И ты только сейчас говоришь мне об этом!

Но Джон Бракман уже не слышал. Он забился в агонии — одну из дьявольских стрел вырвало из пола — и зашелся в душераздирающем вопле. А потом жизнь покинула его грешную душу.

Эммет Глентон неся к машине, а черный ветер невидимыми пальцами пытался содрать с него одежду.

Обратная поездка сквозь ночь превратилась в сплошной кошмар. Темные стены мрака наступали перед ним, сжимали его плечи и сливались за спиной, а между ними жил ужас. Завывающий ветер выводил монотонную песню.

На этот раз Глентон не стал объезжать холм по старой дороге, а ринулся прямо на мост и без остановки пролетел под черным обрывом. Сверху не упало ни одного булыжника — Джошуа, должно быть, давно покинул свою засаду.

Эммет пронесся еще три мили, и сердце, подпрыгнув к самому горлу, так и застряло там ледяным комом. Отсюда он должен был уже видеть огни своего дома, но только яркие снопы фар пронзали стену мрака перед глазами.

Затем из темноты возник дом, и он увидел на крыльце бледное мерцающее пятно. Незнакомого автомобиля нигде не было видно, но Эммету пришлось резко затормозить, чтобы не наехать на бесформенную массу, распростертую посреди двора. Это оказался Джошуа. Он лежал лицом вниз, и половина его головы

представляла собой сплошное кровавое месиво. Слабоумный появился здесь для того, чтобы встретить собственную смерть.

Эммет выскочил из машины и побежал к дому.

— Санчо! Санчо!!! Где ты?

Крики утасли в порывах ветра, а сердце вдруг сжала ледяная рука.

Эммет не спускал расширенных глаз с бледного пятна, которое росло по мере того, как приближалось крыльцо. А потом понял: это не пятно, это лицо Санчо. Но почему он стал таким высоким? И почему у него стеклянные глаза?

Глентон остановился, перевел дыхание. И все понял. К навесу над крыльцом была привязана за длинные волосы отрезанная голова мексиканца. Мертвое лицо натерли чем-то вроде фосфора, и от этого оно зловеще светилось.

— Джоан!!! — Эммет ринулся в дом.

Но ответил ему только ветер с улицы, и в заунывном голосе его звучала насмешка.

Сразу за дверью нога Эммета загнулась за что-то тяжелое и мягкое. Похолодев, он нашел спички и чиркнул одной из них. На полу лежало пробитое пулями и обезглавленное тело Санчо. Спичка обожгла пальцы, и Глентон выскочил из дома.

Оказавшись во дворе, он вдруг успокоился.

Санчо, должно быть, застрелил Джошуа, когда тот пытался проникнуть в дом. Потому незнакомцы и застали мексиканца врасплох — ведь он ни от кого, кроме идиота, не ожидал нападения. Услышав звук мотора, Санчо, наверное, подошел к двери и, ничего не подозревая, выс-

тавил себя в освещенном дверном проеме. Затем был град пуль. А затем...

Глентона прошиб холодный пот. Джоан, одинокая и незащищенная, где-то с этими дьяволами!

Ему вдруг показалось, что он услышал звук — словно кто-то пробирается сквозь кусты с северной стороны дома. Он резко развернулся, поднял пистолет и направился туда. Звук сразу прекратился. Впрочем, это мог быть бычок, или какой-нибудь зверек, или...

Он бросился к машине.

Тело слабоумного исчезло.

Неужели мертвый Джошуа встал с земли и принялся бродить в кустах?

Глентон не стал слишком раздумывать над этим. В данный момент он был готов поверить чему угодно. К тому же его совершенно не интересовал Джошуа — ни живой, ни мертвый.

Он обошел дом и вытер с лица пот. Руки были холодными и влажными.

Дом стоял на возвышенности. Отсюда за несколько миль можно заметить огни любой машины, отправившейся на север.

Эммет напряг зрение, но так и не увидел в темноте ни одной искорки. Должно быть, между местом преступления и этими негодьями пролегло уже немало миль. Он должен пуститься в погоню... Но куда? На север, конечно... Однако в нескольких милях отсюда дорога разделяется на три, а они выходят на автострады, а автострады ведут в Нью-Мексико и Оклахому...

Он в растерянности стиснул руки. И вдруг замер.

Вдали был свет. Но не расширяющийся луч, как у фар, а... Это было скорее что-то вроде мерцания... Словно теплились в темноте еще не остывшие угли. Свечение исходило откуда-то из точки, находящейся к западу от северной дороги, не доходя до развилки. Что это такое — было абсолютно не ясно, но уж лучше идти туда, чем терзаться бездействием.

Запомнив местоположение светящегося объекта, он перезарядил пистолет, сел в машину и погнал ее на север. Едва он спустился с возвышенности, на которой стоял дом, мерцание пропало из виду, но Глентон продолжал гнать, пока не оказался возле длинной лесистой гряды, протянувшейся к западу от дороги. Похоже, где-то там, на гряде, и располагалось это таинственное мерцание.

Эммет вылез из машины и начал взбираться по склону. Ободрав себе руки и порвав одежду, он добрался почти до гребня и замер. Завывания ветра стихли до жалобного стога, и там, впереди, сквозь этот стон пробился тихий звук, от которого Глентона вновь прошиб холодный пот.

Песня!.. Где-то за гребнем гряды монотонно пели мужчины, и это пение пробудило в нем воспоминания о расистах, старые, как само время, и смутные, будто ночные кошмары. Пришли мысли о мрачных темных храмах, где у ног связанных жертв перед окровавленным алтарем клубится злобный дым. В ярости Глентон ринулся на гребень.

А оттуда взглянул вниз и увидел сцену, отправившую его воспоминания на тысячу лет

назад, в темные ночи средневековья, когда по земле в облике человека шествовало безумие.

У подножия гряды, в широкой природной впадине, мерцало кольцо огня. Большие камни образовывали круг, они и мерцали голубовато-белесым светом, светом ледяного жара, неподвластного человеческому пониманию. Поднимавшееся от них сияние дьявольским нимбом окружало впадину. Этот свет Глентон и заметил, стоя рядом со своим домом. Так могли сиять только угли, на которых черти жарят грешников. Черти, во всяком случае, здесь присутствовали. Он видел их внутри круга: трое высоких мускулистых мужчин, голых по пояс и черных, как ночь. Лица их скрывались за оскаленными золотыми масками в форме звериных морд. Черти столпились вокруг кучи слабо мерцающих камней, и на этом импровизированном алтаре неподвижно лежала белая фигура.

Увидев ее, Глентон чуть было не закричал — это была Джоан, совершенно обнаженная и распятая. Только сейчас Эммет понял, чем для него будет потеря этой девушки и как много она стала для него значить за прошедшие с их встречи несколько часов. Жена! Даже в такой момент это слово родило в нем приятное тепло. Жена!.. А эти дьяволы хотят обратить ее в пепел... Смерть им!

С пистолетом в руке он ринулся вниз по склону.

Тут же пение прекратилось, донеслось странное жужжание, очень напоминающее гудение включенной динамо-машины.

Джоан закричала от боли.

Ореол вокруг круга усилился, приобрел насыщенный синий цвет. Среди камней стали пробиваться бледные язычки пламени. Оттенок алтаря под девушкой тоже изменился. Его голубизна стала более отчетливой.

Джоан зашлась в мучительном крике и начала извиваться.

Глентон достиг подножия гребня и завопил. Черные люди обернулись в его сторону. Старенький револьвер взлетел на уровень глаз, щелкнул курок... Но тут вытянутая левая рука Глентона коснулась одного из мерцающих камней.

Боль была короткая, но ужасающая, и Глентон покатился по земле, едва не выронив револьвер. А когда поднялся на ноги, понял, в чем дело.

Камни каким-то образом проводили электрический ток, и величина его была такова, что сбивала человека с ног. То же самое было и с алтарем, но там до полной мощности было еще далеко.

Усилившийся гул говорил сам за себя. Джоан должна была умереть от поражения электричеством, но не мгновенно, как это происходит с преступниками на электрическом стуле, а медленно агонизируя, постепенно превращаясь в пепел.

Глентон снова завопил, вскинул револьвер и выстрелил. Один из черных людей ничком рухнул на землю, другой застыл на месте. Но третий быстро наклонился и положил руку на какой-то черный чемоданчик, стоявший у его ног.

Мгновенно гул превратился в писк. Белые огоньки заплясали по камням, фигуры остав-

шихся в кругу людей расплылись за бело-голубой стеной пламени.

Глентон прикрыл глаза левой рукой и принялся стрелять раз за разом, снова и снова. В его душе нарастала паника — он никак не мог попасть в черных людей. Бело-голубое пламя искажало предметы и мешало прицелиться.

Наконец курок глухо щелкнул, и Глентон понял, что остался безоружным. Он швырнул револьвер в черных людей и бросился к сверкающей баррикаде с голыми руками. Он понимал, что прикосновение к ней означает верную смерть, но не мог стоять в бездействии, глядя, как умирает жена.

До каменного круга он добраться не успел.

Откуда-то из темноты вылетела черная тень и с ревом пронеслась мимо. Это был Джошуа! Голова его была залита кровью, но примитивная ярость и безумное желание обладать лежащим на алтаре белым телом остались невредимы.

Достигнув каменного круга, Джошуа прыгнул. Только зверь или сумасшедший мог совершить такой прыжок!.. Джошуа перелетел барьер, оставив в запасе целый фут, на какое-то мгновение завис в воздухе — руки широко раскинуты, пальцы растопырены, — по-кошачьи приземлился и бросился в атаку.

Жрецы были безоружны.

Правда, тот, что работал с чемоданчиком, отскочил в сторону и подхватил с земли какой-то предмет, но Джошуа уже обрушился на его товарища.

Затихающее гудение заглушил вопль и треск ломающихся костей. Черный жрец был оторван

от земли, поднят в воздух и брошен головой оземь с такой силой, что переломился в спине еще до того, как коснулся земли. А убийца, наклонив голову, устремился к горлу третьего жреца.

Подхваченный с земли предмет оказался пистолетом, и разъяренного психопата встретил град свинца... Встретил, но не остановил.

Джошуа взвыл от боли, но в неудержимой ярости добрался до противника. Наверное, он уже умирал, однако сила инерции была такова, что его тело сбило жреца с ног. Они покатались по земле... и врезались в сияющий каменный круг.

Раздался треск, взвился ослепительный сноп голубых искр, два голоса слились в один... А потом воздух наполнился запахом горелой плоти. Свечение камней начало меркнуть, но Эммет Глентон успел разглядеть, как корчатся в адском жару две страшные фигуры... теперь обе черные.

Гудение прекратилось, демонический ореол угас. Камни на алтаре уже приняли свой естественный оттенок.

Но белое тело на них осталось неподвижным.

Когда Эммет перебирался через барьер, его сердце выпрыгивало из груди. Он осторожно развязал Джоан, поднял ее и понял, что девушка жива. Положив Джоан на живот, Глентон осмотрел ее спину, руки и ноги и облегченно вздохнул: следов ожогов не было.

Очевидно, жрец не успел подать на алтарь всю необходимую мощность.

Прежде чем вынести Джоан из каменного кольца, Глентон тяжелым камнем разбил чемоданчик, от которого в разные стороны тянулись

провода. «Черные братья» знали секрет, который лучше сохранить в тайне. Даже чистая наука становится смертельно опасной, когда касается черной магии. В этом маленьком чемоданчике скрывалась сила, которая была слишком велика для здравомыслящего человека... Обычные камни превращаются в оголенные провода — такой секрет мог быть только дьявольским.

Глентон стянул с себя разорванную рубашку, завернул в нее девушку и осторожно понес ее к машине.

По дороге он думал о Джошуа и пришел к выводу, что пуля, выпущенная Санчо, всего лишь контузила слабоумного. И, придя в себя, он тут же пустился на поиски женщины, которую так желал его больной мозг. А сюда, на гряды, его привело либо свечение, либо темный инстинкт...

Глентон уже подходил к машине, когда Джона открыла глаза. Она с удивлением огляделась и крепко прижалась к нему.

— Все хорошо, детка, — сказал он. — Ты просто упала в обморок. С тобой все в порядке. Бедный Джошуа оплатил свой долг, даже не подозревая об этом... Смотри, уже светает. Ночь прошла.

В последнюю фразу он вложил больше смысла, чем его содержалось в словах.

— Поедем домой, Эммет, — прошептала Джона, поудобней устраиваясь в его руках. И добавила: — Поцелуй меня.

И Эммет Глентон впервые поцеловал свою жену в тот момент, когда холмы на востоке окрасились первыми лучами солнца.

ЯРОСТЬ МЕДВЕДЯ

Ночь распростерла темные крылья над рекой. Я, укрывшись на правом берегу в густом кустарнике, всем нутром чувствовал разлитую вокруг угрозу. В глубине неосвещенного дома прозвучал одинокий, едва слышный удар гонга. С того времени, как я занял позицию напротив темного строения, гонг звучал восемь раз. Стуча зу-

бами от холода, я хмуро разглядывал таинственный дом — жилище загадочного Йотая Юна, богатого китайского купца.

Ни один белый человек не знал, какие гнусные дела творятся за стенами его дома. О них, правда, догадывался Билл Лэннон, бывший агент британской секретной службы. Он осторожно провел кое-какие расследования и рассказал нам с Эриком Брандом — в общих чертах — о том, что происходит в доме Йотая Юна: о таинственных сборищах, коварных заговорах и об ужасном монахе, скрывавшем лицо под капюшоном. Монах принадлежал к какой-то зловещей секте и часто произносил пророчества о будущей желтой империи.

Эрик Бранд, художавый, беззаботного вида авантюрист, тогда посмеялся над Лэнноном; но я не стал этого делать. Я знал, что бывший агент, словно ищейка, идет по следу чего-то воистину зловещего и таинственного. Однажды вечером он сказал нам — мы тогда сидели в Европейском клубе и потягивали виски с содовой, — что в этот вечер собирается проскользнуть в дом Йотая Юна, дабы выяснить, что же там происходит.

Тело его нашли на следующее утро — оно качалось у самого берега в грязно-желтой воде Янцзы, а между лопаток у него торчал узкий клинок кинжала.

Билл Лэннон был моим другом. Именно поэтому я, спрятавшись в кустах, всю ночь следил за домом, возвышавшимся над обшарпанными домишками пригорода Ханькоу. Я спрашивал

себя, что же обнаружил Билл Лэннон. За что его убили и бросили в реку? Было ли то, что затевали в этом огромном доме, разбоем, контрабандой или же подстрекательством к открытому мятежу? Все знали, что Йотай Юн занимался сомнительными торговыми сделками и какими-то темными делами на реке, но никому не удалось обвинить его в чем-либо определенном...

В тумане внезапно возникла высокая фигура, оборвав череду моих невеселых мыслей и безнадежных догадок. Это был китаец в каких-то бесформенных одеждах. Он брел по туманному берегу шаркающей походкой. Не дойдя до меня, он свернул к жалкой покинутой рыбацкой хижине, стоявшей на берегу реки примерно ярдах в пятидесяти от стены, окружавшей дом. Пока я лежал и следил за происходящим, в эту хижину вошли восемь человек и ни один не вышел. Это обстоятельство меня насторожило. Раз или два мне казалось, что внутри ее видны отблески света, но при следующем взгляде она представлялась совершенно пустой. И каждый раз, когда очередной китаец исчезал внутри, где-то в Доме Дракона слышался удар гонга. Восемь человек вошли в хижину; восемь раз прозвучал в доме гонг. Какова была связь между этой жалкой, разрушенной рыбацкой хижинкой и дворцом, где обитал Йотай Юн?

Вот китаец приблизился к сломанной двери, и я выбрался из своего убежища и быстро последовал за ним. Обернись он, обязательно заметил бы меня. Но он вошел, не оборачиваясь, и

плотно прикрыл за собой дверь. Я пробрался к ветхой стене и заглянул в одну из многочисленных щелей.

Поначалу внутри было совершенно темно, но тут кто-то чиркнул спичкой, и я увидел китайца, сидевшего на корточках посреди хижины. Я стал шарить взглядом в поисках остальных восьми вошедших, но, кроме этого последнего, там никого не было! Китаец сдвинул в сторону какие-то тряпки, лежавшие на полу, и три раза постучал по доскам кулаком; сделал паузу, снова постучал три раза, затем последовала еще одна пауза и опять три удара.

Спичка погасла, и комната погрузилась во тьму, однако вскоре на полу высветилась квадратная рамка, затем открылась крышка люка и оттуда выглянуло злобное желтое лицо. Китайцы не разговаривали между собой; страж кивнул, и новоприбывший спустился в подполье. В этот момент я ясно разглядел его лицо и узнал этого человека — это был хорошо известный речной пират, которого давно разыскивали власти. Оба китайца исчезли, крышка люка встала на место. Очевидно, этот скрытый люк вел в подземный ход, соединявший хижину с Домом Дракона. А гонг использовали для того, чтобы оповестить о появлении людей, которые пользовались этим ходом. Я твердо решил разгадать эту загадку.

Не мешкая я осторожно пробрался в хижину, на ощупь нашел крышку люка и постучал так же, как и китаец. Почти немедленно крышка стала подниматься, а я спрятался за нее.

Снова появился тот же страж. Он не заметил меня, скрытого крышкой люка, и наполовину высунулся наружу. Прежде чем его глаза привыкли к темноте, я сдавил ему горло так, что у него глаза полезли на лоб, затем ударил кулаком в висок. Его тело обмякло.

Я вытащил бесчувственное тело наружу, оторвал от его одежды полосу ткани и связал китайца. После чего я заткнул ему рот оставшимся куском материи и оттащил злодея в угол хижины, прикрыв валявшимся там грязным тряпьем. Затем, вынув пистолет 45-го калибра, я осторожно заглянул в люк, а потом стал спускаться по открывшейся лестнице, предварительно закрыв за собой крышку люка. Я не имел представления о том, куда иду и что собираюсь делать; но знал, что этот путь так или иначе приведет меня к Йотаю Юну. Я поклялся идти до конца и не собирался нарушать свою клятву.

Лестница привела меня к выложенному каменными плитами низкому туннелю, который, насколько можно было судить, вел напрямик в Дом Дракона. Он был хорошо освещен — лампы висели на стенах на равном расстоянии друг от друга, и я быстро продвигался вперед, держа пистолет наготове. Но мне никто не встретился, и через некоторое время я решил, что нахожусь уже под домом моего врага; но тут туннель закончился массивной деревянной дверью. Я попробовал ее открыть. Нервы мои были напряжены, поскольку я не знал, что притаилось по другую ее сторону. Дверь подалась и открылась внутрь, обнаружив просторную комнату с

каменными полом, потолком и стенами. В центре ее стоял грубый стол и несколько стульев. Людей тут не было.

Я вошел и прикрыл за собой дверь. В противоположном конце комнаты начиналась ведущая вверх лестница. Рядом с ней была небольшая дверца. Я начал подниматься по лестнице, когда внезапно услышал над головой неразборчивые голоса. Люк над лестницей начал открываться. Я поспешно прыгнул вниз и дернул маленькую дверь. Она подалась, и я проскользнул в темное помещение. Я слышал отрывистые китайские фразы — кто-то спускался по лестнице.

Я не имел понятия о том, куда попал. Вокруг было совершенно темно. Продвигаясь на ощупь, ожидая, что упаду в какой-нибудь колодец или получу удар ножом в спину, я обнаружил, что все время спрашиваю себя: что скажет Эрик Бранд, если мое тело завтра обнаружат плавающим в Янцзы? Он ведь предсказывал такой конец Биллу Лэннону, предупреждая его, на свой циничный манер, — говорил, чтобы тот не совал нос в дела китайцев. Мне, в отличие от Лэннона, Бранд никогда не нравился, и я ему не доверял. Этот высокомерный, искушенный повеса, по моему, относился ко всему слишком равнодушно. Его отношение к человеческой жизни слишком отличалось от моего. Он делал вид, что презирает все чувства, свойственные людям. Ну, а я-то всего лишь неотесанный моряк. Мой принцип прост — око за око, зуб за зуб. Вот почему я отправился отслеживать Йотая Юна.

Пошарив руками вокруг, я обнаружил, что нахожусь в очень узком коридоре. Вскоре я нащупал то, что вполне могло оказаться ведущей вверх узкой лестницей. В полной темноте я стал на ощупь взбираться по ней. Она привела меня в какое-то помещение, но я по-прежнему ничего не видел и не осмеливался зажечь спичку. Я ударился голенью о какой-то ящик и споткнулся. Под ногами что-то загремело, да так, что душа у меня ушла в пятки. Но ничего страшного не произошло, и я принялся шарить руками вокруг.

Господи, да тут был самый настоящий арсенал! Пальцы мои ощупывали винтовки, составленные в козлы, ящики пистолетов в кобурах, разобранные пулеметы и коробки с патронами. Значит, китайцы готовят мятеж? Меня бросило в жар при одной только мысли о ни в чем не повинных европейцах, американцах и китайцах, живущих в Ханькоу, которые спали, не подозревая о нависшей над ними угрозе.

Я шарил вокруг, пока не обнаружил дверь, находившуюся примерно напротив той, в которую я вошел. На ней был засов, но он находился по мою сторону, так что мне легко удалось открыть его и проскользнуть в какой-то узкий коридор. Откуда-то проникал слабый свет, и я понял, где нахожусь — в одном из тех тайных коридоров, что скрываются в стенах... В Китае, как и везде на Востоке, их множество — поскольку хозяева постоянно шпионят за слугами и домашними. Я крался по коридору, пока до меня не стали доноситься обрывки разговора. Я

остановился и стал искать глазок. Мне удалось быстро отыскать его, и я принял к крошечному отверстию.

Моему взгляду открылась богато обставленная комната, на стенах которой висели ковры с изображениями драконов, богов и демонов. Освещали ее свечи. Их неровный свет рождал золотистые тени. На шелковых подушках и диванах расселась странная разношерстная компания — солидные купцы и чиновники бок о бок со злодейского вида оборванцами, явно походившими на головорезов. Я узнал речного пирата, за которым последовал, и догадался о причине, по которой пользовались подземным ходом. Через туннель в этот дом приходили преступники, которые навлекли бы подозрение на Дом Дракона, если бы пришли в него открыто. Всего здесь собралось человек сорок, все восточного происхождения, в основном китайцы, но я заметил нескольких полукровок и малайцев. Все они сидели, глядя на возвышение в другом конце комнаты.

На возвышении сидел сам Йотай Юн — худощавый старик со злым ястребиным лицом, а рядом с ним — высокий человек в темном одеянии, чье лицо скрывала черная маска, — тот самый монах-лама! Значит, он не был мифом. Я внимательно посмотрел на него и невольно содрогнулся — Зло обволакивало его, словно аура. Тут Йотай Юн поднялся во весь свой огромный рост и заговорил. Слушатели ловили каждое его слово. Его звучный голос наполнял комнату. Содрогаясь от отвращения, я слушал, как с

его губ потоком текли богохульства на великолепном китайском языке. Проповедовал он мятеж, грабежи и кровопролитную войну! Смерть всем иностранным дьяволам, да и тем местным, кто встанет на пути!

Насколько я понял, он был пророком зловещей религии — культа дьяволопоклонников, о самом существовании которого не может и помыслить большинство белых людей. Культ этот был древним, страшно древним, очень и очень давно первые пророки его появились в сумрачных черных горах Востока. Чингисхан склонился перед жрецами этой секты, точно так же, как Тамерлан и, за много веков до них, сам Аттила. А теперь ужасный культ, который много тысяч лет дремал в монгольской степи, пробудился. Он протянул щупальца к сердцу Китая, жаждающая крови новых жертв.

Его последователям, говорил лама, предстояло проложить путь к созданию новой империи. Им следовало забыть ложные учения Конфуция, Будды и богов Тибета, которые позволили своим народам попасть под иго белых дьяволов. Да поднимутся они под предводительством пророка, посланного им древними, и тогда великий Ктулху приведет их к победе. Точно так же, как Чингисхан попрали весь мир копытами своего коня, так и они погонят прочь белых дьяволов и создадут новую, желтую империю, которая просуществует не одну тысячу лет.

Пророк призывал своих последователей к убийствам и грабежам, разжигая их ненависть. Его безумие захватило души остальных злодеев,

которые начали подпрыгивать и завывать, словно стая бешеных собак. Потом жрец изменил манеру речи. За внешне благоразумными высказываниями таилась еще большая опасность. Время еще не пришло, говорил он; многое еще предстоит сделать. Следует завербовать новых сторонников и запастись терпением. Кровавое безумие, охватившее присутствующих, отступило... Они обсуждали планы, говорили о том, как завербовать, обучить своих сторонников методам тайной войны, как устроить засады, убийства неудобных соплеменников.

Я слушал с ужасом, представляя себе, как далеко может зайти это безумие. Китай всегда был пороховой бочкой, лишь ждущей спички. Неведомый жрец обладал властью, умением убеждать. Без всякого сомнения — он был очень сильной личностью. Я ощутил слабость, представив себе кровавые события, которые произойдут в случае внезапного мятежа. Китай только на первый взгляд мог показаться спокойным, дремлющим. Однако, стоит разгореться восстанию, и по улицам древних городов потекут целые реки крови. Внезапное восстание вполне может уничтожить верные правительству войска. После этого орды недовольных и бандитов присоединятся к мятежникам. Иностранцев истребят в первую очередь, всех до единого.

Подобный бунт, естественно, потерпит поражение. Мировые державы пошлют войска, чтобы защитить своих граждан и свои интересы. Мятежники будут жестоко наказаны, а головы монаха и Йотая Юна выставят на Пекинс-

кой Башне. Но до этого погибнут многие — и белые, и китайцы. Мысль о том, сколько пострадает людей и какой ущерб понесет страна, была невыносима.

Тут в комнату ворвался китаец с горящими глазами — очевидно, тот, кто спускался по лестнице в подземелье. За ним, с лицом, искаженным яростью и страхом, появился тот, кто стерег вход в туннель. Они стали говорить что-то Йотая Юну на ухо, и глаза того вдруг заблестели так, что охранявший вход побелел. Он что-то быстро сказал ламе, тот кивнул и уселся, а Йотай Юн поднялся и спокойно промолвил:

— Господа мои и досточтимые гости, в доме находится шпион. Эти недостойные только сейчас доложили об этом. Кто он, мы не знаем, но жить ему осталось недолго. А сейчас уходите — без спешки, но и не медля; и пусть каждый идет тем путем, каким он пришел. Придет назначенный час, и мы вновь призовем вас на совет.

Я похолодел, поскольку знал, кто этот шпион! Присутствовавшие поднялись на ноги и поспешно удалились. Комната опустела на удивление быстро — исчезли все, за исключением Йотая Юна, ламы и слуг, что-то лепетавших в свое оправдание.

— Ты, — сказал Йотай Юн первому, — собери всех слуг и обыщи дом. Найдите шпиона, если вам дорога жизнь!

Трясущийся слуга вышел, а Йотай Юн повернулся к тому, кто стерег вход в подземелье.

— Ты подвел меня, — произнес он, — ты, кого я избрал для этой работы из-за проявленных

тобой в прошлом храбрости и сообразительности. Ну, что ты можешь сказать в свое оправдание?

Слуга затрясся, словно лист на ветру.

— Но, господин мой, в прошлом я никогда не совершал ошибок!

— Чересчур много и одной, собака! — равнодушно проговорил Йотай Юн. — Я увольняю тебя со службы!

И, достав небольшой пистолет, он выстрелил в упор. Слуга упал без единого стога. Из раны на виске стражника сочилась кровь. Йотай Юн хлопнул в ладоши, и появились двое здоровенных кули. Повинуясь жесту хозяина, они с равнодушным видом подняли тело и унесли.

Лама, который все это время стоял, не проявляя никакого интереса к происходящему, что-то сказал Йотаю Юну. Они вышли в занавешенную дверь и исчезли. Полагая, что они перешли в соседнюю комнату, я быстро пошел дальше по коридору и нашел следующий глазок. И в самом деле, там, у лакированного столика, по-европейски расположились Йотай Юн и лама, попивая рисовую водку из чашечек, тонких, словно яичная скорлупа. Я так и не видел лица ламы; тот приподнимал капюшон ровно настолько, чтобы поднести к губам чашечку. Китайцы негромко переговаривались; я же, прислушиваясь, прильнул к стене. Слуги Йотая Юна обыскивали комнаты и коридоры с ножами в руках, горя желанием убить незваного гостя, но я оставался на месте.

— Ты хорошо поработал, друг мой, — сказал Йотай Юн. — Твои речи опьяняют людей и

вселяют в них безумие. Ты почти убедил меня, что сумасшедший замысел может успешно осуществиться.

— Я знаю, что нам будет сопутствовать удача, — ответил лама, и я ощутил дрожь, услышав в его голосе что-то знакомое. Где-то я слышал этот голос, но где? — Мы достигнем успеха, — продолжал монах, — потому что народ разжигал и стал беспокойным; он созрел для мятежа. Но нам следует действовать осмотрительно. На подготовку восстания потребуется время. Люди, явившиеся в твой дом сегодня, — полуграмотные грабители, ждущие, когда к ним в рот упадут крошки хлеба с чужого стола. Для настоящего дела они не пригодны. Однако каждый из них будет сеять зерна мятежа. Следует быть осторожными. Если произойдет что-то неожиданное, эти главари банд и шаек утратят веру в нас. Если даже один из нас лишится жизни, то мятеж умрет, не успев родиться.

— Не надо слишком тянуть, — пробурчал Йотай Юн. — Правительство подбирается ко мне все ближе и ближе. Я не вижу их ищеек, но ощущаю их присутствие. У властей много шпионов, а мое дело слишком разрослось, чтобы оставаться, как и прежде, полностью скрытым. Если бы я и осмелился бежать, то все равно не смог бы покинуть Ханькоу. Англичане и так уже догадываются о значительной части моих операций по контрабанде и торговле оружием. Попытка бежать укрепит эти подозрения. Меня схватят — и я сдохну, словно собака. Тебе не удалось бы с такой легкостью убедить

меня присоединиться к восстанию, если бы не это.

— Безопасность для тебя и богатство для нас обоих, — сказал лама, наливая себе вина. — Когда начнется мятеж, у правительства будет слишком много дел, чтобы беспокоиться о контрабанде. За нами пойдут армии отпетых головорезов. Если же мятеж обретет поддержку в народе и распространится по Китаю, то желтая империя, о которой я проповедовал, может оказаться не просто мечтой. А если из этого ничего не получится и мы увидим, что мятеж вот-вот подавят, то мы сможем в этой неразберихе разграбить Ханькоу и ускользнуть — либо вниз по реке, либо по суше. Так что не стоит сильно беспокоиться.

— Я восхищаюсь твоей дерзостью и беспощадностью, — помедлив, сказал Йотай Юн. — Ты играешь в опасную игру. Если бы одураченные тобой люди знали, к примеру, что ты даже не монгол, они разорвали бы тебя в клочья. А что до настоящих жрецов Йог-Согота... Разве ты не боишься их мести, ведь они в конце концов узнают, что ты выдавал себя за одного из тех, кто принадлежит к адскому культу?

— Опасность для меня естественна как дыхание, — смеясь ответил самозванец. — Я утратил все свои иллюзии и без ощущения крайней опасности, пожалуй, зачах бы от скуки. Нет, я не боюсь монгольских дьяволопоклонников. Только один человек может воспрепятствовать нам, только одного человека нам надо убрать с дороги — Черного Джона О'Доннела.

Йотай Юн кивнул.

— Этот человек похож на громадного черного медведя. Он свиреп и никогда не простит меня... Но он слишком прямолинеен. Он не человек Востока, а всего лишь белый. Не стоит его опасаться!

— Я и не опасаюсь его. Но он обладает хитростью медведя, которого ты упомянул, и невероятным терпением. Он ничего не забывает. Разум его настолько ограничен, что он, вступив на какую-то дорогу, идет по ней до самого конца, не обращая внимания на то, что происходит вокруг него. Этот глупец Лэннон был его другом; и Лэннон рассказал достаточно, чтобы Джон подозревал, что ты, во всяком случае, имеешь отношение к его убийству. Говорю тебе — мы должны убить Черного Джона, или он найдет способ убить нас обоих. Более того, я не удивился бы, если бы узнал, что это он — тот самый «шпион», который сегодня вечером пробрался в Дом Дракона.

Йотай Юн вскрикнул и привстал, выхватив пистолет. Лама язвительно рассмеялся:

— Не бойся. Разве ты не доверяешь своим слугам? Они отыщут его, где бы он ни прятался. Ты сам говорил, что хитростью он не обладает. Секреты этого дома ему неизвестны...

Я, припав к глазку, дрожал от ярости, но держался настороже. Неожиданно я услышал за спиной какой-то шорох. Это спасло мне жизнь. Я моментально повернулся и увидел занесенный кинжал, стиснутый в желтой руке. Лицо моего врага было искажено в дьявольской гри-

масе. Когда я повернулся, кинжал, со свистом рассекая воздух, метнулся к моему сердцу, но я левой рукой схватил китайца за запястье, а кулаком правой ударил его в грудь. Он охнул и пошатнулся, а затем набросился на меня. Он был крупным человеком, таким же крупным, как и я, и сильным, как буйвол,—подозреваю, что раньше он был борцом. Мы сцепились и стали бороться. Он не мог высвободить правую руку с кинжалом, которую я крепко удерживал, а я не мог высвободить свою правую, чтобы нокаутировать его. Пот тек у него по лбу, а из рта с шумом вырывалось дыхание. Я сам задыхался от борьбы, но чувствовал, что противник слабеет. Я собрал все силы для внезапного броска, и тут его ослабевшие ноги не выдержали, и мы вместе проломили тонкую стенку, подняв облако пыли и множество серых щепок, после чего тяжело рухнули вниз, на пол комнаты. Китаец благодаря счастливой случайности оказался снизу, и, когда мы упали на пол, я услышал, как шейные позвонки моего противника хрустнули, словно ломающийся сучок.

Подняв голову я уставился в дула двух направленных на меня пистолетов. Медленно подняв руки над головой, я с угрюмым видом поднялся, широко расставив ноги, опустив голову на грудь и исподлобья глядя на врагов. Меня охватила ярость при виде людей, которые убили Билла Лэннона, и только мысль, что слева под мышкой у меня есть пистолет, останавливала меня от того, чтобы броситься на них с голыми руками.

— Клянусь Буддой,—удивленно пробормотал Йотай Юн,—это черный медведь! Вы, господин мой, были правы.

Лама язвительно рассмеялся:

— Джон О'Доннел и впрямь черный медведь! Он сразу взял след. Я думаю, он убил вашего слугу, который имел неосторожность оказаться в его лапах! Позовите своих людей, и мы наконец устраним это досадное препятствие.

— Гнусные свиньи,—прорычал я.— Вы убили Билла Лэннона и дорого за это поплатитесь! Сейчас вы в выигрыше, но игра еще не окончена!

— Да, но тебе в ней уже не выиграть,—ответил лама, а Йотай Юн хлопнул в ладоши.— Быстрый удар кинжалом и всплеск от тела, брошенного в воду,—и черный медведь больше не будет кусаться!

Вошли семь или восемь китайцев — рослых слуг, по виду отъявленных головорезов, вооруженных кинжалами и дубинками. Йотай Юн кивнул в мою сторону.

— Избавьтесь от него,—приказал он, как будто речь шла о больном животном.

Они стали приближаться ко мне, и я отступил, все еще держа руки поднятыми. Йотай Юн и лама по-прежнему держали меня под прицелом, а слуги приближались, оттесняя меня к выходу из комнаты. Я понял, что они собираются расправиться со мной в другом месте. Я медленно отступал к двери, она была открыта. Лама и Йотай Юн стояли рядом.

Здоровенный китаец грубо ухватил меня одной рукой за отворот куртки, а другой уколол ножом. Я сделал молниеносное движение.

Никто не ожидал, что такой крупный человек, как я, может двигаться быстро. Я сбил нападавшего с ног и швырнул его на Йотая Юна и ламу. Все трое свалились на пол, а Йотай Юн в момент падения выстрелил. Пуля пролетела мимо моего уха, но я уже прыгнул к двери. Вся банда взвыла и бросилась следом, но я уже проскочил через дверной проем и захлопнул дверь у них под носом, умудрившись плечом подпереть ее на несколько мгновений, необходимых, чтобы закрыть засов.

Затем я быстро огляделся. Дверь трещала под натиском нападавших, и я знал, что долго ей не выдержать. Я слышал разъяренные крики Йотая Юна и ламы, подгонявших своих подручных.

Я оказался в большой комнате. В стене напротив находилась закрытая дверь. Здесь на стенах, как и в других комнатах, висели тяжелые ковры. Я быстро пересек комнату и распахнул дверь. Меня не интересовало, куда она ведет — еще в одну комнату или в коридор. Я хотел отомстить моим врагам, а не бежать, позорно поджав хвост. Вытащив пистолет, я спрятался за ковром. И тут дверь не выдержала. Вся банда ввалилась в комнату. Они выли, словно бешеные псы, и размахивали кинжалами. Увидев, что другая дверь открыта, они, конечно же, решили, что я бежал, и помчались дальше. Я слышал, как они бежали по коридору, возбужденно крича. Следом за ними появились Йотай Юн

и лама. Они несколько отстали от своих подручных. Я улыбнулся. Все складывалось так, как я и рассчитывал.

Эти двое были около выхода из комнаты, когда я выпрыгнул из-за ковра и проревел:

— Повернитесь, свиньи, и встретьте смерть лицом к лицу!

Хотя я застиг их врасплох, они, повернувшись, начали стрелять. Я слышал свист пуль и чувствовал, что несколько попали в меня; но я тоже не терял времени даром. Несколько выстрелов — и я увидел, как лама мешком осел на пол. Больше он не шевелился. Йотай Юн качнулся назад, словно от удара невидимого молота, ухватился рукой за ковер, висевший на стене. Но когда в его тело вошла третья пуля, он рухнул на пол и задержался в судорогах.

Я знал, что и во мне засело порядочно свинца — на таком расстоянии трудно было бы промахнуться. Я не чувствовал левой ноги, начиная от бедра, а левая рука и плечо быстро немели, по груди тоненькой струйкой текла кровь. И еще я слышал, как по коридору спешат китайцы-слуги, услышавшие выстрелы. Они кричали и бряцали своим оружием. Мне предстояло встретить их лицом к лицу — раненым и с полупустым магазином пистолета. Но я не боялся их. Враги мертвыми лежали у моих ног, а Билл Лэннон был отомщен. Я заплатил этот долг и не жалел ни о чем. Рано или поздно человек все равно должен умереть, так уж заведено.

Желтая банда с воплями показалась в дверях. Я же тем временем ухватился за ковер, висев-

ший на стене, чтобы удержаться на ногах, и опустошил в их гущу магазин пистолета. Китаец, оказавшийся впереди, упал, как подкошенный, а остальные в страхе отступили. Я слышал, как они перешептываются в соседней комнате; слышал их негромкие шаги. Ко мне стала подкрадываться слабость, я уже совершенно не ощущал левую руку. Я потряс головой, стараясь не потерять сознание, и на пол упало несколько красных капель.

— Идите сюда, и покончим с этим, желтые дьяволы! — проревел я, боясь, что, если они тут же не набросятся на меня, меня одолеет слабость. Тогда они зарежут черного медведя как овцу.

И тут внезапно комнату заполнили люди, появившиеся из другой двери. Я заметил их в самый последний момент — слабость одолевала израненное тело. Один из них приблизился ко мне, и я замахнулся на него пустым пистолетом, прежде чем разглядел мундир китайского полицейского.

— Полегче, мой друг, — сказал он успокаивающе. — Мы друзья, разве ты не узнаешь меня?

— А, это ты, Кан Яо. — Я был потрясен неожиданным появлением своего старого приятеля. — Извини, кровь заливает глаза... Помогите мне сесть.

Он помог мне доковылять до дивана. Тут я, наверное, потерял сознание.

Когда же в голове у меня прояснилось, я огляделся вокруг и увидел, что в комнате полно китайских полицейских и солдат. Они окружили слуг Йотая Юна, которые стояли в наруч-

никах, с унылым видом покорясь судьбе. Кан Яо нагнулся над двумя заговорщиками. В черного ламу я попал лишь раз, но он был мертв. В Йотая Юна попали три пули, однако он еще оставался в сознании.

Раненый заговорщик перевел взгляд на неподвижное тело сообщника, и его губы искривились в язвительной усмешке.

— Один человек может разрушить еще не родившуюся империю, — прошептал он. — Мы смеялись над черным медведем, но черный медведь растерзал нас обоих... его месть положила конец... мечтам об империи...

Кровь хлынула изо рта торговца, и он умер.

— Позволь мне заняться тобой, уважаемый друг, — сказал Кан Яо со свойственной восточным людям учтивостью. — У тебя много ран...

— Я ранен в ногу, руку, плечо и грудь, — пробурчал я. — Но ничего серьезного. Однако скажи мне, как ты оказался здесь.

— Благодаря ему. — И он указал на человека в одежде слуги. Это был тот, кто сторожил вход в туннель. На его виске запеклась кровь.

— Йотай Юн выстрелил в него и велел бросить тело в реку. Но пуля прошла вскользь. Когда же этого негодяя бросили в реку, он пришел в себя. Он выбрался на берег и, стремясь отомстить своему жестокому хозяину, тут же явился в полицию и рассказал о заговоре. Он же привел нас в Дом Дракона. Когда мы услышали выстрелы внутри — тут же ворвались в дом... Но кто же на самом деле этот монгольский лама?

— Сорви с него маску, — сказал я. — Мне и самому хотелось бы это знать.

Кан Йо нагнулся и сорвал с ламы маску. С его губ сорвалось изумленное восклицание; кожа монаха не была ни желтой, ни коричневой. Черный лама оказался белым человеком — Эриком Брандом!

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ТРУСА

удьба, играя жизнями людей, склоняет их порой к совершению самых вздорных, самых нелепейших поступков; под влиянием отчаяния они нередко бросаются с головой в те самые омуты, которые всю жизнь старательно обходили стороной. В полицейских архивах хранится дело одного самоубийцы: не желая драться на дуэ-

ли, где бы ему пришлось ставить судьбу перед равным выбором, он предпочел простое, недвусмысленное решение и пустил себе пулю в лоб за несколько часов до поединка...

— Это ж надо! Всю жизнь только и делал, что на задних лапках ходил, раболепствовал, пресмыкался,— сокрушался Джо Донори,— всю жизнь скулил и плакался, всю жизнь был тряпкой!

Он умолк, точно ждал, что ему ответят, но ответа, разумеется, не последовало. За окном лачуги со скорбной монотонностью шевелил листву ветерок; никакой другой звук не нарушал тишины. Тому имелось весьма простое объяснение — Джо нынче изливал душу, а этому занятию он предавался исключительно в минуты уединения. Никто не мог бы попенять Джо за то, что, давая волю чувствам, он отыгрывается на людях, что повышает голос. В присутствии посторонних или недоброжелателей он был глух и неразговорчив; да и немногих своих друзей Джо редко баловал многословием. Стоило же ему задуматься над причинами такой замкнутости, как начинало казаться, что в его черепную коробку кто-то вбивает длинный-предлинный гвоздь. И Джо Донори голосил горько и безутешно, оплакивая свою никудышную участь:

— Вот-вот! Тряпка я, тряпка! И слова-то не могу поперек сказать! Они меня гробят, помыкают мной, травят, как таракана, а я?.. Хотя бы раз им что ответил! И чем старше становлюсь, тем мягче: одно дело пацану оплеуху отвесить, другое — с мужиком связаться. Это ж надо таким слизняком уродиться!

Джо жадно вцепился в горлышко бутылки, что зловещей тенью нависла над его локтем; пьяные слезы щипали ему глаза. Он запрокинул бутылку одним свирепым махом, внимая, вместе с чувственным, гортанным бульканьем, происходящим в недрах бутылки, теплой волне расслабления, обдавшей его собственные внутренности. Однако передышка была недолгой. Некоторое время Донори угрюмо глотал спиртное, а затем решил возобновить свои сбивчивые излияния, и сбивчивость эта грозила превратить монолог в полномасштабный бред.

Наружностью Джо Донори обладал скромной и невыдающейся. Сколько ему было лет, приходилось только догадываться, но повадками он отличался совсем не юношескими. Это был низенький, худощавый, хотя и жилистый малый, чуть сутулый в плечах. Рябое, наводящее тоску лицо спасала вполне приличная оправа отвислых бакенбард, которые Джо по праву мог считать своим единственным достоинством. В целом жизнь его была не жизнь, а одна сплошная мука. Если ты родился и вырос в тех краях, где большинство мужчин щеголяют бицепсами и горделивой осанкой, скромные телесные габариты заранее ставят тебя в невыгодное положение, но несчастья Джо не исчерпывались только физическими изъянами.

— Не в том беда, что я таким мышонком уродился. Мало ли коротышек на свете, которые ведут себя, будто тонну поднять способны! Да вот, к примеру, хотя бы Крошка Билли, он же ни на дюйм меня не выше... Гора мяса — это

еще не все! Главное, нужно наглость иметь, а вот ее-то у меня и нет. Почему, а? Сколько меня шпыняли? Если для кулачной разборки весом не вышел, так уж лучше стать крутым, чтобы чуть что — нож в сердце или пулю в лоб. А я нож увижу — смирным делаюсь, как барашек. Если же дуло мне показать, так и вовсе могу в штаны навалить. Лучше бы и дальше торчал на ранчо у моего старика. На Болотистом Выгоне меня, по крайней мере, народ знал, и я бы своей рожей глаза никому не мозолил... — Джо сделал очередной глоток и вскричал: — Ну чем я плох! — Как многие одинокие люди, он привык разговаривать с собой на повышенных тонах. — Давай рассмотрим. Руки золотые, рудокоп, каких поискать, хоть и ростом мал! Ну, кто из этих громил может о себе такую вещь сказать? Мало, что ли, народу зазря в земле ковыряется, и в ковбоях такие есть, да и среди рудокопов встречаются... А теперь скажи — сколько ты на одном нормальном месте можешь продержаться? Да нисколько! Сразу явится какая-нибудь харя, начнет приставать, пока всю душу наизнанку не вывернет. Или до того тебя доведет, что все из рук начинает валиться, а чуть работу заporеешь, хозяин тут же расчет несет! И ведь, по правде говоря, мог бы такие деньги зарабатывать, о каких здесь, в Медном Бассейне, другие и мечтать не могут! А вместо этого что? Ни цента за душой, и взять неоткуда, жрать скоро будет нечего, а еще тут эта сволочь Грохер Гровер, совсем прохожу от него не стало, на какую работу ни пойдешь, хоть

судомойкой, все равно припрется, начистит тебе рыло, просто так, потехи ради... Будь я крутым или просто нормальным мужиком, не посмотрел бы, Гровер он там, Грохер или еще кто... Всадил бы в него обойму-другую — сразу бы отстал... Иначе будет он надо мной глумиться, как сегодня... Так грохнул по спине кулаком, что меня едва не стошнило, а он стоит себе и ржет, как конь!..

И вновь бутылка, на которую Джо истратил последний доллар, была опрокинута вверх дном, после чего выболтанные рудокопом преступные намерения растворились в сдавленном урчании, характерном для движения по пищеводу горячительных напитков.

Бутылка с грохотом опустилась на стол. Наделенный, как и все несчастные, с кем судьба обошлась чересчур круто, склонностью преувеличивать свои невзгоды, Джо действительно пребывал в отчаяннейшем положении. Ибо не стужал он краски, утверждая, что за душой у него ни цента и что, при широком спросе на людей его профессии, между ним и возможностью честного заработка встал непреодолимый барьер. За какую бы работу он ни взялся, не миновать ему было скорого свидания с крепкими, грубыми и весьма деятельными молодыми людьми. При одном их виде Джо начинало трясти и поташнивать. Боязнь физической расправы неправильно было бы назвать слабостью или изъязном; скорее это была некая черная сила или, если угодно, чудовищная язва, некогда поразившая его сердце и с годами лишь укрепляв-

шая свое могущество. Стоило ему встретиться с какими-нибудь самовлюбленными крестинами и задирками, как его тут же охватывал безотчетный страх. А ведь в компании самовлюбленных крестин обязательно отыщется хоть один задир — будь то скрытый садист или просто безмозглый громаха, который в душе может быть вполне приличным малым, но это не мешает ему оставаться задирой. Вот почему Джо уже много лет перескакивал с одного рабочего места на другое, пока наконец не сломался и не оказался одной ногой на пороге сумасшедшего дома.

— Хоть бы один поступок за всю эту ничемную жизнь, хоть бы один паршивенький поступок, о котором можно было бы потом вспоминать с гордостью! Молокососом был — никогда на одном месте больше трех-четырех месяцев не мог удержаться. Вечером начнут меня гонять, а утром уже я свою кобылу погоняю. Хорошо еще, на ранчо у моего старика успел стоящему делу научиться, пока скитаться не начал. Как-то естественно все получилось, и стал я рудокопом. Быстро поднатаскался, хоть и урывками вкалывал. Было бы у меня образование — работал бы сейчас инженером на шахте... Нет, привык с места на место кочевать — с одной работы попрут, на другую устроюсь. С души воротит от всего этого. Последние нервы себе извел...

Джо уронил голову на руки и зарыдал.

Повод для самых иступленных терзаний иных страдальцев со стороны выглядит невин-

ной безделицей, а между тем из всех призраков, тревожащих человечество, демон угрызений, вызываемый собственным малодушием, едва ли не самый мерзкий. Из этой юдоли слез и бессилия Джо Донори выкарабкался с непреклонным решением, воссиявшим в его проспиритованном мозгу. Он достиг состояния, при котором даже невинные беспокойства становятся очерчены жуткими контурами и исполнены зловещих знамений. А ведь несчастья Джо были далеко не невинными...

— Чем еще столько лет трястись, лучше разом сдохнуть! — пробормотал он, и в его кротких, раскрасневшихся глазах полыхнуло пламя, которое так и тянет назвать погребальным. — Была б надежда, что жизнь повернется к лучшему... Но я уже двадцать пять лет жду, а она становится только хуже... Завтра у меня не хватит духу — надо решаться прямо сейчас. И я решил. Через минуту пушу пулю в свой поганый лоб!

Произнеся это, он огляделся по сторонам с выражением мрачного величия, как человек, напрогочивший миру нечто трагическое и в высшей степени безотрадное.

— Пушу себе пулю в лоб! — повторил он. — Вот тогда они задумаются.

Внезапно Джо проникся судьбоносной значимостью момента. С видом распорядителя похоронных торжеств — которого, впрочем, выдавала бы слегка заплетающаяся поступь — он прошествовал в другой конец комнаты и, помедлив, выдвинул ящик комода. Бледно-голубая сталь оскалилась на него ледяным блеском. Джо

Донори почувствовал, что душа уходит в пятки, закрыл лицо руками и отпрянул. Из глаз его брызнули слезы: столь велико было пережитое унижение и осознание собственного бессилия.

— Боже всемогущий,— прохрипел он,— неужто ты лишил меня смелости вышибить эти дрянные мозги!

Он задрал голову, не чая услышать ответа.

За окном жутко подвывал ночной ветер; он принес отдаленный гул граммофона.

Из этих несвязных звуков сознание Джо постепенно сложило образ салуна «Элита», признанной цитадели порока, насаждающей жанр громогласного общения, беспробудного пьянства и внезапной смерти. И тогда из недр этого сознания, подстегнутая самобичеванием и алкоголем, выпорхнула на поверхность чудовищная, сокрушительная идея. Едва родив эту идею, рассудок Джо Донори мог бы помутиться от ужаса, если бы не переступил к тому времени уже все пороги отчаяния.

— Слышал я, что Демонюга Дратц сегодня собрался посетить город,— пробормотал он, чувствуя, как на лобсыпают бисерины холодного пота.

Веселье в «Элите» было в полном разгаре.

Мужчины раскачивались, горланили и подкидывали на руках посетительниц салуна, весьма голосистых дамочек, но все они, и мужчины, и женщины, пьяные или трезвые, держались на почтительном расстоянии от дальнего конца стой-

ки. Там, во всем великолепии томной царственности и неприступного величия, с печатью задумчивости на невысоком челе, стоял несравненный, непобедимый Демонюга Дратц. Настоящий убийца должен быть прежде всего блистательным актером, талантливым лицедеем.

Этот бандит считался в Медном Бассейне чуть ли не живой легендой, хотя и впервые удостоил местное общество своим посещением. Впрочем, если уж говорить о легенде, то таким он слыл по всему Дикому Западу. О подвигах его слагались истории, от которых у слушателей бегали мурашки по коже, и никто из присутствующих, глядя на грозных размеров туловище, на неподвижное, изборожденное свирепыми складками лицо с узкими бойническими глазами, не знающих милости к павшим, на мохнатые бастионы насутиленных черных бровей, не посмел бы усомниться в том, что истории эти содержат немалую долю истины.

Местные звезды салуна были все, как один, подавлены и немногословны, в том числе и Грохер Гровер, рудокоп, колоссальных размеров детина, объединивший вокруг себя всех бойцов Медного Бассейна. Он даже попытался, улучив минутку, незаметно и ненавязчиво покинуть заведение; но в то самое мгновение, когда двери салуна, скрипнув, замерли, остановленные его предусмотрительным жестом, а Грохер счел своим полным правом перевести дух, в двух шагах от него возникла из полумрака тщедушная фигурка, и тонкие, на удивление цепкие пальцы исступленной хваткой сдавили ему плечо.

— Донори! — с легким неодобрением покачал головой Грохер. — Я ведь, по-моему, уже говорил тебе сегодня, чтобы ты не совал свое рыло туда, где собираются приличные люди...

— Демонюга Дратц там?! — взвизгнул Донори, не удостоив его вниманием.

От неожиданности Грохер язык едва не проглотил, и потому связанная речь далась ему с превеликим трудом.

— Ух!.. Ну... Ну, да, а... а что... то есть... он-то там... а ты чего... это... зачем?

Но Джо уже успел протиснуться к дверям, и Грохер, сжигаемый любопытством узнать, какие общие дела могли связывать самого жалкого труса во всей округе с самым безжалостным убийцей на всем Диком Западе, поспешил зайти следом. Джо уже много месяцев не показывался в «Элите», однако в прошлом столь часто удостоивался нежной грохеровской ласки, что сей достойный муж давно уже заметил безответную кротость коротышки. Теперь же Грохер видел белое, как мел, лицо и ходящие ходуном плечи. Будто в салуне было сто градусов мороза...

В стихии грубой и примитивной, где людьми обуревают буйные, необузданные страсти и стихийные же порывы, нередко возникают неожиданности самого скверного пошиба, и между отъявленными грешниками, обретавшимися в «Элите», своим чередом вспыхивали незапланированные и необъяснимые стычки. Однако с чистой совестью можно утверждать, что ни разу души их не были столь близки к тому, чтобы

избавиться от черствого цинизма, как в описываемый нами вечер. Ибо нет в мире человека, которого бы не страшило необъяснимое, и потому все пьяницы, танцоры и шулеры в один миг превратились в ледяные изваяния при звуке малознакомого голоса, который проблеял:

— Кого я вижу! Демонюга Дратц! Ну вот мы и встретились, вонючий скунс!

Танцы, игры, разговоры оборвались — их участники, казалось, были одновременно настигнуты какой-то лютой, поистине скоростигной кончиной. В наступившей гробовой тишине шейкер для взбивания коктейлей, выскользнув из онемевшей руки буфетчика, с грохотом прокатился по полу, точно послание Небес, возвестившее приход Судного дня. В дверях заведения, все еще придерживая широко расставленными ручонками дрожавшие створки, все еще сисясь захлопнуть рот, из которого вырвались эти умопомрачительные слова, застыл некто иной, как Джо Донори.

Коротышка Джо Донори во всеуслышание обругал Демонюгу Дратца!..

Сильные духом и телом мужчины перестали дышать, ожидая, что вот-вот разверзнутся Небеса. Наблюдатели же поскромнее едва не задохнулись от ужаса, испугавшись, как бы оскорбленный громила не включил в план мести всех присутствующих скопом. А месть неизбежно должна была пасть на голову несчастного безумца.

Что же до Дратца, то он вздрогнул и схватился было за рукоять кольца, болтающегося на

бедре. Однако не стал вытаскивать его из кобуры и тупо уставился на обидчика.

Объятым ужасом наблюдателям сей взгляд послужил веским доказательством того, что наглец будет прикончен на месте самым зверским из известных способов, однако проницательный человек, найдись такой в «Элите», уловил бы в студенистых глазах убийцы выражение самого искреннего замешательства, если не сказать — смущения.

За долгие-долгие годы это был первый случай, когда Демонюга Дратц сталкивался с подобным к себе обращением. Те немногие — хотя и не столь уж незначительные числом — головорезы, что изъявляли желание переправить его на постоянное жительство к праотцам, были представлены как людьми осмотрительными и скрытными, так и, напротив, азартными и вспыльчивыми, но даже последние относились к нему с должным почтением. Кроме того, среди них никогда не было мозгляков.

Это еще более усложняло дело. Дратц не был знаком с Джо. Если бы этот маньяк оказался мускулистым гигантом, его поступку все же можно было бы подыскать объяснение, поскольку, наперекор прогремевшей в веках поговорке о том, что полковник Кольт уравнил в правах все человечество, большая часть последнего не слишком верила в ее справедливость и продолжала считать, что пуля, выпущенная мускулистым гигантом, должна быть более действенной, чем выстрел человека, обладающего, скажем, габаритами Джо Донори... который шагал те-

перь вперед, заставляя людей испуганно жаться к стенкам, словно по бару двигался прокаженный. От Джо не укрылось, что внимание присутствующих переключилось с него на человека, одиноко стоящего в дальнем углу заведения, и с гадким ощущением в желудке он понял, что видит перед собой страшного убийцу. От этого зрелища все его существо едва не охватила судорога, но ненадолго: кровь его бушевала, сдобренная алкоголем и отчаянием, порожденным годами бесславной трусости, а также, чуть в меньшей степени, драматизмом переживаемого мгновения. Даже в эту роковую минуту он ловил на себе пристальные взгляды людей, и эти взгляды значили очень многое. Всю жизнь Джо мечтал о том, чтобы хотя бы ненадолго превратиться в центр внимания, и мечта его наконец сбылась. Настал час мести, и, коль скоро Джо сжег за собой все мосты, надо было выжать из него все до последней возможности.

Он подошел вплотную к угрюмо молчавшему Дратцу и взглянул на него с наглым прищуром.

— Эй, Дратц! — взвизгнул он глумливо, однако не сумел унять ни дрожи в голосе, ни холодной испарины, вновь окропившей чело. — Это ты, что ли, здесь из себя самого крутого строишь? Ты, сука драная? Ты, дерьмо собачье?

По всему заведению прокатился жуткий, сдавленный звук, который одновременно издали все наблюдатели этой душераздирающей сцены. Джо непроизвольно закрыл глаза, приготовившись немедленно расстаться с жизнью. Через пару секунд он с удивлением обнару-

жил, что жизнь прощаться с ним не торопится, и снова открыл — точнее сказать, вытаращил глаза. Демонюга до сих пор не достал кольт; он смотрел на коротышку с медленно нарастающим изумлением.

Демонюга привык действовать быстро, но думать быстро он не привык. Однако где-то на задворках его сознания созревала страшная мысль.

Наконец он заговорил:

— Никак жизнь наскучила, приятель? Ты пойми, мне что уколошить тебя, что в морду тебе плюнуть — разницы никакой.

После этих слов завсегдатаи «Элиты» решили, что грядущая развязка посрамит их самые кровавые ожидания.

Бедный Джо едва удержался на ногах. И коль скоро в поступке его сказывалось отнюдь не присутствие духа, но чистейшее помешательство, неудивительно, что у него стали подгибаться колени. Из страха окончательно лишиться ума и в самый неподходящий момент пойти на попятную он приказал себе действовать решительнее. Разумеется, целью его было самоубийство: следовало довести бандита до такого состояния, чтобы он не поленился пристрелить Джо. Быстрая смерть («Я не заставляю долго мучиться тех, кто мозолит мне глаза», — любил говаривать Демонюга), да к тому же от чужих рук — ведь своя рука у Джо на такое дело не поднялась, — самое подходящее решение. В придачу есть возможность без лишних хлопот обессмертить свое имя, а герою, при-

людно поносившему самого Демонюгу Дратца, бессмертие обеспечено на века.

Однако Демонюге, казалось, было угодно продлить агонию, и Джо впал в настоящее буйство. Дратц, судя по всему, даже брезговал тратить на него лишние крупы пороха!

— Давай-давай, уколошь меня! — рявкнул Джо. — Крутого строишь? — Джо рванул на себе рубашку и попер прямо на остолбеневшего громиту; он уже не кричал, а скулил; слова его тонули в рыданиях, но присутствующие посчитали это проявлением какой-то лютой, нечеловеческой ярости. — А говорят, стоит тебя обложить, и зови гробовщика!.. Чего вылупился, как ящерица? Давай начинай!

— Слышь, приятель, — проговорил Демонюга странным, сипловатым голосом. — Что ты суетишься? Какие у тебя со мной дела? Я тебя не знаю, в первый раз вижу...

Озарение, посетившее Демонюгу, стало нестерпимо ярким. Этот коротышка был каким-то страшно крутым парнем, настолько крутым, что не боялся цепляться даже к нему, к Демонюге... И наверное, хорошо подготовился. Не мог же он сунуться сюда просто так, с голыми руками!.. Но где угроза? Парни с пушками, затесавшиеся в толпе? Заряд тротила под полом? Мелкокалиберные револьверы в рукавах?..

На лбу Дратца, в свою очередь, выступил холодный пот. Демонюга был, конечно, не какой-нибудь пугливый воробышек, но тут творилась настоящая жуть. Этот малыш наверняка все рассчитал!..

Ни с кем опыт не может сыграть такую зловещую шутку, как с громилой, на протяжении долгих лет привыкшим встречать только боязливо-заискивающее отношение и внезапно столкнувшимся с наглецом, который делает из бывшего бандита откровенное посмешище. И чем выше ценит такой бандит себя, тем более склонен завышать неизведанную цену противника. Большинство громил люди очень ранимые и возбудимые, чистые ягуары в человеческой шкуре. Ягуар — хищник яростный и отважный, однако случалось, что и ягуары уносили ноги от взмаха девичьего платочка. Демонюга Дратц задрожал, как пожухлый лист в осеннюю пору. Занемела и опустилась лежавшая на кобуре рука.

— Давай рассудим, чем я тебе мешаю? — хрипло промямлил он. — Я лично ничего к тебе не имею. Честное слово!.. Давай... — Демонюга откашлялся. — Давай, может, хлопнем по стаканчику и забудем про всю эту чепуху.

Но Джо уже плохо понимал, что хочет этот человек. У него на уме сейчас было одно: кошмар, в который он влип, кажется, грозил продлиться. И разум его помутился окончательно.

— Да ты просто дешевка! — проверещал он, лихорадочно подыскивая обидные слова, способные наконец сбить с этого людоеда брезгливую спесь. — Ты просто шестерка! У меня ножа перочинного в кармане нет, а у тебя два ствола на поясе! Ты трус! Наверное, стреляешь в человека, только когда он к тебе спиной стоит!

Джо замолчал, чтобы перевести дух. Словно в тумане он видел посиневшие, искривленные

губы Дратца. Они шевелились, но Джо почему-то не слышал ни единого слова. И тогда, в последнем припадке обуявшего его бешенства, Джо занес руку и влепил бандиту смачную пощечину.

Демонюга пригнул голову, глаза его вылезли из орбит.

— Чтоб ты сдох, койот! — заорал он. — Что ты ко мне привязался? Мало крови людской пустил, да? Хочешь меня укокошить? Ну так стреляй, не жди...

И Демонюга, выписывая между столами замысловатые кренделя, рванулся к выходу, неуклюже вломился в двери салуна, распахнул их настежь и навсегда канул в ночь. С той поры он за семь миль объезжал этот треклятый Медный Бассейн.

Салун «Элита» изнемогал от молчания. Оглушенный Джо, будучи не в силах связать воедино клочки взбесившихся мыслей, машинально, без малейшей сознательной цели, поковылял к выходу. Он до сих пор не отдавал себе отчета в случившемся. Посетители салуна осторожно расступались перед ним, боясь сделать какое-нибудь неверное движение.

Около дверей салуна, словно прищипленный к стене неведомой силой, застыл Грохер Гробер. Когда Джо поравнялся с ним, громила внезапно задохнулся, закашлялся и крикнул, как осипший селезень. Эти звуки нарушили окутавшую заведение гробовую тишину и вывели из оцепенения Джо Донори. Поймав на себе его тусклый, безжизненный взгляд, Грохер совершил какие-то нелепые движения ногами, так,

словно порывался сдвинуться с мертвой точки, но не знал, как это осуществить. Затем, на героическом волевом подъеме, но только с третьего или четвертого захода — предыдущие были скомканы из-за сложностей с дыханием, — пролепетал:

— Г-господин Д-донори, вы, н-наверно, хотите со м-мной рассчитаться?

— Кто, я? — пробормотал Джо тупо, чувствуя знакомый приступ тошноты. — Не-ет... Я ведь сюда это... хотел Демонюгу Дратца повидать... но он куда-то пропал...

— Да Демонюга теперь уж за сто верст отсюда! — выпалил Грохер, с умильным восторгом пожирая коротышку глазами. — Господин Донори, спасибо вам за то, что сохранили мне жизнь! Я знаю, что иногда веду себя грубовато, несдержанно, но, честное слово, это все от широты души, от прилива дружеских чувств... И обещаю, что впредь этого не допущу. Вы же не будете на меня из-за этого в обиде, господин Донори?

— Не буду! — прошептал Джо. Он все еще не мог очухаться.

— Т-тогда, с-сэр, разрешите м-мне п-пожать вашу руку, п-прошу вас, господин Донори! — Грохер захлебнулся в приступе обожания. Он осторожно вложил в свою лапищу одеревенелую ладонь Джо. Лет сто или двести назад он бы наверняка припал к ней губами.

После этого Грохер двинулся к стойке бара, ежесекундно озираясь через плечо и ступая так, словно вместо ног у него были ходули.

Остальная публика по-прежнему стояла с разинутыми ртами. Впрочем, к некоторым посетителям уже возвращалась способность мыслить.

Когда Джо разглядел перед собой двери салуна, кто-то осторожно тронул его за плечо. Обернувшись, он увидел перед собой сияющую физиономию одного из самых крупных местных магнатов, владельца нескольких шахт.

— Дорогой господин Донори, если б вы знали, сколько лет я мечтал встретить такого человека, как вы!.. Человека, которого бояться и уважают, но в то же время обладающего олимпийским спокойствием и выдержкой. Уверен, что могу вам поручить очень важный участок работы. Последнее время у меня возникают разногласия с моими людьми, но при вас они будут вести себя, как овечки... Честно признаюсь вам, господин Донори, я только сегодня раскусил, что вы за человек. Не сразу я понял, что вы слишком себя уважаете, слишком хорошо владеете своими нервами, чтобы устраивать стычки с такой мелюзгой, как этот Грохер Гровер. Настоящий парень не станет заводиться, пока на горизонте не покажется достойный соперник! Я прав?

— Э-э... Ну... Нда-а-а, — выдавил из себя Донори, сверля собеседника бесноватыми глазами.

— Разумеется, как может быть иначе! — договорил за него тот. Потом, доверительно понизив голос, продолжал: — Строго между нами, господин Донори... Не подумайте, что я сую нос не в свое дело, но все-таки интересно: за что вы так ополчились на Дратца?

— Я не... Не я...— начал было Джо, обнаруживая способность к частично связной речи.

— Да, вот что значит боец с Дикого Запада! — восторженно протянул магнат. — Настоящие парни разбираются друг с другом не из-за какой-то вшивой дележки, им просто нужно понять, кто чего стоит! — И он наградил Донори хлопком по спине, но хлопком весьма нежного свойства, очевидно не растеряв учтивости перед восходящей грозой горного дела. — Загляните ко мне завтра... нет, лучше *я загляну к вам завтра*, и мы обсудим наши дела.

— Э-э... м-м... да-да, — выжал из себя Джо. — До-до-доброй ночи...

— Доброй ночи, господин Донори! — хором ответствовали ему новые верноподданные.

Донори толкнул двери, вывалился из салуна в темную ночь и побрел куда-то походкой луна-тика.

— Черт разберет этих настоящих парней, — сказал магнат, поворачиваясь к бледным, мертвельным лицам. — Живет себе такой малыш, никому слова поперек не скажет, а как встанет у него на пути какой-нибудь Дратц, он с него шкуру готов содрать...

— Прысни-ка мне, дорогуша, — сказал один из ковбоев буфетчику. — Ну и дела, бычий рог мне в задницу! Помяните мое слово, парни, вы об этом вечере внукам своим рассказывать будете! Чтобы Демонюга Дратц при всем честном народе едва не наложил себе в штаны, чтобы его прилюдно обозвали дерьмом собачьим, потом дали в рыло, а он поджал лапки и ускакал,

как кролик!.. Слушайте, может, мне это приснилось?! Чувствую, скоро мы будем перед этим Донори шапки снимать. Откуда он взялся, никто, часом, не знает?

— Он мне не говорил!

— Небось, беглый каторжник из Техаса...

— Знаю я таких. За такими, как он, у полиции список трупов в милю длиной...

— Как хотите, но Демонюга-то его сразу узнал!

— Еще как! Посинел весь, когда Донори увидел!

— Да-а, кто бы мог подумать, был такой робкий, кроткий...

— В тихом омуте черти водятся!

Дебаты в салуне не утихали всю ночь и велись на крайне повышенных тонах.

Сидя в своей лачуге, Джо Донори понемногу вникал в смысл содеянного.

— Мама родная! — заорал он наконец. — Это что ж выходит?.. Выходит, я взял Демонюгу на пушку, а он принял все за чистую монету! — Джо затрясся, как в лихорадке. — Да ведь он бы мне кишки выпустил, если б разобрался, что к чему! А так, слава Богу, жив-целехонек! Ну, теперь у меня такая репутация, что под нее сам черт не подкопается. Человека, от которого Демонюга ноги унес, проверять никто не станет. Я-то хотел чужими руками от самого себя избавиться... — Лучезарная усмешка тронула его утрюмое лицо, давно забывшее, что такое улыб-

ка.— Нет, все-таки это было убийство, клянусь здоровьем своей прабабушки! Потому как я прилюдно избавился от этого труса Донори, а на его место поставил другого человека, которого отныне зовут *господином Донори*! И пусть кто-то скажет, что я не уколошил его сам! И пока народ этот вечер будет помнить, ни одна сволочь до меня пальцем не дотронется. Так что теперь я — *господин Донори*, настоящий парень, у меня есть приличная работа, с которой никто меня не уволит, и уважение к себе, которого никто меня не лишит.

СКАЧУЩИЙ-С-ГРОМОМ

К

огда-то я был Железным Сердцем — воином из племени команчей.

И это, вовсе не фантазия, и я не страдаю галлюцинациями. Я опираюсь на достоверные знания, на магическую память — единственное наследие, доставшееся мне от моих предков-индейцев.

Я сижу здесь, в своем современно обставленном ка-

бинете на пятнадцатом этаже. Глядя в окно, я вижу лишь клочок голубого неба, зажатый между небоскребами, что возвышаются над этим современным Вавилоном. А внизу — только бетонные полосы, по которым течет непрерывный поток людей и машин. Здесь нет океанских просторов коричневой прерии и голубого неба; нет одиночества, бескрайности и таинственности, слепящих разум; нет видений, порождающих пророчества. Мир вокруг меня низведен до механических законов — силы, которую можно увидеть и пощупать; до мощи и энергии, что перемалывают все подряд и превращают мужчин и женщин в бездушные автоматы.

И вот, находясь посреди этой пустыни из стали, камня и электричества, я повторяю непостижимое: я был Железным Сердцем, Скальпохватом, Мстителем, Скачущим-с-Громом.

Мои волосы темнее, чем у многих моих клиентов и деловых партнеров. Одежда цивилизованного человека сидит на мне столь же непринужденно, как и на любом из них. А почему бы и нет? Мой отец в юности носил набедренную повязку, пончо и головной убор воина из перьев, а я не знаю никакой другой, кроме одежды обычных людей. Я говорю по-английски... а также по-французски, по-испански и по-немецки без акцента, если не считать легкий юго-западный выговор, как у любого оклахомца или техасца. За спиной у меня годы жизни в колледже, а затем Карлайль — Техасский университет — Принстон. Я преуспел в своей профессии. Меня принимают в избранном светском

кругу — в обществе, состоящем из мужчин и женщин исключительно англо-саксонского происхождения. Те, кто общается со мной, очень редко узнают во мне индейца. Внешне я произвожу впечатление белого, но...

Одну вещь я все же унаследовал от своих предков. Память. И в ней нет ничего смутного, размытого или иллюзорного. Я помню свое прошлое в качестве Джона Гарфилда и также иные свои воплощения, например жизнь и деяния Железного Сердца. И когда я сижу в своем кабинете, уставясь неподвижным взглядом на соседний небоскреб, то он порой кажется мне столь же зыбким и нереальным, как поднимающийся ранним утром туман на берегах Красной реки. Я заглядываю глубже и дальше в прошлое и вспоминаю бурые горы Уичито; я вижу колышущуюся под ударами юго-западного ветра траву и высокий дом Куано Паркера на фоне синего, как вороненая сталь, неба. Я вижу хижину, где родился я сам, и пасущихся на опаленном солнцем пастбище тощих лошадей и коров; вижу сухие, редкие ряды кукурузы на небольшом поле поблизости... но я снова вглядываюсь. Передо мной — бескрайние прерии. Нет ни высокого белого дома, ни хижины, ни кукурузного поля. Только коричневая трава, типичная из бизонных шкур и бронзовый, обнаженный воин. Этот воин скачет, словно ветер, объятый безумной, дикой радостью, и перья головной убора развеваются за его спиной, будто след горящего метеора.

Я никогда не носил боевой раскраски, ни разу не ступал на тропу войны и не танцевал

танец скальпа. Я не умею ни орудовать копьем, ни пускать стрелы с кремневым наконечником в фыркающего бизона. Любой сын оклахомского фермера превзойдет меня как наездник. Короче говоря, я — цивилизованный человек, и все же...

С ранней юности я испытываю грызущее меня беспокойство, неприкаянность и угрюмую неудовлетворенность своей жизнью. Я читал книги, учился с рвением, радовавшим моих учителей. Они гордились мною, ставя в пример другим, и говорили мне, что я белый не только по одежде, но и по сути, думая, что такие слова звучат для меня как похвала. Я слушал учителей, стараясь не демонстрировать пренебрежение к тем знаниям, которые сам же стремился приобрести ради материального благополучия.

Но беспокойство в душе моей росло, хотя никто и не подозревал об этом: я прятал его под маской непроницаемого индейского лица, как мои предки, привязанные апачами к столбу пыток, скрывали свою боль от взоров врагов.

Это беспокойство воздействовало на мои сны. С возрастом они становились все более живыми и яркими. В них всегда присутствовал бронзовый обнаженный воин, скачущий на фоне гор, туч, огня. Гремел гром. Наконечник его поднятого копья сверкал в свете молний.

От этих видений во мне просыпались инстинкты и суеверия моего народа; ведь сны всегда играли важную роль в жизни индейцев. Надо мной нависла тень окровавленного томагавка, появилась потребность, неукротимая тяга

к насилию, которую, как я начал опасаться, сможет утолить только кровь. Ночью я метался на постели, пытаюсь заснуть, боясь, что меня захлестнет неудержимый прилив из сумеречных, бездонных глубин подсознания. И тогда я начну убивать — неожиданно, жестоко и, по понятиям белого человека, беспричинно.

Я не хотел убить людей, никогда не причинявших мне никакого вреда, и отправиться потом за это на виселицу. Хотя я презирал (как и до сих пор презираю) философию и кодекс белого человека, тем не менее материальные блага цивилизации я считаю (и считал) вполне желанными, поскольку мне запрещено вести дикую жизнь, какую вели мои предки.

Я пытался погасить эти первобытные, смертоносные инстинкты с помощью спорта, но обнаружил, что американский футбол, бокс и борьба только усиливают их. Чем яростней я бросался в схватку, не жалея свое крепкое, мускулистое тело, тем меньше удовлетворения получал от борьбы и тем больше тянуло меня к чему-то такому, чего я и сам не понимал.

Наконец мне стало ясно, что одному с этой ситуацией не справиться. И я отправился, но не к врачу или психологу, а в округ, где родился, и отыскал Орлиное Перо.

Старый шаман жил в одиночестве среди гор, презирая обычаи белого человека. В обычной своей одежде я сидел, скрестив ноги, в его типи из древних шкур бизона и, рассказывая, время от времени опускал руку в стоящий между нами котелок с тушеным мясом. Орлиное Перо

был с отрядом тех, кого генерал Маккензи достиг в Пало-Дуро. Когда генерал приказал перестрелять лошадей индейцев, он обрек Орлиное Перо на нищету, так как богатство шамана, да и всего племени, заключалось именно в лошадях.

Шаман выслушал меня, не говоря ни слова, и после этого сидел не двигаясь, уронив голову на грудь, почти касаясь морщинистым подбородком ожерелья из зубов пауни¹. В тишине ночи вздыхал ветер и зловеще ухала в чаще леса сова. Наконец шаман поднял голову и сказал:

— Воин, которого ты видишь в снах, тот, кем ты некогда был. Он приходит вовсе не для того, чтобы уговорить тебя схватиться за томагавк и проливать кровь бледнолицых. Это зов предков, звучащий в твоей душе. Ты происходишь из древнего рода воинов. Твой дед скакал рядом с Одиноким Волком и Петой Ноконой. Он снял много скальпов. Если ты не найдешь какую-то отдушину, твоим разумом рано или поздно овладеет кровавое бешенство и духи предков започуют у тебя в голове. Тогда ты станешь убивать словно во сне, без всякой на то причины. И тебя повесят. Негоже команчу встретить смерть, задохнувшись в петле. Повешенный не может спеть песню смерти. Душа его не покинет тело, а вынуждена будет вечно обитать под землей, вместе с гниющими костями... Ты не можешь быть воином. Эти времена минова-

¹ Пауни — индейское племя. (Прим. переводчика.)

ли. И все же есть способ... Если б ты смог вспомнить... Всякий команч после смерти уходит на время в Страну Счастливой Охоты, отдохнуть и поохотиться на белого бизона. Потом, спустя сто лет, он возвращается в племя... если его дух не погибает с потерей скальпа. Но он не помнит прежней жизни. А если помнит, то немного. Есть колдовство, способное пробудить воспоминания, — сильное и ужасное колдовство, которое обычному человеку не пережить. Я-то помню свои прежние воплощения. Помню людей, в телах которых обитала моя душа в былые века. Я могу бродить в тумане и говорить с великими, чей дух еще не возродился, — с Куоно Паркером и Петой Ноконой — его отцом, и с Железной Рубашкой — его отцом — с Сатантой из племени кива, и Сидящим Бизоном из рода Огалалла, и многими другими... Если ты храбр, то сможешь вспомнить и заново прожить свои прежние жизни. Тогда ты успокоишься, узнав о своей былой доблести и силе.

Рассказывать ли вам о ритуале? Обряд проходил в горах, на глазах у одного лишь Орлиного Пера. Я выдержал такую пытку, какая обычному человеку может привидеться только в кошмарах. Это очень древняя магия, тайная магия, о которой всеведущие антропологи даже не догадываются. Она всегда принадлежала команчам, и тайный обряд мог выполнять только шаман. Сиу позаимствовали из нее ритуалы для своего танца солнца, а арикара одолжили у сиу часть ее для танца дождя. Это колдовство суро-

во и жестоко — никаких кричащих толп женщин и воинов, способных вдохновить человека, укрепить его дух боевыми песнями...

Шрамы на моей спине остались и по сей день, такие глубокие, что можно кулаки засунуть. Орлиное Перо глубоко рассек мои мускулы и продел сквозь них сыромятный ремень, крепко связав их. Потом перебросил ремень через ветку дуба и с помощью силы, которую можно объяснить только колдовством, поднял меня над землей, так что ноги мои стали болтаться высоко над травой. Он закрепил ремни, а сам стал бить в барабан из кожи, снятой с живота вождя липанов. Зловещий грохот лишь усиливал мои мучения, смешиваясь с шорохом ледяного ветра.

Ночь все тянулась и тянулась. Звезды скользили по небу. Ветер то замирал, то начинал дуть с новой силой. Барабан продолжал монотонно выстукивать свою дробь, и постепенно звук его стал меняться. Это был уже не барабанный бой, а грохот копыт неподкованных коней, несущихся по прерии. Уханье совы превратилось в крик смерти, вырывавшийся из глоток древних воинов. Мой взор затуманил ревущий костер, вокруг которого прыгали и пели черные фигуры. Я больше не раскачивался, свисая на окровавленных ремнях с ветки дуба, а стоял, выпрямившись во весь рост, у столба пыток. Ноги мне лизало пламя, а я пел свою песню смерти, бросив вызов врагам. Во мне боролись сто личностей (мои бывшие воплощения), до тех пор пока не осталось ни времени, ни пространства,

ни прошлого, ни настоящего. Теперь для меня существовал лишь крутящийся смерч людей, событий и образов. А потом хаос исчез, отброшенный в никуда бронзовым, раскрашенным, торжествующим всадником на коне, чьи копыта высекали искры. Воин-команч несся на фоне пылающего занавеса темного заката.

Когда они проскакали, мой измученный разум сдался, и я потерял сознание.

В сером свете зари, пока я висел, обмякнув и лишившись чувств, Орлиное Перо привязал к моим ногам черепа бизонов, которые, как сокровища, хранил с давних времен. Под их тяжестью кожа и жилы прорвались. Я упал на траву у подножия древнего дуба. Боль от этой свежей раны оживила меня, но боль изрезанного и изодранного тела ни в какое сравнение не шла с великим прозрением. В тот темный предрассветный час, когда барабан перемешал прошлое и настоящее, знание, которого я добивался, пришло ко мне. Боль была необходима — она помогла преодолеть сознательную часть души, управляющую материальным телом. Я пробудился, но память о прошлых воплощениях осталась. Называйте это как угодно, хоть психологией, хоть магией. Меня больше не будут мучить неопределенные образы, тяга к насилию, которая была всего лишь инстинктом, созданным тысячей лет скитаний, охот и битв. Я мог найти облегчение в воспоминаниях, снова пережив яркие дни своего прошлого. Так что...

Я помню много жизней, череда которых протянулась в такую далекую древность, что исто-

рики изумились бы, узнав об этом. И вот что я обнаружил: жизни команча разделялись отнюдь не сотней лет. Иногда возрождение происходило почти сразу же, иногда между воплощениями проходило много лет. Не знаю, чем это можно объяснить.

Я, Джон Гарфилд, был неким Эзатемой, скакавшим рядом с Куоно Паркером и Сатантой из племени киова. Меня убили в битве при Адоб-Уоллс летом 1874 года. Между Эзатемой и Джоном Гарфилдом я пережил недолгое воплощение в теле слабого ребенка-урода, родившегося во время бегства племени команчей из резервации в 1878 году и оставленного умирать где-то на бесплодных западных равнинах. Я был... но стоит ли перечислять все жизни и тела, что были моими в прошлом? В моей памяти сокрыты воспоминания бесконечной цепи раскрашенных, обнаженных фигур в перьях, протянувшейся далеко в незапамятные времена... во времена настолько отдаленные и немыслимые, что я сам не решаюсь переступить их порог.

Мое племя очень древнее; оно уже было древним, когда мы жили в горах к северу от Йеллоустона и путешествовали пешком, навьючив на собак свои скудные пожитки. Исследования белых людей остановилось на этом периоде нашего прошлого. Так оно и лучше для их душевного спокойствия и их прекрасно упорядоченных теорий относительно истории человечества. Но я могу рассказать вам такое, что вышибет из вас ту улыбочивую снисходительность, с которой вы читаете эту повесть о народе,

уничтоженном вашими предками. Но довольно...

Я расскажу вам о Железном Сердце, Скальпохвате. Из всех тел, что были моими, тело Железного Сердца почему-то кажется мне более тесно связанным с телом Джона Гарфилда из двадцатого века. Именно Железное Сердце я видел в своих снах. Воспоминания о нем, смутные и непонятные, преследовали меня с юности. Мне придется говорить устами Джона Гарфилда, или же мой рассказ окажется всего лишь невнятным бредом, не имеющим для вас ни малейшего смысла. Я, Джон Гарфилд, — человек двух миров, с разумом, не принадлежащим целиком ни индейцам, ни белым. Но я все же худо-бедно могу понять и тех и других.

Имейте в виду, есть много такого, о чем я умолчу. Есть сцены жестокости и дикости. Я — Джон Гарфилд — считаю их естественными для той жизни, какую вел Железное Сердце. Но вы не поймете, не сможете понять эту жестокость и в ужасе отвернетесь. Есть и другие вещи, о которых я лишь упомяну. У варварства свои пороки, свои слабости, и их не меньше, чем у цивилизации. Ваши цинизм и утонченность — слабые и ребяческие по сравнению со стихийным цинизмом и утонченностью того, что вы называете дикостью.

Я расскажу вам о Железном Сердце и об ужасе, который он повстречал, Ужасе из Неведомых Времен, который был древнее, чем забытые развалины в джунглях Юкатана.

Железное Сердце жил во второй половине шестнадцатого века. События, о которых пой-

дет речь, должно быть, произошли где-то около 1575 года. Мы спустились с гор Шошони, стали жителями равнин и охотниками на бизонов, следуя за стадами пешком от Большого Невольничьего озера до Мексиканского залива. Путешествие моего племени оказалось долгим и утомительным. Но появление лошадей изменило нашу жизнь... изменило нас за довольно короткий срок, превратив из нищих голых скитальцев в непобедимых воинов, оставивших кровавый след завоеваний на равнинах от деревень черноногих на реке Биг-Хорн до испанских поселений в Чихуахуа.

Историки говорят, что команчи пересели на коней в 1714 году. На самом деле мы уже больше века ездили верхом. Когда пришел Коронадо, искавший легендарные Города Сиболо, мы уже стали расой наездников. Детей сажали на лошадей раньше, чем учили ходить. Когда мне, Железному Сердцу, исполнилось четыре года, я уже ездил на собственной лошадке и сторожил табун.

Железное Сердце был человеком могучим, среднего роста, коренастым и мускулистым, как и большинство представителей его племени. А что касается имени... У меня был брат чуть постарше меня, которого звали Красный Нож. Среди индейцев не часто встретишь дружных братьев, но я пылко восхищался Красным Ножом и тянулся к нему, как только может юноша тянуться к старшему брату.

Это был век переселений. Мы пока еще не добрались до каньона Пало-Дуро, будущей ко-

лыбели племени. Наши северные пастбища простирались севернее реки Платт, хотя постепенно мы все чаще и чаще вторгались на Застолбленные Равнины юга, гоня перед собой апачей. Сто двадцать пять лет спустя мы навсегда сломали их мощь в семидневной битве на реке Уичито, и они, разбитые наголову, отступили в горы штата Нью-Мексико. Но во времена Железного Сердца апачи все еще считали южные прерии своим владением, а мы воевали больше с сиу, чем с ними.

Вот воины сиу и убили Красного Ножа.

Они захватили нас врасплох неподалеку от берега Платта, примерно в миле от крутого холма, чья вершина была покрыта чахлыми зарослями. К этому-то холму мы устремились, думая только об одном: «Это не обычный набег!» Нападение сиу смахивало на вторжение, к тому же к ним присоединились тетоны, брулы и янктоны. Врагов собралось тысячи три, они намеревались напасть на стойбище команчей, расположенное несколькими милями южнее. Если племя не предупредить, сиу захватят его врасплох и уничтожат. Я успел добраться до холма, а конь Красного Ножа, споткнувшись, упал вместе с всадником, и сиу схватили моего брата. Они притащили его к подножию холма, на вершине которого я, укрывшись от их стрел, уже готовился послать дымовой сигнал, запалив костер. Сиу и не пытались атаковать меня, так как знали, что напорются на мое копьё и стрелы. К тому же тропинка, ведущая вверх, была только одна. Враги крикнули мне, что если я не

подам сигнал, то они подарят Красному Ножу быструю смерть и поедут дальше, не трогая меня.

Красный Нож крикнул:

— Зажигай костер! Предупреди наш народ! Смерть сиу!

И тогда враги стали пытаться моего брата. Но я не обращал на это внимания, хотя прерия у меня перед глазами плыла в красной пелене. Сиу медленно разрезали его на куски, а Красный Нож смеялся над ними и пел свою песню смерти, пока не захлебнулся собственной кровью. Он прожил намного дольше, чем простой смертный. Дым тем временем закружился, поднимаясь к небу и предупреждая мое племя.

Сиу поняли, что потеряли преимущество внезапной атаки, вскочили на коней и ускорились еще до того, как первая тучка пыли на юге отметила приближение моих братьев-воинов. Жизнь своего брата я заплатил за жизнь племени и получил новое имя. С тех пор меня звали Железное Сердце. Целью моей жизни стала месть. Я убивал сиу снова и снова, поющими стрелами, разящим копьём, жгущими плоть факелами и маленькими ножами для разделки мяса... Я стал Железным Сердцем, Скальпохватом, Мстителем.

Скачущий-с-Громом... Вспыхивали молнии, удары грома катились над прерией, заставляя прятать голову даже самых храбрых воинов, а я пускал коня вскачь. Потрясая копьём, я распевал о своих деяниях, не обращая внимания ни на богов, ни на людей. Страх, казалось, умер в

моем сердце там, на холме, когда я смотрел, как под тетонскими ножами расстается с жизнью мой брат. И только один раз страх все же пробудился вновь. Вот об этом-то я вам и расскажу.

Осенью 1575 года около сорока наших воинов отправились на юг, чтобы нанести удар по испанским поселениям. Стоял сентябрь, который позже станет месяцем войны — когда мужчины отправляются на юг за лошадьми, скальпами и женщинами. Уже во времена Железного Сердца этому обычаю было не меньше сорока лет.

Мы собирались добыть лошадей, но в тот раз так и не достигли Рио-Гранде. Мы свернули в сторону и нанесли удар по липанам на реке, которую теперь называют Сан-Саба. Глупая выходка, но мы были молодыми воинами, и нам не терпелось пересчитать налобные повязки наших старинных врагов. Мы еще не усвоили, что лошади — поважнее женщин, а женщины — поважнее скальпов. Мы захватили липанов врасплох и устроили настоящую резню. У липанов было заключено перемирие с людоедами-тонкева, непримиримыми врагами команчей. Раз и навсегда мы свели счеты с тонкева лишь зимой 1864 года. Тогда мы стерли с лица земли их резервацию Кларк-Форк в Бразосбе. Эзатема участвовал в той битве, и он (я!) окунал руки в их кровь с такой радостью, словно помнил события далекого прошлого своего племени.

Но осенью 1575 года до той резни было еще много-много лет. Преследуя удирающих сломя

голову липанов, мы наскочили напрямиком на тонкева и их союзников уичито.

Вместе с липанами против нас выступило около пятисот воинов — слишком много даже для команчей. Кроме того, мы сражались в сравнительно лесистой местности. Тут у наших врагов было преимущество, потому что мы, рожденные и выросшие в прериях, предпочитаем драться на открытом пространстве.

Наконец мы, всего пятнадцать воинов, вырвались из лесов и бежали на север. Тонкева преследовали нас почти сто миль даже после того, как липаны бросили погоню. Как они ненавидели нас! И потом, каждому тонкева не терпелось набить живот мясом команча, должным образом поджаренного. Людоеды верили, что от этого боевой дух команча переходит к пожирающему. Мы тоже в это верили, вот поэтому мы так и ненавидели тонкева, испытывая, разумеется, и естественное отвращение к людоедству.

Апачей мы встретили неподалеку от горы Дабл-Форк в Бразосбе. Нам потребовалось немного времени, чтобы нанести им удар. Мы двинулись на юг, а они осталисьлизывать раны в зарослях чапаррели, хоть и горели желанием отомстить. Чуть позже им удалось нас нагнать. Бой оказался коротким. От сорока воинов, которые столь гордо отправились на юг, осталось только пятнадцать. И всего пять всадников перевалило через хребет Кэпрок... тот хребет со множеством ущелий и проходов, что протянулся через прерии, словно гигантская ступень к землям, расположенным намного выше.

Я мог бы рассказать вам, как воевали индейцы прерий. На нашей планете раньше никогда не видывали таких боев и никогда больше не увидят, ибо все это минуло в прошлое. От Молочной реки до Мексиканского залива индейцы сражались одинаково — верхом, неожиданно налетая, осыпая врагов градом стрел с древками из кизила и кремневыми наконечниками. Индейцы атаквали, разворачивались, отступали, заманивая врага. А та стычка у Кэпрока ничуть не походила на бой между индейцами. Нас было пятнадцать, и мы сражались против сотни апачей. Когда они нас нагнали, уже разгорался закат, иначе сага о Железном Сердце на этом бы и закончилась, а его скальп коптился бы у очага какого-нибудь апача вместе с десятком других, снятыми в тот день тиграми прерий.

Но когда наступила ночь, нам удалось рассеяться и уйти от врагов. Мы вновь соединились, уже поднявшись на Кэпрок — усталые, голодные, с пустыми колчанами, на измотанных лошадях. Теперь нас осталось пятеро. Иногда мы шли пешком и вели коней в поводу, что само по себе говорит о том, в каком они были состоянии, ведь команч никогда не пойдет пешком, если можно ехать на коне. Мы следовали на север, отклоняясь на запад — в эти края никогда не заезжал никто из команчей. Таким образом мы надеялись ускользнуть от своих непримиримых врагов. Наш маленький отряд оказался в самом сердце страны апачей, и никто из нас не питал ни малейшей надежды когда-нибудь доб-

раться живым до нашего лагеря на Симарроне. Но мы продолжали упорно пробираться через огромную безводную пустыню, где даже кактусы не росли и где на твердой, как железо, земле не оставляли следов копыта лошадей.

Должно быть, к рассвету мы пересекли какую-то черту. Точнее выразиться я не могу. На самом-то деле не было там никакой черты, и все же в какой-то миг все мы поняли, что вступаем в иную страну. И люди, и животные это почувствовали. Мы все шли пешком, вели лошадей в поводу и вдруг все разом попадали на колени, словно сбитые с ног землетрясением. Лошади зафыркали, стали бить копытами и, не будь они слишком слабыми, вывалились бы на волю и удрали.

Но мы настолько устали и забрались слишком далеко, чтобы испугаться или хотя бы задуматься об этом. Мы потащились дальше, обратив, правда, внимание на то, что небо заволокло тучами, а звезды стали тусклыми и совсем невидимыми. Более того, ветер, который почти беспрестанно дул на этом огромном плато, внезапно стих. Мы шли по равнине в ужасной тишине все время на север до тех пор, пока не рассвело. Наступил день, сумрачный и тусклый.

Мы решили, что попали в страну духов, каким-то образом ночью пересекли черту, что отделяла эту таинственную страну от естественного мира. Сама местность не изменилась: во все стороны от горизонта к горизонту тянулась плоская и однообразная равнина. В воздухе плавал какой-то сумрачный туман. Взошло солнце, оно

выглядело бледным, водянистым и больше походило на луну, чем на солнце. Воистину мы ступили в Затемненную Землю — мрачную страну, о которой до сих пор шепчут у костров чероки, хотя откуда они узнали о ней — неведомо.

Впереди на равнине виднелось скопление конических типи. Сев на усталых лошадях, мы медленно поехали туда. Инстинкт подсказывал нам, что там нет никого живого. Перед нами лежало стойбище мертвых. Мы молча сидели на лошадях, съевшись под свинцовым небом. Во все стороны протянулась однообразная пустыня; к западу от нас туман сгустился. Сквозь него ничего не было видно.

Котопа содрогнулся и отвел взгляд, прикрывая рот ладонью.

— Это заколдованное место, — сказал он. — Находиться здесь не к добру.

Но я был Железным Сердцем. Страх во мне давно умер. Я направил своего испуганного коня к ближайшему типи (а все они были из шкур белых бизонов) и откинул в сторону полог. И тут по коже моей поползли мурашки — я увидел обитателя этого жилища.

Существовала одна старая легенда, забытая больше сотни лет назад. При жизни Железного Сердца она уже превратилась в смутный и искаженный слух. Но порой старики еще рассказывали о том, как давным-давно, еще до того, как сложились ныне существующие племена, с севера, тогда населенного множеством диких и страшных народов, пришло одно племя. Оно двигалось на юг, убивая и уничтожая все на

своим пути, до тех пор пока не рассеялось на великих равнинах юга. Старики говорили, что эти люди севера ушли в туман и исчезли. И вот предо мной лежал один из воинов этого ужасного народа.

Великан ростом не менее семи футов растянулся на медвежьей шкуре внутри типи. Его могучие плечи и руки бугрились мускулами. Неприятное лицо, тонкогубое, с выпирающей челюстью, покатым лбом и спутанной гривой лохматых волос. Рядом с ним лежал топор из камня, который, как теперь я знаю, называется зеленым нефритом. Топор был вставлен в расщепленное топориче из странного твердого дерева. Мне захотелось завладеть им, хотя рукоять казалась слишком длинной и выглядел он чересчур тяжелым для конной схватки.

Я просунул копье внутрь типи и, подцепив топор, выволок его наружу, смеясь над возражениями своих спутников.

— Никакого святотатства я не совершаю, — заявил я. — Это же не вигвам смерти, куда воины уложили тело великого вождя. Этот человек умер во сне, как и все они. Уж не знаю, почему он пролежал здесь столько веков и его не сожрали ни волки, ни сарычи. И почему не сгнило его тело — мне тоже непонятно, но эта страна заколдованная. А топор я возьму себе.

И только я хотел спешиться и взять топор, как неожиданный крик заставил нас всех резко обернуться. Мы оказались лицом к лицу с пауни в полной боевой раскраске, их волосы были заплетены в длинные, волочащиеся по земле

косы, как у кроу и миннетари. Среди них была женщина, она сидела на коне и размахивала боевым топором.

Женщины-воины редко встречались среди равнинных племен, еще мгновение, и мы узнали Кончиту — девушку-воина из южных пауни. Она часто водила отряды отборных воинов в дерзкие набеги по всему юго-западу.

В моей памяти четко отпечатались эта картина: стройная, гибкая, надменная девушка великолепно восседает на огромном скакуне, а за спиной у нее толпятся свирепые раскрашенные воины. Кончита была нагой, если не считать короткой, расшитой бусинами юбки, немного не доходившей до середины бедер. Пояс тоже украшали бусины, и на нем висел нож в опять-таки расшитых бусинами ножнах. Ее стройные голени скрывали мокасины, а черные волосы, заплетенные в две толстые, блестящие косы, свисали на голую спину. Алые губы приоткрылись в насмешливом крике, когда она замахнулась на нас топором, управляясь со своим конем без всяких там уздечек и седла, с грацией, от которой дух захватывало. Девушка была чистокровной испанкой, дочерью одного из капитанов Кортеса. Ее похитили во младенчестве с низовьев Рио-Гранде апачи, затем она оказалась у южных пауни. Среди них она и выросла, воспитанная как индейская девушка.

Бой оказался недолгим. Да и как могло быть иначе? Их было двадцать на сравнительно свежих лошадях, а нас — пятеро усталых команчей на измученных лошадях. В тумане пауни нас не

видели, как и мы их, пока не столкнулись вплотную. Увидев наши пустые колчаны, они решили прикончить нас копьями и палицами. На меня набросился высокий воин с лицом в шрамах. Он ударил меня копьем, и я развернул лошадь, которая из последних сил отозвалась на давление моего колена. Никакой пауни не смог бы сравниться с команчем в бою, даже южный пауни. Копье просвистело мимо моей груди, и, когда конь и всадник пронеслись мимо, увлекаемые инерцией, я вогнал в спину врага свое копье так, что наконечник вышел у него из груди.

Пронзая противника, я краем глаза заметил еще одного воина, направлявшегося ко мне слева, и попытался снова развернуть лошадь, одновременно высвобождая копье. Но лошадь моя вконец вымоталась. Она закачалась, словно каноэ, идущее на дно в быстром течении Миссури, и палица пауни обрушилась на меня. Я метнулся в сторону и спас свой череп, но палица с силой ударила меня по плечу. Удар сбросил меня с лошади. Я, как кошка, приземлился на ноги, выхватил нож, но тут чей-то конь толкнул меня, и я повалился наземь. Это была Кончита. Когда я с трудом поднялся на ноги, всадница грациозно прыгнула с коня и занесла над моей головой окровавленный топор.

Я увидел тусклый блеск лезвия и понял, что не смогу избежать удара... И тут девушка застыла с поднятым топором, широко раскрытыми глазами уставившись поверх моей головы на что-то позади меня. Помимо своей воли я повернулся и тоже посмотрел туда же.

Остальные команчи уже отправились в Страну Счастливой Охоты, оставив бездыханными пятых пауни. А все оставшиеся в живых замерли, как и Кончита. Один даже застыл с ножом с зубам, стоя на коленях на спине мертвого Котопы и срывая скальп.

На западе туман разошелся, и стали видны стены и плоские крыши странного сооружения. Оно было похоже, и все же странно не похоже, на пуэбло индейцев, выращивавших кукурузу далеко на западе. Подобно пуэбло оно было сложено из глиняных кирпичей, да и архитектурой напоминало подобные строения. Из этого здания вышла цепочка странных фигур... Невысокие люди, одетые в наряды из ярко окрашенных перьев и несколько напоминавшие индейцев, живущих в пуэбло. Они были без оружия и держали в руках только веревки из сыромятной кожи и кнуты. Шедший впереди — более высокий и сухопарый мужчина в головном уборе из перьев — нес в левой руке странный, похожий на щит диск из сверкающего металла, а в правой — медный молот.

Эта странная процессия остановилась перед нами, и мы уставились на них — девушка-воин с все еще занесенным топором, пауни, пешие и конные, раненые и я, привставший на колено. Кончита, неожиданно почувствовав опасность, отчаянно выкрикнула приказ. Она, забыв обо мне, шагнула вперед, размахивая топором. Когда пауни приготовились к атаке, человек с перьями грифа в волосах ударил молотом в диск, и на нас, словно невидимая пантера, обрушился

страшный грохот. Он походил на удар грома и звучал столь громко, что казался почти осязаемым. Кончита и пауни рухнули как подкошенные. Лошади их взвились на дыбы и рванули прочь. Девушка покатила по земле, крича от боли и зажимая уши. А я был Железным Сердцем, команчем, и звук не мог испугать меня.

Я одним прыжком вскочил с земли с ножом в руке, хоть череп мой, казалось, раскалывался от этого ужасного звука. Я метнулся к тому человеку, кто носил головной убор с перьями грифа, целя ему в горло. Но мой нож так и не впился в его тело. Снова он ударил в ужасный гонг, и звук сразил меня, словно удар могучего воина, отшвырнув как тряпичную куклу. И в третий раз молот коснулся гонга. Казалось, земля и небо раскололись надвое от оглушающего звука. Я упал на землю, словно сраженный палицей.

Когда я снова смог видеть, слышать и думать, то обнаружил, что руки у меня связаны за спиной, а шею стягивает сыromятный ремень. Мне велели подняться, а затем погнали к зданию, напоминавшему пуэбло. С Кончитой и ее пауни поступили точно так же, за исключением одного тяжелораненого. Ему перерезали горло его же ножом и бросили к остальным мертвецам. Один из пленивших нас поднял топор, что я выволок из типи, и стал с любопытством его разглядывать, а потом забросил себе на плечо. Чтобы проделать это, ему пришлось взяться за рукоять обеими руками.

Спотыкаясь, побрели мы к зданию. Время от времени нас подгоняли, шелкая сыromятными

плетьюми. Но больше всего доставалось Кончите. Человек, который вел ее, постоянно грубо дергал за веревку, стоило девушке чуть замедлить шаг. Пауни пали духом. Они были самыми воинственными из всего своего племени и принадлежали к ветви, которая жила у истоков Симаррона.

Здание (Железное Сердце именовал бы его вигвамом или пуэбло) стояло на небольшом возвышении, окруженное стеной, в которой зияли ворота. На одной из плоских крыш, поднимавшихся ярусами, мы увидели фигуру, закутанную в мантию из блестящих перьев. Человек в мантии властно махнул рукой, затем величественно проследовал к дверям и исчез.

Столбы ворот были бронзовыми, с резными изображениями пернатого змея, при виде которого пауни содрогнулись и отвели взгляды. Как и все индейцы прерий, они помнили об ужасах прошлого, когда великие и страшные царства далекого юга воевали с дикарями далекого севера.

Нас провели через двор. Поднявшись по бронзовой лестнице, мы очутились внутри строения, и всякое сходство с пуэбло исчезло. Некогда подобные дома высились в больших городах среди переполненных змеями джунглей далекого юга. Тогда же в наших душах зашевелились отзвуки древних легенд.

Мы вошли в просторное круглое помещение с отверстием в куполе, откуда струился сумрачный свет. В центре высился черный каменный алтарь с желобами по краям. Перед ним на троне из человеческих костей, заваленном ме-

хами, восседал тот человек, которого мы видели на крыше.

Это был высокий стройный индеец. Выражение его узкого, ястребиного лица говорило о том, что он презирал низменные человеческие страсти, такие, как милосердие или любовь.

Он обвел нас высокомерным, насмешливо-циничным взглядом, и пауни опустили глаза. Даже Кончита вздрогнула и отвела взор. Но я был Железное Сердце, команч, и страх во мне спал. Я выдержал пронзительный взгляд не моргнув глазом. Он долго смотрел на меня и через минуту заговорил на языке, бывшем в старые времена торговым языком прерий, который понимало большинство индейцев-всадников.

— Ты похож на дикого зверя. В твоих глазах горит огонь убийства. Разве ты не боишься?

— Железное Сердце — команч, — презрительно ответил я. — Есть ли что-нибудь такое, чего он боится! Его топор все еще готов раскалывать головы врагам. Спроси у сиу, апачей, киова, шайенов, липанов, кроу, пауни! Если б с команча спустили шкуру, а кожу разрезали бы на куски не шире ладони и каждый кусок положили бы на голову убитого им воина, то мертвых было бы больше, чем кусков!

Несмотря на страх, пауни нахмурились от такой похвальбы. Сидящий же на троне весело рассмеялся:

— Крепок, силен. Его тщеславие придает ему храбрость, — сказал он сухопарому индейцу с гонгом. — Такой воин многое вынесет, Ксототл. Поместика-ка его в последнюю камеру.

— А женщину, Повелитель Тумана? — спросил, низко кланяясь, Ксототл.

— Проводи ее в Золотые Покои, — распорядился Повелитель. С любопытством он взглянул на нефритовый топор, который положили на алтарь. — Да это же топор Гуара, вождя северян! — воскликнул он. — Гуар поклялся, что его топор когда-нибудь раскроит мне череп! Но он и все его племя умерли в своих вигвамах из шкур карибу много веков назад. Мне не хотелось бы вспоминать о тех временах! Оставьте топор на алтаре, уведите пленных! Сначала я поговорю с девушкой, а потом устроим развлечения, какие бывали во времена Золотых Царей!

Нас вывели из круглого зала и провели через ряд просторных помещений. Их заполняли прекрасные женщины, на которых не было ничего, кроме золотых украшений. Они с интересом разглядывали нас, а указывая на Кончиту, смеялись над ней сладким, тихим, злым смехом.

Мы оказались в длинном коридоре, куда выходило множество крепких дверей. Каждый раз, когда мы проходили мимо такой двери, ее открывали, и в камеру, куда она вела, бросали одного из воинов пауни. Я был последним, и, когда меня потащили в камеру, я увидел ужас в глазах прекрасной Кончиты. Ее тюремщики поволокли дальше. Я же остался лежать на полу со связанными сыромятным ремнем ногами. Ни еды, ни воды мне не дали.

Вскоре дверь моей темницы снова открылась, и, подняв взгляд, я увидел Повелителя Тумана, который смотрел на меня сверху вниз.

— Бедный дурачок! — пробормотал он. — Мне почти жаль тебя! Кровожадный зверь прерий, с гордостью рассказывающий о скальпах и убийствах. Дурак! Скоро ты будешь молить о смерти!

— Команч не кричит у столба пыток, — ответил я, и в глазах у меня все поплыло от ярости. Мои мышцы напряглись и вздулись. Сыромятные ремни врезались в тело, но выдержали. Повелитель Тумана рассмеялся и молча покинул камеру, закрыв за собой дверь. Снаружи задвинули засов.

Того, что случилось дальше, я не видел и узнал об этом намного позже. Ксототл отвел Кончиту по лестнице наверх, в комнату, где стены, пол и потолок были из золота. Там стояло золотое ложе, застеленное мехом каланов. Ксототл развязал девушку и мгновение разглядывал ее с горячим желанием в глазах. Потом, мрачно и неохотно отвернувшись, он вышел, заперев за собой дверь. Кончита осталась одна. Вскоре к ней явился Повелитель Тумана, закутанный в свою странную мантию из ярких перьев. Вслед за ним в комнату вполз гигантский змей.

Повелитель Тумана рассказал девушке, что был магом древнего-преддревнего царства, которое пришло в упадок еще до того, как в него забрели варвары-толтеки. Он ушел далеко на север и основал собственное царство на этой унылой равнине, напустив вокруг колдовской туман. Одно из племен индейцев, живших в пуэбло, обратились к нему за помощью — их

осадили пришельцы с севера. Поколдовав, Повелитель Тумана принес смерть северянам. Но колдун оставил их лежать в собственных вигвамах и сказал индейцам, что может вернуть их врагов к жизни, если пожелает. Под его жестокой властью племя вымирало, и ныне в живых осталось не больше сотни. Сам Повелитель Тумана бессмертным не был, но собирался прожить еще очень долго.

Потом Повелитель Тумана покинул девушку. Вслед за ним бесшумно уполз во всем послушный ему змей. Этот змей пожрал множество подданных зловещего колдуна...

Лежа в камере, я слышал, как воинов-пауни одного за другим вытаскивали из камер и волокли по коридору. Прошло много времени, прежде чем я услышал ужасный вопль. Какая же пытка могла вырвать такой крик из горла южного пауни? Мне не раз приходилось быть свидетелем того, как южане смеялись под ножами, когда с них снимали скальпы. Вот тогда во мне снова проснулся страх — не столько физический, сколько страх перед неизвестностью. Я боялся, что не выдержу пытки, закричу и тем самым навлеку позор на народ команчей. Я лежал и слушал крики пауни. Каждый воин кричал только один раз.

Тем временем Ксототл явился к Кончите с глазами, горящими от вожделения.

— Ты нежная и мягкая, — промямлил он. — Я устал от наших женщин.

Он крепко обнял девушку и вынудил ее опуститься на золотое ложе. Кончита не сопротив-

лялась, но кинжал, висевший на поясе Ксототла, неожиданно оказался у нее в руке. Она стремительно вонзила клинок в спину насильнику. И прежде чем Ксототл закричал, закрыла ему рот поцелуем. Упав с ним навзничь на постель, девушка снова и снова пронзала его тело, пока он не перестал шевелиться. Потом она выскользнула за дверь, прихватив по дороге лук, еще один нож и несколько стрел.

Мгновение спустя Кончита уже была в моей камере. Она склонилась надо мной. Ее большие глаза метали молнии.

— Быстро! — прошипела девушка. — Он убивает последнего из пауни! Докажи, что ты мужчина!

Нож был остер, клинок тонок, но сыромятный ремень крепок. Наконец девушка справилась с ним. Я вскочил на ноги — нож за поясом, лук и стрелы в руках.

Мы выбрались из камеры и осторожно пошли по коридору. Через некоторое время нам навстречу попался охранник. Бросив оружие, я схватил его за горло прежде, чем он успел закричать, и, повалив на пол, задушил.

Поднявшись по лестнице, мы оказались у дверей круглого зала. На пороге нас встретил гигантский змей, угрожающе свернувшийся в кольца при нашем приближении. Я поспешил всадить стрелу глубоко в глаз рептилии. Потом мы осторожно прошли мимо твари, корчившейся в предсмертной агонии.

Мы проникли в зал и увидели последнего пауни, умиравшего на алтаре в страшных му-

ках. Когда Повелитель Тумана повернулся к нам, я пустил ему в грудь стрелу. Она отскочила, не причинив никакого вреда. Со второй стрелой произошло то же самое.

Отбросив лук, я бросился к врагу с ножом в руке. Мы покатались по залу, стараясь сжать друг друга в смертоносном захвате. Мне повезло, что он был в зале один — его челядь в страхе разбежалась.

Мой нож, как я ни старался, не смог пробить странную, облегающую тело одежду, которую носил колдун под мантией. А до горла или лица колдуна мне было не дотянуться. Наконец Повелитель Тумана отшвырнул меня в сторону и уже готов был пустить в ход свою магию, когда Кончита остановила его криком:

— Мертвые встают из вигвамов северян. Они идут сюда!

— Ложь! — закричал колдун, но лицо его стало пепельным. — Они мертвы! Они не могут восстать!

Он метнулся к окну, а потом резко повернул назад, разгадав ловушку. Недалеко от меня лежал топор Гуара-северянина, могучее оружие иного века. Я успел схватить топор и, высоко занеся его, прыгнул вперед. Когда Повелитель Тумана снова повернулся ко мне, в его глазах вспыхнул страх. Топор разрубил ему череп, разбрызгав мозги по полу.

Грянул раскат грома. Над равниной пронеслись огненные шары. Пол и стены заходили ходуном. Мы с Кончитой бросились бежать, нас сопровождали вопли тех, кто остался в здании.

Когда занялась заря, оказалось, что над равниной больше нет никакого тумана. На земле вокруг нас тлели многочисленные кости.

— А теперь мы отправимся к моему народу,— заявил я, беря девушку за запястье.

Но Кончита попыталась вырваться, презрительно крикнув:

— Собака команч! Да ты жив только благодаря моей помощи! Ступай своей дорогой! Ты годишься только в рабы пауни!

Тогда я схватил ее за блестящие черные косы и швырнул на землю лицом вниз. Поставив ногу на спину, я без всякого милосердия отходил ее по голым бедрам и ягодицам, пока она не запросила пощады. Потом я рывком поставил ее на ноги и заставил следовать за собой, ловить лошадей. Она, плача, повиновалась мне, потирая многочисленные кровоподтеки.

Вскоре мы уже ехали на север, к лагерю на реке Канафиэн, и моя красавица уже выглядела довольной. А я понял, что нашел женщину, достойную Железного Сердца, Скачущего-с-Громом.

КОЛЬЦО СЕТА

П

атрокл, обхватив толстый живот руками, благодушно улыбался. Толпа, заполнившая просторный двор, была многочисленней, чем он ожидал. Состояла она из разнородной массы людей, в основном жителей Рима, прибывших сюда на аукцион. Здесь присутствовали представители по крайней мере дюжины стран. Высокие свет-

ловолосые варвары из дальних земель стояли рядом с тощими юркими семитами и дородными финикийскими купцами. Испанцы и греки степенно прохаживались между надменными, облаченными в высокие тюрбаны персами и смутлыми египтянами. Тут было даже несколько чернокожих эфиопов.

«Необычное сборище для такого тихого городка, как Астура», — размышлял Патрокл, с интересом вглядываясь в пеструю толпу, собравшуюся на площади.

В воротах возникло оживление, когда появилась римская знать в ослепительно-белых тогах. Этих людей, как водится в подобных торжественных случаях, сопровождала многочисленная преторианская гвардия. Толпа мгновенно расступилась, и Патрокл поспешно поднялся на возвышение, приветствуя обладателей белых одежд. Среди знати он сразу узнал высокого, худошавого мужчину со светлыми волосами. Это был сам император Тиберий, вернувшийся в Компань после кратковременного посещения столицы. Рим вновь остался без императора.

— Приветствую тебя, Цезарь, — просиял Патрокл, едва ли не бегом направляясь навстречу процессии. — Я рад, что император посетил нас. Прошу, присаживайтесь здесь, в тени.

— Когда начнется аукцион? — спросил Тиберий, тяжело опускаясь на предусмотрительно подставленное кресло. Преторианцы замерли за спиной императора, другие — сомкнули грозный строй перед мраморным порталом.

— Аукцион начнется, когда того пожелает император. Народ ждет своего Цезаря, — льстиво сказал Патрокл. В присутствии грозного владыки он заметно нервничал, и это немного забавляло императора. Выдержав паузу, во время которой лицо Патрокла стало покрываться потом, Тиберий махнул рукой.

— Начинайте.

Вслед за поданным знаком аукционеры стали подниматься на возвышение. Патрокл, отдав все необходимые распоряжения, удалился под навес, бдительно следя за происходящим. Прибыль обещала быть немалой. Предвкушая изрядный барыш, Патрокл блаженствовал, хотя лицо его сохраняло выражение, приличествующее происходящему.

«Аукцион будет замечательным, и не только потому, что его соизволил посетить сам Тиберий. Император посещает нашу провинцию не чаще, чем умирают такие богачи, как старый Диомед. И не чаще, чем столь богатое имение продается с торгов», — подумал Патрокл.

Диомед слыл чудаковатым старым затворником, который последние годы жизни провел, собирая различные древности и диковины по дальним уголкам земли. Среди римлян многие любили поговорить о его несметных богатствах. Глядя на разношерстную толпу, Патрокл решил, что слухи о наследстве Диомеда проникли далеко за границы империи. Самой же большой неожиданностью нынешнего аукциона было появление императора. Дряхлеющий тиран редко осмеливался покидать свой дворец, располо-

женный на острове Капри. Там, опять-таки — по слухам, Тиберий предавался разнузданным оргиям, чудовищным развлечениям, собственноручно пытая женщин и детей.

Патрокл украдкой взглянул на Тиберия, который наблюдал за происходящим из-под опущенных век. Внешность императора производила сильное впечатление, особенно на людей, впервые видевших старого тирана. Несмотря на более чем семидесятилетний возраст, Тиберий оставался высоким и статным. Черты его лица не потеряли былого величия. Таким он и был изваян на многочисленных статуях, установленных в Риме в самых отдаленных провинциях империи. Разве что сейчас он был сед, и в глазах кроме старческой поволоки сверкали злобные огоньки. Казалось, что император скучает на аукционе. Веки его почти смежились, голова клонилась на грудь.

Патрокл услужливо приблизился, желая поинтересоваться, не остановить ли торги, когда огромные глаза Тиберия неожиданно распахнулись, и Патрокл поневоле отшатнулся.

Меж тем аукцион шел своим чередом. На торги выставили молодую персидскую рабыню, чья красота тотчас же привлекла многих покупателей. Ее купил Гаиус, племянник Тиберия, надменный молодой человек с крупными чертами лица, волосатыми руками и ухмылкой, похожей на волчий оскал. Горящими глазами безумца племянник императора проводил персиянку, которую вели его слуги.

Когда почти все рабы были распроданы, Тиберий начал проявлять нетерпение. Он словно

очнулся от сонной дремы, став раздражительным и недовольным.

— Достаточно, — приказал он Патроклу, — пусть несут золото и драгоценности. Великие боги, я не могу оставаться здесь до заката!

Патрокл, раболепно кланяясь, поспешил известить аукционеров о желании императора. Немедленно два мускулистых эфиопа водрузили на возвышение огромный черный сундук. Один из рабов откинул массивную крышку, открыв содержимое на всеобщее обозрение. От блеска и изобилия драгоценных камней, украшений, золота и серебра по толпе прокатился изумленный вздох. Патрокл, однако, заметил, что взгляд императора оставался холоден.

Глашатай, подняв украшение, лежавшее на самой вершине груди, держал его в вытянутой руке, чтобы каждый из стоявших внизу мог его рассмотреть.

— Сто сестерциев! — прокричал он. — Кольцо выполнено с безукоризненным мастерством. Украшено драгоценными камнями. Кто предложит больше?

— Дай взглянуть, — тихо сказал Тиберий, но его сразу же услышали. Глашатай передал кольцо телохранителю императора, который протянул его старику. Это было необычное украшение. Оно было выполнено с изяществом в виде свернувшегося в три кольца змея, кусающего свой хвост. В глазах из ярко-желтых камней таилось некое подобие жизни.

Император был зачарован безделушкой. Ноздри его раздувались, он пристально смотрел на

кольцо, восхищенно поглаживая тонкие чешуйки длинными пальцами. Затем тиран, словно поддавшись гипнозу, стал всматриваться в желтые глаза рептилии.

— Я возьму его себе, — проговорил он наконец, не отрывая взгляда от кольца. — Двух сотен сестерций, думаю, будет достаточно?

— Более чем достаточно, Цезарь, — просил Патрокл, дивясь несвойственной Тиберию щедрости. — Благодарю тебя, император.

Тиберий, однако, совершенно его не слушал. Он что-то шептал, продолжая вертеть в руках кольцо.

— Никогда не встречал ничего подобного. Здесь сокрыта какая-то темная тайна. Эта штукавина не может быть простой безделушкой для богатых бездельников.

Наконец император нашел в себе силы оторвать взгляд от желтых очей змея. Повернувшись к своему племяннику, он приказал:

— Гайус, заплати две сотни сестерций.

— Я предлагаю три сотни! — вдруг раздался голос из толпы. Патрокл от неожиданности охнул и побледнел.

— Кто это сказал? — спросил он сбивающимся голосом, шаря глазами по рядам покупателей.

— Это сказал я, — отозвался высокий темноволосый мужчина, — и предлагаю за кольцо три сотни сестерциев.

Патрокл наконец разглядел незнакомца лет двадцати, сильная и гибкая фигура которого разительно отличалась от оплывших силуэтов купцов, теснившихся в первом ряду. Из-под тем-

ных бровей мужчины пристально смотрели глубоко запавшие глаза, непокорные волосы разметались по плечам. Патрокл не смог решить, было ли лицо незнакомца красивым или безобразным. Широкий рот с плотно сжатыми губами, высокие скулы, чисто выбритый подбородок. Одет он был в алую тунику и черный плащ. На поясе его висел короткий кривой меч из тех, что используют фракийские гладиаторы на арене. Правая рука мужчины опиралась на длинный темный посох, искусно вырезанный из дерева в форме вьющейся змеи.

— Глупец, — зашипел Патрокл, сбегая вниз и подходя к наглецу, — ты что, не узнал императора Тиберия? Торг закончен, кольцо продано!

— Я знаю императора, — сказал незнакомец, отвесив легкий поклон в сторону сиденья Тиберия, — но я так же знаю закон! Я предложил цену большую, чем Цезарь, и имею право на торг.

Патрокл побледнел, предчувствуя императорский гнев, демонстративно пожал плечами и отошел от опасного безумца. Тиберий, однако, лишь улыбнулся, загадочно щуря глаза.

— Парень прав, — неожиданно сказал старик. В голосе его слышался еле скрытый сарказм. — Сейчас он находится под покровительством законов Римской империи, и негоже императору нарушать их. Я, в свою очередь, подниму цену до четырех сотен. Что ты скажешь на это, юноша?

— Пять сотен сестерциев — мой ответ, Цезарь, — немедленно отреагировал незнакомец.

— Неужели пять сотен? — Казалось, Тиберия охватило какое-то мрачное веселье, от которого по спине Патрокла побежали ручейки холодного пота. — Это кольцо так много значит для тебя? В свою очередь, я вынужден предложить семь сотен. Что скажешь?

От волнения мужчина крепко сжал свой посох, утрюмо нахмурив брови. Внутри него шла какая-то скрытая борьба. Наконец он с большим усилием, словно бы вопреки собственной воле, произнес низким голосом:

— Тысяча... Одна тысяча сестерциев!

Толпа ахнула, и заволновалась, словно море. Тиберий скрестил на животе тонкие пальцы, да так, что Патрокл слышал хруст костей. Император улыбался:

— И это все, на что ты способен?

Незнакомец был утрюм, как туча. Он мрачно молчал, стиснув посох. Люди вокруг него раздались, словно от прокаженного.

— А я скажу — тысяча сто, — произнес ледяным тоном Тиберий и тут же повернулся к племяннику.

— Гаиус, дай уважаемому Патроклу его деньги. И попрощайся. Мы уходим с торгов.

Патрокл жадно схватил деньги, протянутые волосатой рукой Гаиуса, не переставая коситься на смолкшего незнакомца. Как он и ожидал, мужчина вновь нарушил тишину.

— Император Тиберий! — тихо, но уверенно проговорил он. — Ты не должен брать кольцо.

— Что? — Тиберий уже поднимался с кресла, но остановился, услышав незнакомца. Он

повернулся к нему, словно буйвол, ужаленный слепнем. — Что ты сказал?

Тиберий говорил медленно и тихо, как и подобает старику. Однако на толпу пахло таким могильным холодом, что люди отшатнулись от портала. Гаиус крикнул, словно находился не на аукционе в далекой провинции, а на поле боя во главе римской кавалерии.

— Кто смеет указывать Цезарю? Великому императору великого Рима!

— Я говорю это не из дерзости, а лишь чтобы уберечь тебя от роковой ошибки, о Цезарь. Правитель не может носить это кольцо. Надевшего его ждет скорая и мучительная смерть.

— Откуда ты можешь знать? — спросил Тиберий, делая знак преторианцам, чтобы они не трогались с места. Пришедшие было в движение легионеры вновь замерли, как мраморные статуи. В голосе старика звучали нотки угрозы, но он решил выслушать наглеца. Кольцо его интриговало, да и сама ситуация тоже.

— Это кольцо Сета — египетского бога Зла. Жрецы из Пта рассказали мне о его магической мощи. Несколько месяцев назад я узнал, что старый Диомед, этот выживший из ума собиратель древностей, вывез его из Египта в Рим. И вот я здесь. Только Диомед уже мертв.

Незнакомец говорил возбужденно, но речь его не произвела никакого впечатления на Гаиуса. Он пренебрежительно скривил губы.

— Твоя история ничего не стоит. Многие знали, что Диомед был богат и собирал всякие побрякушки по окраинам империи. Да и как

кольцо может нанести вред тому, кто его носит?

— Оно проклято. Это кольцо Сета.

Рядом с незнакомцем раздалось женское хихиканье. Неподалеку оказалось еще несколько весельчаков, и вскоре громкий смех охватил толпу. Гаиус удовлетворенно хмыкнул.

Незнакомец, однако, ничуть не был смущен весельем толпы. Он попросту не замечал людей вокруг, обращаясь только к тем, кто стоял на возвышении. В основном — к самому Цезарю.

— Я не шучу, и я не безумец, император. Выслушай меня. Это очень старое кольцо. некогда оно принадлежало чародею Тот-Амону, жившему сто тысяч лет назад в землях, что ныне именуются Египтом. Уже тогда кольцо было древним. Тот-Амон, используя его силу, вызывал из преисподней демонов. Враги чародея внезапно умирали со следами когтей и клыков на обезображенных телах. Никто не мог сопротивляться силе Тот-Амона. И все же кольцо не было всемогущим. Однажды Тот-Амон использовал его магическую силу против короля, но у того оказался союзник — более могущественный чародей, чем чернокнижник. Сила кольца обернулась против своего владельца. Король продолжал жить, а Тот-Амон умер. Все это произошло в глубокой древности, но до сих пор над кольцом Сета висит проклятие. С тех пор прошло немало лет, и многие правители, плененные красотой кольца, пытались носить его. Но каждый, каждый из них умирал мучительной смертью. Поэтому египетские жрецы отыскивали его и спря-

тали под одним из алтарей. Там кольцо пролежало около тысячи лет, пока любопытство и глупость Диомеда снова не извлекли его на свет. Проклятие вновь шагает по земле, на этот раз — по земле Рима. Берегись, император!

Его рассказ вновь позабавил смешливую толпу, но Патрокл заметил, что египтяне, присутствовавшие на торгах, хранили мрачное молчание.

— Глупец! — наконец сказал Тиберий, закрыв глаза, словно от усталости. — Ты воображал, что можешь напугать правителя империи детскими сказками? Твоя цель — заморочить мне голову и заставить отказаться от кольца? Ты стоишь на пороге могилы, наглец. Назови гражданам Рима свое имя!

— Симон Гитта.

— Тогда взгляни, Симон!

Тиберий медленно поднялся, потом надел кольцо на палец и поднял руку, чтобы каждый в толпе мог это видеть.

— Видишь, Симон Гитта, боги не собираются поражать меня молнией за святотатство. А древних демонов варварских земель я не боюсь.

Раздался одобрительный гул толпы. Симон Гитта покраснел от насмешливых выкриков, летевших со всех сторон в его адрес. Он повернулся, чтобы идти прочь, но тут прозвучал громкий язвительный голос Гаиуса:

— Постой-ка, Гитта, у меня к тебе есть пара вопросов.

Симон дернулся, словно его огрели бичом надсмотрщика, и медленно обернулся к племяннику императора.

— Откуда ты узнал про кольцо? Не иначе как простая алчность заставила тебя пройти полсвета, а?

— Нет, уважаемый Гаиус. Я искал не его магической силы.— Голос Симона был печальным и усталым.— Оно может погубить много людей. Мой наставник, Ка-Нефру, верховный жрец бога Пта в Тибесе и потомственный хранитель кольца, был убит слугой Диомеда. Вместе с последним дыханием жрец объявил мне свою волю — приказал отыскать кольцо Сета и вернуть его в храм. Он на смертном одре предвидел угрозу, нависшую над Римом. Никто не знает, что случится, если кто-то из земных правителей наденет его.

Глаза Гаиуса сверкнули горячими угольями. Симон почувствовал, что на какой-то миг племянник Цезаря поверил ему. Но потом выражение лица римлянина изменилось. Он повернулся к толпе и произнес достаточно громко, чтобы любой мог его слышать:

— Что вы можете подумать, граждане великого Рима, о человеке, который спорил с самим Цезарем, а затем рассказал подобную историю? Он носит с собой тысячу сестерциев, и при этом не видно телохранителей или друзей. Не кажется ли это подозрительным?

— Разве я сказал, что принес сюда сестерции? Кому какое дело до того, как я зарабатываю и где храню свои деньги? — спросил Гитта.

— Зарабатываешь? — язвительно переспросил Гаиус, наклоняясь к толпе, словно бы предлагая ей поучаствовать в травле незнакомца.—

Должно быть, твое ремесло очень доходное. Полагаю, Симон, ты вор или кое-кто похуже.

Толпа с готовностью подхватила эту грубую шутку. Кое-кто возмущенно стал требовать схватить Симона. Молодой человек нахмурился и огляделся, и тогда многие насмешники потупили взор. Потом он сказал спокойно, будто из уст его вылетели самые обыденные слова:

— Я — маг.

— Ага! — немедленно отозвался Гаиус с портала.— Так вот как объясняется твой плащ и нелепый посох! Может, покажешь пару ярмарочных фокусов? Уверен, ты запросто может заставить исчезать вещи — например, деньги и драгоценности из чужих карманов.

— Если ты отважишься спуститься сюда,— ледяным тоном произнес назвавший себя магом,— то узнаешь, как быстро я сумею заставить исчезнуть голову с плеч.

— Посмотрим,— усмехнулся Гаиус одними губами и крикнул преторианцам: — Схватите его!

Трое хмурых легионеров бегом спустились с портала. Толпа отпрянула, увидев вблизи сверкающие доспехи и плюмажи на шлемах. Симон даже не шелохнулся, с кривой усмешкой наблюдая, как приближаются солдаты, раздвигая щитами зазевавшихся купцов и доставая на ходу мечи. Когда они подошли к нему, он что-то гортанно крикнул. И взмахнул посохом.

Резная палка, вертясь в воздухе, ударила ближайшего солдата в нагрудный знак, свалив того с ног. В толпе кто-то отчаянно завизжал, когда ожившая змея с посоха обвила другого прето-

рианца. Капюшон кобры качнулся, она нанесла удар, и римлянин с диким криком повалился под ноги магу. Первый солдат уже поднялся, но Симон быстро накинул на него свой плащ и рванул на себя, повторно сбивая с ног. Меч третьего охранника лишь разорвал на нем тунику, когда Симон отпрыгнул в сторону с проворством леопарда. Другого выпада преторианец сделать уже не сумел. В мгновение ока кривой меч Симона выскочил из ножен, аккуратно отделил его голову от тела.

Фонтан крови еще бил вверх, обезглавленный солдат стоял с бесполезным мечом в руке, когда Симон бросился вверх по ступеням портала.

Три прыжка отделяли мага от императорского кресла. Знать бросилась врассыпную. Гаиус с искаженным от ужаса лицом отшатнулся, призывая преторианцев. Патрокл, бросившись было бежать, натолкнулся на него и покатился вниз по мраморным ступеням.

Подскочивший Симон вывернул руку старого императора и стал срывать кольцо.

— Помогите! На помощь! — взывал престарелый тиран, беспомощно суча ногами.

Преторианцы помчались на помощь своему повелителю. Симон уклонился от брошенного пилума, но удар тяжелого щита оттолкнул его от кресла Тиберия. Следующее копье оцарапало плечо мага. Симон ударом кулака разбил переносицу подскочившему солдату, но новый удар щита, обрушившийся на голову, опрокинул его на мраморный пол.

— Опасный безумец! Смутьян, — заговорил Тиберий, нервно потирая руки. Симон неподвижно лежал у его ног в луже крови. Тут император обрушился на племянника и преторианцев.

— Вас так много, а вы не смогли остановить этого сумасшедшего! А что, если бы он захотел убить меня? Ему бы это удалось!

— Хвала милосердным богам — он действительно безумен, — ответил Гаиус, который уже справился с первоначальным испугом. — Предоставьте его мне, если пожелаете.

— Да. Уберите его с моих глаз! — вскричал Цезарь. — А ты, племянник, проследи, чтобы он умер поскорее. Макробий, ты пошлешь его в Аид! А что касается тебя, Патрокл, — тут император повернулся к бледному хозяину торгов, — то на будущее возьми за правило следить, кто является на твои аукционы. Я дам тебе время поразмыслить над случившимся. Но ущерб, нанесенный моему достоинству, а следовательно — и достоинству империи, требует компенсации. Стража! Подберите все эти безделушки и доставьте их в императорскую казну.

Патрокл мог лишь бессильно наблюдать, как преторианская гвардия уходит с площади, унося черный сундук с сокровищами Диомеда.

— Будь прокляты все чародеи и безумцы! Таких надо душить при рождении! Эй, рабы! Принесите мне флягу вина. Кажется, я болен.

* * *

— Эй, черно книжник, вот твоя еда! — раздался над головой юноши дребезжащий голос.

Симон очнулся от глубокого обморока, когда капли полужидкой кашицы, которую лили в миску, попали ему в лицо. Он находился в маленьком сыром помещении, а над ним склонилось уродливое горбатое существо, в руках которого было ведро и факел.

— Что это за место? — спросил слабым голосом Симон.

— Подземная тюрьма в Сирсеи, — прокаркала горбун. Лицо его чудовищным образом кривилось при каждом слове. Вид его был отвратителен. — Солдаты притащили тебя еле живого. Ешь все, я буду кормить тебя только раз в день.

Симон попытался приподняться, но обнаружил, что прикован к полу. Тюремщик злорадно расхохотался и пнул его под ребра.

— Ишь чего захотел! Тут у меня не так привольно, как на поверхности. Жри лежа свою звериную похлебку, чернокнижник.

Юноша бросил свирепый взгляд на отвратительное лицо тюремщика. Как хотел бы он подняться и превратить это лицо в месиво! Нечесанные волосы горбуна грязными космами выбивались из-под засаленной шапки, свисая над низким обезьяньим лбом. Между космами по-звериному сверкали глаза, в грязно-желтой глубине которых полыхало безумие. Нижняя губа нависала над выпирающим подбородком, открывая ряд гнилых зубов. Одеждой тюремщику служили изодранные лохмотья и полоски кожи, кое-как сшитые вместе, подпоясанные грубой веревкой. На этом импровизированном поясе висело грубое железное кольцо со связкой ключей.

Урод хрипло рассмеялся, поймав полный ненависти взгляд Симона.

— Да, чернокнижник, здесь тебе придется несладко, — проскрипел он с нескрываемым злорадством человека, ясно сознающего свое уродство, — существо, которое некогда было человеком, но мстя своим беззащитным жертвам, лишилось последних остатков души. — Видел я таких, как ты. Твой норв скоро будет сломен. Наверное, ты сойдешь с ума. Я надеюсь, что это произойдет не слишком быстро и я успею всласть позабавиться.

Он снова засмеялся демоническим хохотом, потом резко наклонился и плюнул Симону в лицо. Юноша рванулся, чтобы добраться до горбуна, но его тщетная попытка вызвала приступ нового веселья у тюремщика. Напоследок лягнув узника, горбун вышел из каменного мешка. Окованная железом дверь с лязгом захлопнулась, и Симон остался в крошечной тьме.

Сколько времени он пролежал в сырой норе, можно было только догадываться. Ему казалось, что прошло много часов. Несколько раз во тьме до него доносился раскатистый хохот тюремщика, который мучил других пленников. Крики и мольбы о помощи, раздававшиеся из соседних камер, заставляли Симона скрежетать зубами от бессильной ярости.

Но вот в коридоре послышался звук тяжелых шагов, и маг вынырнул из забвения. В замке лязгнул ключ, заскрипели петли. Когда глаза Симона привыкли к свету факела, он увидел трех человек, вошедших в его темницу. Один

из них был его тюремщик, второй — мускулистый гигант, одежда которого состояла лишь из набедренной повязки, третий же, одетый в короткую голубую тунику, был некто иной, как императорский племянник.

— Привет тебе, мерзавец,— оскалился Гаиус.— Как тебе твои новые покои? Не тесно, не беспокоят ли крысы или еще кто? Нет, не надо церемоний, можешь не вставать. Наш визит неофициален и краток.

Симон мрачно взглянул на него с пола, но ничего не сказал.

— Не стоит испепелять меня взглядом,— продолжил Гаиус, наклоняясь над юношей.— В каком-то смысле я твой благодетель. Дядюшка Тиберий — старик злопамятный. Он приказал казнить тебя, а я оставил в живых.

— Что тебе нужно от меня?

Гаиус повернулся к горбуну.

— Оставь нас,— приказал он.

Шаркая ногами, тюремщик с явной неохотой удалился. Симон взглянул на спутника Гаиуса.

— Не обращай на нас внимания, Макробий,— приказал племянник императора, потом вновь обратился к узнику.— Он мой телохранитель, вольноотпущенный гладиатор. Наблюдая сегодня, как ты расправлялся с преторианцами, я предположил, что и тебе случалось бывать на арене.

— Я знаю, как обращаться с мечом,— сказал Симон.— Два года я проливал свою и чужую кровь на потеху римского плебса.

— Тогда мне ясно, почему ты уцелел в этом бою. Ты двигаешься быстро, как дикий кот. Бывший гладиатор. Но первого преторианца ты убил несколько необычным способом. Я говорю о твоём змеином посохе. На арене тебя этому обучить не могли.

— Жрецы Пта часто использовали в своих ритуалах змей. Я же был служителем в одном из их храмов.

— Скорее всего, в храме ты очутился после бегства из гладиаторской школы. Плевать. Это жрецы рассказали тебе о кольце Сета?

— А что тебе до этого?

— Я не насмехаюсь над твоим плачевным положением, Симон Гитта,— сказал Гаиус, наклоняясь вперед. Странные огоньки сверкали на самом дне его глубоко запавших глаз.— Тиберий сделал вид, что ему плевать на магическую силу кольца. Но старик еще не выжил полностью из ума. Ты знаешь, что император болен?

— Нет.

— Болезнь приключилась с ним вскоре после того, как он покинул торги. Лекари говорят, что в этом нет ничего страшного, но я чувствую скорую смерть Тиберия. И виновато кольцо.

— Чего же ты ждешь от меня, племянник полумертвого владыки?

— Власть, которую дает кольцо. Тиберий назначил меня своим преемником; когда он умрет, я буду править Римом. У всякого императора множество врагов. Разумно распоряжаясь

кольцом, можно будет не бояться заговорщиков и мятежников. Враги мои будут умирать от когтей демонов. Власть моя будет непоколебима, словно Везувий.

— Ныне нет правителя, что смог бы носить кольцо Сета,— возразил Симон.— Как только ты наденешь его, ты умрешь.

— Вот поэтому я и намерен обратиться к твоим услугам, Симон-маг. Расскажи мне, как освободить кольцо от проклятия.

— Не знаю, возможно ли избавиться от проклятия,— сказал Симон.— Я даже не знаю и десятой доли всех возможностей кольца.

— Свобода и золото в уплату за знание, Симон. Думай, но думай быстро. Если снимешь заклятие, я оставлю тебя у трона в качестве личного лекаря.

Симон хрипло рассмеялся:

— Твоим придворным шутом? Только не я! Кроме того, ты не выполнишь своего обещания. Властители Рима лживы и коварны. Таки-ми уж вы рождаетесь.

— Мое слово крепко.

— Твое слово... не считай меня дураком. Твое слово — ничто!

— Для тебя оно — все, чернокнижник. Все, что у тебя осталось. Без моей помощи ты сгниешь здесь или будешь распят на кресте, словно беглый раб или разбойник. Этого не будет, если ты избавишь кольцо Сета от проклятия. Я обещаю свободу и богатство, и я сдержу слово.

— Что ж, тогда для начала освободи меня,— спокойно проговорил юноша.

— Не торгуйся, Симон. С твоей ли помощью, без тебя — я все равно сниму заклятие с кольца. В твоем же положении глупо пререкаться с будущим императором. У меня есть слуги повсюду. Они смогут проследить и твой путь, и докопаться до причины, что побудила Диомеда послать воров в Египет. Если ты облегчишь мне жизнь, то я не останусь в долгу. А теперь — говори быстро, или Макробий начнет ломать твои кости, одну за другой.

— Мне кажется, ты не оставляешь мне выбора,— вздохнул Симон.— Хорошо, я расскажу тебе о кольце, но задача твоя будет не из легких.

— Говори скорее.

— В храме Тота в Александрии есть древний свиток, называемый книгой Трисмегиста. Первая запись в ней сделана много тысяч лет назад могущественным чародеем Тот-Амоном, владельцем кольца. Мельком мне удалось заглянуть в эту священную реликвию. Жрец — хранитель книги позволил мне прочитать всего несколько строк, составленных из причудливых иероглифов. И все же я увидел достаточно. На этом свитке записано проклятие Тот-Амона. В книге Трисмегиста следует искать и противодействие заклинанию.

— Хорошо! — сказал Гаиус, лицо его засветилось от торжества.— Когда я стану императором, жрецы Египта не смогут отказать мне в этой книге. После смерти Тиберия я отправлюсь в Египет. И со мной будут мои легионы. Ты же пока оставайся здесь.

— Лгун, — прошипел Симон. — Вот она, верность слову?

— Когда кольцо станет моим и его чары не повредят моему здоровью — ты будешь свободным... Возможно... А теперь прощай, пожелай мне удачи, от нее зависит — увидишь ли ты свет солнца вновь.

Гаиус подал знак телохранителю, и они вышли из камеры. Дверь с лязгом захлопнулась за ними.

В бессильной ярости Симон закричал, гремя цепями. Но только смех тюремщика был ему ответом. Перестав кричать, Симон стал обдумывать план побега.

Многие потеряли бы надежду в таком отчаянном положении. Многие, но только не Симон. Когда-то он изучал искусство мгновенного исчезновения, практиковавшееся в древности персами-огнепоклонниками. Искусство это вселяло страх в восточных правителей — под его покровом кинжалы убийц не раз находили горло коронованной жертвы. Симон достиг в этом искусстве определенного мастерства.

Внимательно изучив свои оковы, Симон обнаружил, что они состоят из одной цепи, обвивавшей его тело, словно стальная змея. Цепь была продета в стальные кольца, прочно засевшие в каменных плитах пола. Заканчивалась цепь массивными кандалами на его запястьях и лодыжках.

Пальцы левой руки Симона ощупали огромный висячий замок, ключ от которого он видел на поясе горбуна. Пожалуй, только кузнечный молот мог бы разбить его.

Казалось, нет никакой надежды на спасение, но разум мага не мог признать поражения. Несколько часов Симон лежал без единого движения, в то время как различные планы кружились в его голове. По большей части все они были невыполнимы.

Каменный пол темницы был холодным и серым. Со стен капала вода, цепь давила на тело, вызывая боль в костях и мышцах. Из коридора доносились приглушенные крики и шарканье горбуна. Симон думал, что через несколько часов он будет кричать так же, как другие жертвы этой темницы, и смеяться, как безумный тюремщик.

Его начал грызть изнутри ужасный голод. Однако Симон никак не мог преодолеть отвращения, которое вызывали помои, которые приносил горбун. К этому времени помои остыли, покрылись толстой салной коркой.

По всей комнате были разбросаны кости и полуистлевшие объедки. Очевидно, заключенных кормили остатками той еды, что подавалась солдатам. Когда Симон все же попытался есть, оказалось, что цепь не позволяет дотянуться до миски. Руки же его были широко раскинуты в стороны и удерживались цепями. Он громко выругался. Юноша ясно представил себе все издевательства, на которые обрек его племянник императора. Ненависть к тюремщику — отвратительному горбуну буквально душила Симона.

Он пошарил руками вокруг себя, натываясь пальцами только на огрызки и мелкие кости.

Внезапно странное волнение охватило юношу. Предмет, который он нащупал, оказался довольно плотным и не рассыпался при первом же прикосновении. Это была обглоданная крысами кость — скорее всего, бедро зайца. Кость вселила в него надежду на освобождение.

Он долго извивался, проклиная хитроумного горбуна — еду до рта донести было нельзя, а ощупывать замок — можно. Впрочем, это хитроумие и подвело тюремщика. Симон невероятным усилием, сломав пару ногтей, отщепил от огрызка узкий кусок кости.

Этим жалким орудием он атаковал замок. Жирные пальцы скользили по холодному металлу, но Симон справился с задачей. Час за часом он старался открыть замок. Наконец что-то щелкнуло внутри, и Симон тяжело перевел дыхание. Потом он начал осторожно освобождаться от цепи.

Довольно долго Симон приводил себя в порядок, разминая затекшие руки и ноги. Потом он снова лег на пол, придав цепи первоначальный вид. С терпением азиатского отшельника он стал ждать своего мучителя.

Наконец под дверью появилась узкая полоска света. Раздались шаркающие шаги и мерзкое хихиканье. В замке проскрежетал ключ и вошел горбатый тюремщик, неся в руке ведро с объедками. Он засунул факел в стенное кольцо и повернулся к узнику.

Симон с ужасом понял, что находился в заточении целые сутки — ведь горбун говорил, что кормит узников только раз в день.

— Привет, чернокнижник. Вот твоя еда. Кажется, первая порция тебя не слишком вдохновила. Мой тебе совет — ешь, иначе ты лишишь меня бездны удовольствий своей скорой смертью. Пожалуй, я ослаблю тебе цепь.

Горбун пересек камеру шаркающей походкой, на ходу разматывая свой пояс. Сняв его, он дважды хлопнул им. Словно погонщик мулов бичом.

— Но вначале немного позабавимся. Я еще не слышал, как ты орешь от боли. А это — упущение. Сейчас мы его восполним.

Симон делал вид, что страх парализовал его. Он стонал и слабо дергался в кандалах, глядя на приближающегося горбуна.

Когда тюремщик наклонился, правая рука Симона метнулась вперед. Пальцы впились в горло уroda, затем маг рванул на себя что было сил. Горбун захрипел и рухнул на пол, словно куль с овсом. Из разорванного горла вырвался сдавленный стон. Ноги и руки горбуна конвульсивно бились, но он не мог издать ни одного членораздельного звука.

Симон неторопливо поднялся, без всяких усилий освободился от цепи. Маг не испытывал никакой жалости. Напротив, он чувствовал мрачное удовлетворение, глядя на агонию своего врага.

Лицо тюремщика из темно-лилового сделалось белым, глаза вылезли на лоб. Вскоре судороги прекратились. В последний раз кривые ноги ударили в пол, и урод затих. Кровь вместе с остатками воздуха алой струей вырвалась из

разорванного горла, забрызгав грудь. Симон безразлично посторонился. Горбун затих.

Симон прислушался, но не уловил в коридоре ни малейшего движения. Тогда он с помощью ключей мертвого тюремщика освободился от кандалов. Маг сбросил остатки своей туники, облачился в жалкие лохмотья горбуна. Затем он вышел в коридор, на ходу надвинув на глаза мятую шляпу.

Даже в полумраке узкого коридора, освещаемого светом редких факелов, маскировка Симона не смогла бы никого обмануть. Его молодое мускулистое тело никак не походило на скрюченную фигуру кривоногого уродца. Персидские маги, у которых учился Симон, были мастерами древнего искусства перевоплощения. Сейчас Гитта невольно пожалел, что в свое время уделил этому искусству мало времени и внимания. Тем не менее походка его стала косялапой, плечи сгорбились, а лицо скривилось в отвратительной гримасе.

Внезапно Симону пришла мысль освободить и других узников. Он подошел к решеткам. Из темной ниши к нему метнулась тощая фигура, и Симон в ужасе отшатнулся. С ног до головы существо покрывали гноящиеся струпы. Тело узника напоминало скелет, обтянутый лопающейся кожей. Глаза были полны безумия и животного страха. Симон еще раз проклял Тиберия и пошел дальше. Только смерть могла избавить от нечеловеческих мук узников каменных темниц Сирсеи.

Коридор заканчивался узким пролетом каменной лестницы. Длинной спиралью она под-

нималась к проходу под аркой. Симон, торопливо озираясь, стал подбирать ключи к массивным дверям. Вскоре нужный ключ был найден, створки распахнулись, и он очутился в широком проходе. Вдалеке за аркой юноша увидел освещенные солнцем каменные плиты.

Симон уже собирался пойти туда, когда краем уха уловил какой-то шорох. Он обернулся и увидел legionera, неспешной походкой приближавшегося к нему. Убегать и прятаться было поздно.

— Привет тебе, горбун, — приветствовал его legioner, подходя ближе. — Слышал хорошую новость?

— Какие могут быть новости в этой вонючей дыре, особенно хорошие? — прохрипел Симон, подражая скрипучему голосу тюремщика.

— Император Тиберий соизволил покинуть Сирсеи. Его, видишь ли, беспокоят боли в желудке. Он отправился на Капри. Это значит, что нам после всех праведных трудов можно будет вздохнуть спокойно. Как тебе это нравится, старая жаба?

В это время он подошел достаточно близко, чтобы заглянуть под шляпу и увидеть лицо Симона.

— Эй, приятель, а ты не...

Кулак Симона устремился вперед и врезался в челюсть legionera. Его голова дернулась и безвольно мотнулась из стороны в сторону. Затем солдат стал валиться, и маг с трудом успел его подхватить, чтобы доспехи не зазвенели о каменные плиты. Он быстро оглянулся и зата-

щил бесчувственное тело в темный лестничный проем.

Вскоре Симон вышел из темной ниши, одетый в доспехи легионера.

Не спеша Симон прошел под аркой и оглядел двор. Вдоль крепостных стен стояло около дюжины легионеров. За дальней от мага стеной начиналась широкая дорога, но путь к ней преграждала массивная железная решетка.

Симон помрачнел. Прежде чем он решил, как действовать дальше, он услышал резкий командный окрик.

Симон разглядел шесть или восемь солдат, сгрудившихся по ту сторону решетки. Их старший повторил свой приказ:

— А ну открывайте!

— Кому это я должен открывать крепостные ворота? По виду ты не император Тиберий, а птица поменьше, — лениво поинтересовался начальник тюрьмы, выходя во двор.

— По приказу императорского племянника, Гаюса. У меня приказ с его печатью.

— И зачем вам наша тюрьма? — Начальник не собирался торопиться.

— Мы должны распять некоего Симона Гигту.

Начальник тюрьмы пожал плечами. И подал знак своим подчиненным. Двое легионеров принялись неторопливо поворачивать колесо, поднимавшее решетку.

Симон немедленно вышел из-за своего укрытия и небрежной походкой отдыхающего от смены солдата пересек двор. Ворота меж тем со скрипом открылись, старший из прибывших

легионеров шагнул внутрь, протягивая начальнику тюрьмы приказ, подтверждавший его полномочия. Симон надеялся, что шлем достаточно закрывает его лицо. Пропустив тяжело шагающих солдат, юноша торопливо прошел вперед. Решетка стала медленно опускаться, и он невольно ускорил шаг.

— Эй, ты, куда тебя несет? — окликнул его начальник тюрьмы, оторвав взгляд от бумаги с печатью Гаюса.

Симон отшвырнул в сторону пилум и щит и бросился вперед. Он едва успел поднырнуть под опускающуюся решетку. Солдаты что-то кричали ему вслед, Симон же, не оборачиваясь, помчался вперед. Он неслся по крытой булыжником мостовой мимо изумленных прохожих.

Через некоторое время он свернул в узкую аллею. Здесь, среди фонтанов и мраморных беседок, было где укрыться от погони. Сбивая со следа легионеров, юноша снял шлем и, бросив его влево от центральной тропинки, нырнул в кусты.

Сирсеи — старинный город, покрытый густой сетью парковых аллей. Маг хорошо знал город, и ему удалось оторваться от погони. Когда шум преследователей затих вдаль, Симон нырнул под темную арку, тяжело переводя дыхание. Здесь он снял римские доспехи, оставшись в льняной тунике. При нем был короткий меч с широким лезвием и кожаный мешочек, висевший на поясе узнавшего его легионера. Симон тряхнул мешочек, и оттуда раздался ласкавший уши звон.

— Два динария, — пробормотал молодой человек, пересчитав монеты. — Вполне достаточно, чтобы купить приличной еды и отправиться следом за Тиберием.

Император не мог отъехать от Сирсеи далеко. Его вполне можно было догнать до того, как он доберется до Баиа и сядет на корабль, плывущий до Капри.

— Итак, Гаиус решил распять меня! Наверняка этот мерзавец хочет быть уверенным, что никто, кроме него, не знает о тайне кольца Сета. Хорошо! Теперь я знаю, как он держит свое слово. Однажды я обещал ему показать, как исчезает с плеч его голова. Быть может, вскоре мне представится возможность доказать, что мое слово крепче его!

Солнце садилось за лесистыми холмами Кампаньи. По темной улице приморского городка Мименум брел нищий. Редкие прохожие попадались ему по дороге в это время суток, да и те при виде грязных лохмотьев и всклокоченной бороды шарахались в стороны.

Нищий доковылял до стены, окружавшей роскошный дворец. Тотчас же из-под темной арки вышел легионер преторианской гвардии, преградив ему путь.

— Подайте несчастному, — тонким голосом запричитал нищий. — Умоляю вас, сжальтесь над моими сединойми во имя милосердных богов.

— Пошел вон, старый дурак! — приказал легионер, отмахиваясь от назойливого старика. —

В этом доме находится больной император. Не собираешься же ты докучать ему своим воем?

Какая жалость, император болен, — дрожащим голосом произнес оборванец, облизывая губы. — Как известно, боги вознаграждают того, кто творит добро. Одна медная монетка от каждого из его доблестных солдат прокормит дряхлого старика. Может быть, тогда боги смилостивятся и пошлют здоровье императору?

— Я же сказал, убирайся, пока цел! — сказал легионер, потрясая пилумом.

Оборванец побрел прочь, что-то невнятно бормоча в седую бороду.

Вскоре размеренный стук его кривого посоха стих вдаль.

Легионер вернулся на пост и с другой стороны улицы принялся наблюдать за легионерами. Однако теперь никто не признал бы в нем прежнего оборванца. Сгорбленная фигура распрямилась, исчезла хромота.

Молодой мужчина прошагал среди деревьев парка, обошел мраморный фонтан и здесь, в полумраке, избавился от бороды и лохмотьев. На нем была льняная туника, на поясе висел кожаный мешочек и короткий меч.

Теперь он начал пересчитывать монеты из мешочка.

— Десять динариев и около двух сестерциев, — усмехнулся мужчина. — Да, Баал, попросайка в этом городе может заработать больше, чем я за неделю, рискуя жизнью на арене.

Размышляя таким образом, Симон Гитта устроился под деревом и стал ждать. Уже совсем

стемнело, но он не решался проникнуть во дворец Тиберия еще несколько часов.

Тиберий остановился в Мисенуме, поскольку не мог продолжать путешествие на Капри. Из разговоров прохожих Симон уяснил себе, что знал каждый бездельник в городе — дни Тиберия сочтены.

Симон понял, что следует действовать немедленно. Потом будет трудно забрать кольцо у коварного Гаиуса. Ничто на свете не сможет спасти Симона, если племянник умирающего императора добудет заклинание, открывающее путь в мир демонов.

Симон прождал половину ночи. Он вдыхал холодный воздух соленого бриза. Около полуночи улицы опустели, и маг решил больше не медлить.

То и дело скрываясь за тучи, луна освещала Симона, крадущегося к дворцу. Ворота хорошо охранялись, как он убедился вечером, стена же была всего в десять футов высотой. Симон рассчитывал легко перебраться через нее. Весь день он внимательно следил за охраной и теперь знал расписание караулов и не боялся неожиданной встречи с legionарями.

Вот часовой прошагал рядом с ним. Когда преторианец стал заворачивать за угол стены, Симон выскочил из-за куста и бросился вперед. Миг — и он оказался на стене. На мгновение он стал еще одной лунной тенью, замерев между зубцами стены, прислушиваясь к ночным звукам. Убедившись, что внизу все спокойно, маг мягко соскользнул на землю.

Перед ним был дворец и поляна, залитая лунным светом. Стражи не было видно, как и рассчитывал маг. Крадучись выйдя из темноты, он быстро пересек поляну и стал карабкаться на одну из колонн, поддерживающих массивный балкон.

Это было непросто — взбираться по огромному куску полированного мрамора. Карабкался Симон очень медленно, то и дело соскальзывая вниз. Только забравшись повыше, он вздохнул спокойнее, теперь балкон закрыл его от legionарей у ворот.

Пальцы Симона нащупали барельеф — вершину коринфской колонны. Сделав последнее усилие, Симон перелез через балюстраду.

Переведя дыхание, он подошел к чуть приоткрытой двери. Быстро заглянув вовнутрь, Симон увидел длинный коридор, который завершал портал, выполненный из красного дерева. Возле двери стояли два преторианца. Тут было не пройти без боя. Симон решил прокрасться в покои Цезаря через окно.

Перебирая руками, он осторожно двинулся вперед по узкому карнизу. И снова, как при подъеме на колонну, щемящее чувство опасности завладело им. Наконец он подобрался к окну.

Подтянувшись, юноша заглянул в просторное помещение. Мраморные стены комнаты были украшены гобеленами. Комната освещалась лампой, стоявшей на бронзовом треножнике. За ним, сидя на мягком стуле, дремал лекарь императора. Напротив него стояла огромная кро-

вать из красного дерева. Симон понял, что судьба вела его хоть извилистым, но правильным путем. На постели, бледный и изможденный, теряя последние силы, лежал император Тиберий.

Вид императора мог внушить трепет. Кольцо выпило его душу и истощило его плоть.

Пальцы Симона стало сводить судорогой, они мучительно ныли. Он осторожно перегнулся через подоконник и, убедившись, что в комнате больше никого нет, проскользнул внутрь. Никто из спящих даже не шевельнулся.

Симон поспешил отойти от окна, чтобы его не заметили преторианцы из сада. Он стал бесшумно подкрадываться к постели умирающего императора.

Подойдя поближе, он стал разглядывать высохшее тело Тиберия. Дрожь охватила мага, когда на одной из восковых рук императора он увидел кольцо Сета.

Симон медленно потянулся к кольцу и, стараясь не потревожить старика, прикоснулся к металлу...

Когда Симон тронул кольцо, оно показалось ему удивительно теплым. Юноша осторожно потянул кольцо на себя, но оно не поддавалось, хотя рука императора совершенно высохла.

Симон нахмурился и облизнул губы. На торгу примерявший кольцо Тиберий громко посетовал, что кольцо слишком широко для его пальца. Сейчас же медные витки плотно сжимали тонкий, словно у мумии, палец императора. Может, Тиберий велел кузнецам сделать кольцо меньше? Вряд ли.

Все выглядело так, будто изображенный на кольце змей сам сжал своими кольцами палец Тиберия. Симон мог поклясться, что видел искры темного пламени в крошечных глазках змея.

Вновь маг попытался сорвать кольцо, на этот раз дернув его с силой. Тиберий тихо застонал, трясая головой. Губы его начали странно кривиться. Симон отступил на шаг от умирающего.

— Кольцо! — стонал император чуть слышно. — Оно не отпускает меня. Сними его... проклятые огненные глаза — я не могу больше выносить их. Они смотрят на меня из тьмы, стараясь вырвать остатки души... Слушай!

Голос Тиберия неожиданно окреп. Глаза императора открылись и лихорадочно заблестели, но Симон чувствовал, что старик не видит его. Казалось, повелитель Рима смотрит сквозь молодого мага, и сквозь крепостные стены.

Тиберий задрожал мелкой дрожью, словно перед ним разверзлись врата Аида.

— Послушай! — тяжело дыша, прошептал император. — Он идет! Он выбрался из мрака подвалов пирамиды! Я слышу, как он ползет по каменным плитам! Вот они, проклятые огненные глаза. Мне от них нигде не укрыться!

Симон вздрогнул. Ему тоже показалось, что он ощущает чье-то присутствие. Какой-то шорох или дуновение ветерка. Что-то и в самом деле подбиралось к императору, шурша по полу. Стремглав Симон прошмыгнул мимо спящего доктора и спрятался за гобеленом.

Но в комнате никто не появился. Вместо этого шелест, постепенно нарастая, становился

все громче и громче. Зловещее скрежетание наполняло комнату. Симон подумал о скользющем по холодным камням чешуйчатом змее.

Шорох нарастал, и его сопровождал гул, раздававшийся словно бы из-под земли.

Кровать императора стала дымиться. По спине Симона побежали струйки пота, когда он увидел, какие изменения претерпевает кольцо. Крошечный медный змей высвободил хвост. Из пасти змея тянулась тонкая струйка черного дыма, который поднимался клубами, окутывая императора, словно паучья сеть.

На глазах Симона дымное облако густело и увеличивалось. Черные клубы сворачивались кольцами чудовищного змея, превращаясь в создание, чьи желтые горящие глаза, не мигая, смотрели в глаза Тиберия.

Симон вжался в стену, перестав дышать от страха, боясь привлечь взгляд этого чудовища. Внутри туманного облака гигантский змей бился, сплетая и расплетая смертоносные кольца. Из широко разинутой пасти капал яд. Красный раздвоенный язык касался мертвенно-белого императорского лба.

Внешне чудовище напоминало змею, но черная чешуя не отражала лунного света. В его огненных глазах горел злой разум, чуждый животному миру.

Клубы дыма висели только над ложем Тиберия. Симон, заглянувший туда, неожиданно вспомнил лабиринт под пирамидой Кхема. Маг понял, что видит перед собой самого Сета, древнего бога Зла, почитаемого некогда всем человечеством.

Рот Тиберия широко раскрылся в беззвучном крике. Взгляд застыл — император вгляделся в огонь, полыхающий в очах Сета. Симону приходилось видеть медленную смерть на римских крестах, смертельные раны на гладиаторских аренах. Нигде страх и боль так не искажали черты человеческого лица.

Симон каким-то образом почувствовал, что душа императора стала покидать тело, поглощенная Сетом. Душа Тиберия тонула в адских глубинах этих желтых очей, а тело билось в судорогах.

Прямо на глазах старик стал сохнуть. Кожа его сморщилась, пальцы скрючились, а глаза в последний раз гневно сверкнули. Затем Тиберий дернулся всем телом и затих.

Черты его лица стали строже, руки и ноги расслабились. Смерть пришла к нему, понял молодой маг.

Постепенно стал таять и Сет. Он превратился в полоски черного дыма, которые втянулись в пасть крошечного змея на кольце. Несколько мгновений, и гигантский демон растворился, исчез в драгоценной безделушке. Симон боялся шелохнуться, пока все клочки дыма не втянулись в медную змейку. Потом он нерешительно выглянул из-за своего укрытия, размышляя, стоит ли брать кольцо. Разум подсказывал, что следует спастись немедленным бегством.

Раздался легкий звон. Симон от неожиданности вздрогнул. На полу возле постели Тиберия лежало медное кольцо. Над ним висела безвольная рука мертвого императора.

Лекарь зашевелился, просыпаясь. Симон больше не колебался — он помнил, что проклятие имело силу только над властителями.

Юноша торопливо пересек комнату, подобрал кольцо и устремился к окну.

С виду кольцо выглядело совершенно обычным, даже заурядным. Симон после некоторого колебания надел его на средний палец левой руки и перелез через подоконник. Затем он спрыгнул вниз.

Он ощутил боль в ногах, когда ударился о землю, но быстро встал на ноги. Бегом Симон пересек залитую лунным светом поляну и едва не налетел на плотную фигуру, возникшую из-за деревьев.

— Эй, кто здесь носится? — загрохотал могучий бас. — Что ты делаешь в императорском парке? А-а, это ты, узник. Да, Геркулес, не удалось тебе сбежать от меня.

В этой груди мышц с громовым голосом Симон узнал Макробия, телохранителя Гаиуса. Юноша прыгнул в сторону — и как раз вовремя. Гладийская булава прогудела возле его головы, оцарапав шипами висок. Тут же последовал второй удар. Меч Симона успел покинуть ножны и отразить его, но клинок разлетелся на куски при столкновении с окованной сталью рукоятью булавы. Это заставило молодого человека отступить.

Макробий взревел и ринулся в атаку. В отчаянии Симон схватил попавшуюся под руку тяжелую мраморную урну и швырнул ее со всей силы в противника. Она попала в широкую грудь

телохранителя и заставила его отпрянуть назад. Макробий выронил булаву и вцепился в горло юноше мертвой хваткой. Симон стал задыхаться — его враг был силен, словно горилла из джунглей южного Египта.

Симон Гитта резко ударил Макробия в пах коленом, потом ладонями обеих рук по ребрам. Телохранитель ослабил хватку, и маг выскользнул из кольца железных рук. Освободившись, он нанес ребром ладони жестокий удар по мощной шее гладиатора. Удар такой силы убил бы любого, но Макробий только хрипло закашлялся, тряхнул головой и вновь пошел на своего противника.

Симон вертелся, не позволяя легионеру подойти, нанося удары ногами. Его удары заставили тяжеловеса умерить пыл, но этим их эффект и ограничился. Макробий был несокрушим, как Везувий.

Вдалеке Симон услышал знакомый голос Гаиуса, созывающего стражу. Неожиданно нога его запнулась о расколотую урну, и он растянулся на траве.

Макробий зарычал, словно дикий зверь, и кинулся на поверженного. Ему удалось схватить ногу Симону, и теперь он старался сломать ее, как это делают некоторые борцы на аренах. Симон неистово сопротивлялся, но силы были неравными. В какой-то момент Симон нащупал выроненную Макробием булаву.

Преодолевая боль, Симон взмахнул оружием и обрушил ее на затылок Макробия. Железный шар проломил череп телохранителя импера-

торского племянника. Симон вырвал свою ногу из стальных тисков, перекатился и встал на ноги. Макробий остался лежать с раскroенным черепом.

Симон огляделся, словно зверь, пойманный в ловушку. Во всех концах парка раздавались шумные крики и лязг доспехов приближающейся стражи. Из дворца выбежали три легионера и бросились к нему.

Времени на побег не было, если только...

Если только не воспользоваться кольцом Сета!

Однако Симон не знал и не мог знать всех возможностей кольца. Как бы пришедшая по магическому зову сила не уничтожила его самого вместе с врагами. Но все же это был единственный шанс на спасение. По крайней мере лучше, чем умереть под ударами мечей и копий преторианцев без борьбы.

Все эти мысли пронеслись у Симона в голове с быстротой молнии. Он подбежал к мертвому Макробию, встал на колени и опустил дрожащие пальцы в лужу крови, в которой лежала голова телохранителя. Затем окровавленными пальцами он провел по желтым глазам змея на кольце.

Не обращая внимания на приближающихся преторианцев, Симон стал произносить слова египетского заклятия, единственные, которые запомнил из книги Тота.

— Слепые глаза твои, о змей Сет,
Открой широко их над бездной ночи,
Чья тень падет, затмевая свет?
Призови ее ко мне, о змей Сет!

Дюжина преторианцев бежали со всех сторон. Симон приготовился защищаться, держа наготове железную булаву.

Однако легионеры не собирались нападать. Они стояли как вкопанные, широко раскрыв удивленные глаза, в которых сквозил ужас. Миг спустя крик вырвался из их глоток, нарушив странное оцепенение. Двое преторианцев рухнули в глубоком обмороке. Остальные устремились в разные стороны с воплями о помощи.

Симон содрогнулся, чувствуя, что нечто находится близко от него, прямо за спиной. Нечто, вселившее ужас в грозных легионеров императора. Но леденящий душу страх не позволял ему обернуться.

«Кто-то из любимцев Сета выбрался из вечной тьмы, что лежит за краем мира. При виде его люди начали сходить с ума от ужаса», — мелькнуло в голове мага.

— Следуй за мной, — прошептал Симон не оборачиваясь. Судя по тяжелым шагам, чудовище повиновалось. Стража у ворот бросилась врассыпную при их приближении. Симон прошел под аркой и оказался на улице.

Он шел по пустынным, освещенным звездами и светом факелов улочкам. Скрежет когтей по булыжнику мостовой вторил звукам его шагов. Никто не преследовал его и не пытался преградить дорогу, но маг шел не останавливаясь, пока город не остался далеко позади.

Вскоре под его сандалиями заскрежетал морской песок. Здесь, при лунном свете, он вытер капельки крови с кольца Сета. Теперь, если

демон подчинится приказу, все будет хорошо. Если же нет — душа Симона Гитты вечно будет корчиться в кольцах Сета.

— Иди прочь... — шептал Симон. — Убирайся обратно в бездну, из которой выполз!

По ногам юного мага хлестнул сильный порыв ветра, и юноша почувствовал, что остался один. Симон медленно обернулся с замирающим сердцем. На пустынном морском берегу никого не было.

Симона бросило в дрожь при виде гигантского следа на песке — пяти длинных, широких борозд, оставленных когтями чудовища. Такой отпечаток мог оставить только громадный ящер.

— Да, Баал. Это кольцо более могущественно, чем я ожидал... В нем заключена великая сила. Жрецы Египта были правы, когда хранили эту вещь в тайне от всех. Хорошо... Сейчас оно принадлежит мне... Вскоре корабль отвезет меня в Александрию. Пока Гайус у власти, кольцо Сета будет жечь мне руки. Но может быть, когда-нибудь я вернусь и отдам ему обещанный долг!

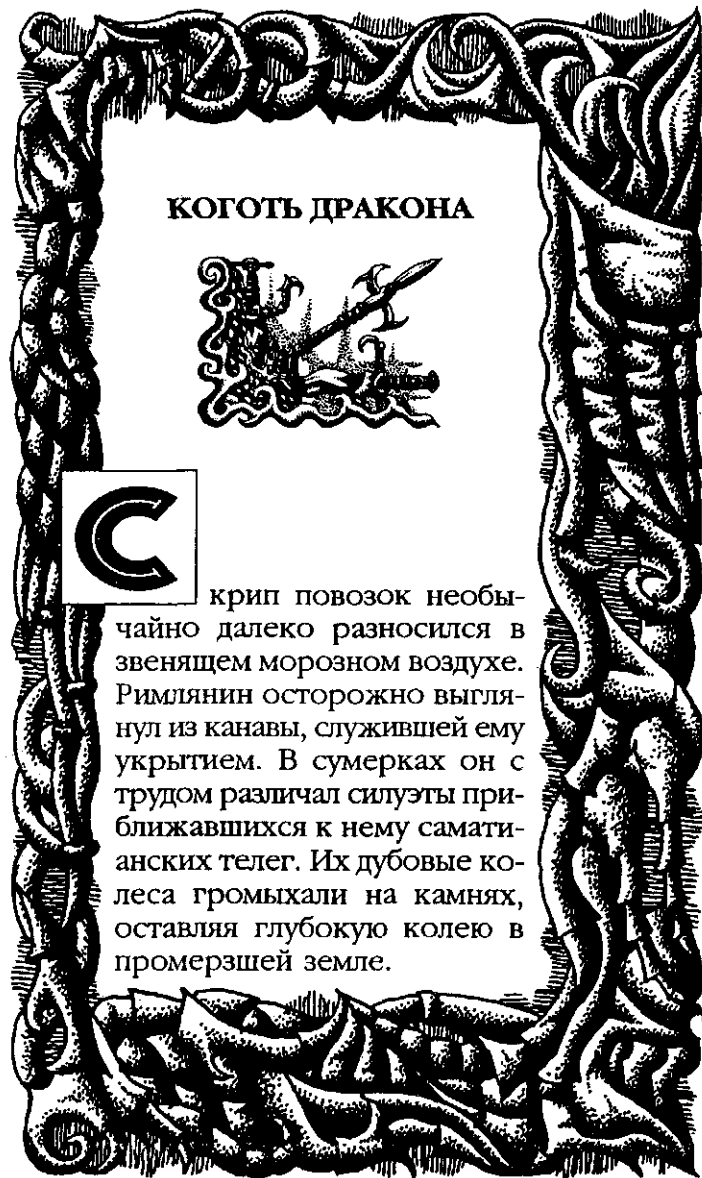
Бросив прощальный взгляд на город, Симон побрел по песку, любясь кольцом, таившим в себе мощь Сета.

КОГОТЬ ДРАКОНА

крип повозок необычайно далеко разносился в звнящем морозном воздухе. Римлянин осторожно выглянул из канавы, служившей ему укрытием. В сумерках он с трудом различал силуэты приближавшихся к нему саматянских телег. Их дубовые колеса громыхали на камнях, оставляя глубокую колею в промерзшей земле.

Лукус Ветиус не притронулся к лежавшему перед ним оружию, ни один мускул на его лице не дрогнул. Лишь когда десяток телег выползли из тумана, губы его тронула легкая улыбка. Затем, когда саматиане приблизились, на лице его застыла маска мрачного удовольствия.

Быки неторопливо брели по горной дороге, волоча за собой громоздкие повозки. Римлянин понимал, что время для решительных действий еще не пришло. Словно зачарованный, следил он жадным взглядом за сгорбленными погонщиками, похожими друг на друга, безликими и вялыми. Как и быки, которых с самого рассвета погнали в горы, погонщики выглядели смертельно уставшими. Их злобно хлестал ветер, посыпая морозной крупой зубровые шкуры пологов. Тоненькие струйки дыма от горшков с углями пробивались через отверстия в верхней части навесов. Воины в повозках, в отличие от возниц, грелись и отдыхали в ожидании того момента, когда солнце скроется за горы и можно будет заняться привычным грабежом.

Даже во время войны или набегов почти все саматиане путешествовали семьями. Дети и кормящие матери теснились внутри повозок вместе с воинами. Для них, как и для лошадей, привязанных позади каждой повозки, настоящая работа еще не началась. Но скоро стемнеет, и они разобьют лагерь. Используя ночь как прикрытие, грабители сядут на лошадей и переправятся через Дунай. С рассветом они вернутся с награбленным добром и отрезанными ушами римлян.

Только с того места, где находился Ветиус, был виден одинокий всадник, проскакавший в отдалении, слева от повозок. Это мог быть кто угодно — и разведчик, и просто отставший воин. Дисциплины у варваров не было никакой. За это римский ветеран до глубины души презирал их.

Ветиус жадно следил, как последняя из повозок вползает в ущелье. Похоже, засада удалась. Римлянин представил, сколько крепких рук сжимают сейчас рукоятки коротких мечей, древка пилумов, вытягивают из колчанов стрелы, и его обычно невозмутимое лицо вновь тронула мстительная усмешка. Враги Рима настолько обнаглели, что, находясь в пределах досягаемости летучих пограничных отрядов, не потрудились даже выставить надежного бокового охранения. Теперь саматианам предстояло на своей шкуре узнать, что такое месть римлян.

Время бежало незаметно. Повозки в зависимости от сноровки и желания погонщиков или следовали одна за другой, или катились рядом. Сейчас, когда солнце на западе небосклона кровоточило, как открытая рана, всадник, ехавший раньше слева от повозок, стал неотъемлемой частью двигавшейся в беспорядке толпы, но не защитой для нее. Ветиус снова ухмыльнулся, и его рука потянулась за луком.

Ветер, завывающий вокруг повозок, заносил их хлопьями снега. Некогда весело журчащие среди зарослей в низине ручьи покрылись толстой коркой льда. Шкуры лошадей искрились инеем в заходящем солнце. Тело всадника-часового и его коня было защищено доспехами.

Поперек седла было перекинута длинное копье. Варвар заботливо поглаживал его древко, когда склонялся над шеей лошади. Он не обращал внимания на колючие кусты, рвавшие в ключья его плащ и заслонявшие кровавый закат.

Звук, принесенный ветром, насторожил всадника. Взгляд уловил едва заметное движение. Римский стрелок приподнялся из-за кустов, ставших слишком низкими, чтобы и дальше служить укрытием. Саматианин прищепил коня, не давая ему впасть в панику. Животное словно почувствовало вибрацию натягиваемой тетивы. Однако было поздно. Конь метнулся в сторону, раздался пронзительный свист летящей стрелы, и мгновение спустя грудь варвара залила кровь. Свет в его глазах померк навеки.

— Лети за первой! — закричал Ветиус, вновь натягивая тетиву. Трубач, стоявший у него за спиной, поднес к губам боевой рог в серебряной оправе и протрубил сигнал атаки. Со склонов холмов на не ожидавших нападения саматиан хлынули римляне.

Возница первой повозки осадил быков с истошным воплем и попытался прыгнуть на землю. Подбежавший легионер проткнул его копьем. Двумя ударами короткого меча римлянин разрубил навес над повозкой и с криком нырнул внутрь.

Варвары, сидевшие внутри, выскочили, сделав попытку добраться до лошадей. Но их встретили мечи трех легионеров. У Ветиуса в засаде находилось около пятидесяти человек, все опытные солдаты, полностью вооруженные. Никто

из них не имел луков — легат опасался, что в сумерках стрелы нанесут урон своим. Лишь мечи и копья вершили свой суд над застигнутыми врасплох варварами.

Одеты кочевники были по-военному — доспехи из вываренной кожи или из шкуры зубра. Однако они с пренебрежением относились к щитам, да и легкие сабли, прекрасные для конного набега, оказались слабой защитой от римских мечей в ближнем бою. Внезапность нападения также сыграла свою роль. Варвары сыпались с повозок и валялись наземь под ударами тяжелых копий, умирали от колотых и резаных ран, которые с блеском наносили римские ветераны. Легионеры безжалостно добивали врагов уже на земле.

Угасающий солнечный свет отражался от начищенных шлемов и ножных лат, горел огнем на кованых колесах повозок; смешиваясь с кровью, приобретал ярко-красный оттенок на мечах римлян.

Легат внимательно следил за сражением. Бой близился к концу: варвары терпели сокрушительное поражение. Они готовились к легкому набегу и совершенно не планировали столкнуться с регулярным римским войском. Хищники сами стали дичью, которую римляне умело затравили и готовились свежевать.

Мертвый ребенок с раздробленным черепом лежал за четвертой повозкой. Земля вокруг была в крови. Быки с перерезанными сухожилиями ревели от боли. Один из них, черный как смоль, угодил в глубокий ров. Оттуда еще не-

слось жалобное мычание, пока римский меч не положил конец его страданиям.

Этот день стал днем мести римлян, возмездием за тысячи внезапных набегов, за тысячи товарищей, во сне заколотых кинжалами или погибших от выпущенных из засады стрел.

Только в конце колонны, где продвигались три повозки, связанные между собой, варвары оказали римлянам достойное сопротивление. Ветиус поскакал туда вдоль вереницы повозок. Его волнение оказалось не напрасным. Здесь творилось нечто странное. Неподалеку от легата со страшным грохотом упал римский солдат. От удара доспехи его смялись, меч, сверкая в лучах заката, кувыркаясь в воздухе, отлетел в кусты.

— Назад! — закричал Ветиус, увидев трупы легионеров на снегу. — Назад!

Больше он ничего не успел произнести. Из-за повозок, тяжело ступая, вышел настоящий великан. Копна волос, больше походивших на конскую гриву, покрывала исполинскую грудь. Ветиусу никогда в жизни не доводилось встречать людей такого роста. Хуже того, великан, похоже, весил больше, чем любая груженная повозка. Его тело надежней всякого щита защищали толстые бронзовые латы. Двумя руками, одетыми в металлические рукавицы, гигант сжимал шестифутовую булаву, окованную железом. Рукоятка ее размерами напоминала годовалого теленка, а наконечник мог служить наковальней. Великан проворно для своего веса приближался к Ветиусу.

Легат, тщательно прицелившись, выстрелил из лука. Древко стрелы расщепилось о закованную в броню грудь чудовища, оставив лишь небольшую вмятину в металле. Ветиус отступал, вновь натягивая тетиву своего лука. Затем постарался прицелиться в забрало опущенного шлема, который полностью закрывал лицо великана, оставляя лишь узкую прорезь для глаз и носа. В тающем вечернем свете она выделялась иссиня-черной полосой на фоне блестящих доспехов. Легат выстрелил снова, как только гигант начал заносить для удара огромную булаву. Стрела скользнула по броне и отлетела в сторону.

Спасаясь, Ветиус прыгнул с коня на повозку и упал за сиденье возчика. Булава гиганта рассекла воздух над его головой и с диким грохотом врезалась в колесо повозки, заставив ее содрогнуться. В разные стороны полетели обломки дерева. От следующего могучего удара верховая лошадь легата замертво рухнула на землю, не оставляя римлянину шанса на спасение бегством. Римлянин навел на гиганта последнюю стрелу и спустил ее.

Гигант завертел рукояткой огромной булавы. Он размахивал ею как человек, отгоняющий мух пальмовой ветвью. Легату показалось, что он вновь промахнулся, однако после нескольких витков булава выскользнула из пальцев, с гудением рассекла воздух, полетела вперед и врезалась в бок другой повозки. Исполин пошатнулся. Небольшой пучок перьев торчал из прорези для глаз. Земля содрогнулась, когда он упал.

Ветиус отбросил бесполезный лук и осторожно выглянул из повозки, наблюдая за подходившим к концу сражением.

Несколько повозок полыхали ярким пламенем. То ли победители, то ли побежденные разбили глиняные горшки с огнем, рассыпав горящие угли на соломенные тюфяки и одежду.

— Великие боги! — выдохнул Ветиус.

Холодный резкий ветер безжалостно хлестал по его щекам. Римлянин спрыгнул на землю и осторожно приблизился к поверженному гиганту. Несколько мгновений легат боролся с собой, но любопытство победило. Схватив за гребень шлема, Ветиус со всей силы дернул на себя. Тот легко откатился в сторону, обнажив бронзового оттенка лицо, лишь отдаленно напоминающее человеческое. Массивная квадратная челюсть, тонкие плотно сжатые губы, из-под которых торчали огромные львиные клыки. Мясистый нос казался гигантской расплюсченной жабой. Над запавшими глазницами выпирали громадные кости. Лба фактически не существовало. Широкие брови, сросшиеся с волосами на голове, нависали над скулами и плотными, тугими кольцами свисали со щек. Даже поверженный, враг был страшен и внушал невольный трепет своему убийце.

«Неудивительно, что шлем так странно на нем сидел», — подумал Ветиус.

Он мог поверить в существование этого чудовища лишь потому, что стоял перед ним и мог дотронуться до огромного тела. Но любого другого, смеющего утверждать что-либо подобное, он не задумываясь назвал бы лжецом.

Сзади к нему приблизился трубач. В правой руке он сжимал окровавленный меч, боевой рог был перекинут через плечо. Золотое ожерелье, снятое с только что убитого кочевника, поблескивало на его тощей шее.

— Легат, — с тревогой спросил он. — С тобой все в порядке?

— Лучше помоги, — проворчал Ветиус, тщетно пытаясь вытащить булаву, застрявшую в досках повозки. Вместе они кое-как высвободили чудовищное оружие. Римлянин приказал отойти трубачу в сторону, и один постарался определить вес огромной булавы.

— Да! — недоверчиво фыркнул он. Оружие весило, по крайней мере, два таланта — вес небольшого мужчины или средних размеров женщины.

Бросив булаву на землю, Ветиус зашагал прочь. «Нужно поскорей доложить обо всем Булу», — пробормотал он.

* * *

Раб, стоявший у двери, с трудом удержал ее при прорыве ветра, вместе с Ветиусом ворвавшегося в переднюю. Влажный теплый воздух купален превращался в капли и оседал инеем на кафеле стен, походном плаще легата и его высокой меховой шапке, выполненной в виде звериной головы со стеклянными глазами. Обычно эти глаза ослепительно сверкали, но сейчас, сильно запотев, помутнели. Раб вздрогнул, взглянув на мертвые, полные страдания глаза зверя.

Легат отряхнул снег и потопал сапогами. В разные стороны полетели куски грязи. Вдохнув про себя, раб начал неторопливо подметать пол.

«Этот грязный и мокрый воин шел пешком по снегу и навозу, как обыкновенный солдат, вместо того чтобы прискакать на лошади, что более соответствует его чину», — подумал он раздраженно, но ничем не выдал своего недовольства, когда Ветиус прошел рядом с ним. Легат славился своей жестокостью и слыл человеком злопамятным.

Миновав еще одну дверь, Ветиус попал в комнату, служащую для переодевания. Здесь он сбросил плащ на руки одному из рабов, окружавших его, и принялся стягивать сапоги. Когда он, усевшись на скамью, сдирал толстые шерстяные краги, другой раб, взглянув на образовавшуюся кучу грязной одежды, спросил с легким оттенком пренебрежения:

— Желаете, чтобы ее вычистили, пока вы моетесь?

— Что ты бормочешь? — рявкнул легат. — Я не собираюсь выслушивать всякий бред!

Раб отпрянул от грозного окрика. Ветиуса позабавил испуг слуги, и он бросил грязные краги ему в лицо. Чтобы усилить впечатление. Положив тунику на скамью, легат взглянул на боязливо сжавшихся рабов и громко спросил:

— Кто-нибудь знает, где сейчас Дейм?

— Легат Ветиус? — откликнулся голос откуда-то из внутренних комнат.

Вошедший раб обратился к воину:

— Если вы последуете за мной...

Раб, шлепая сандалиями, провел легата мимо парилок, расположенных слева от большого бассейна, обнесенного невысоким каменным ограждением справа. Серо-зеленый кафель покрывал пол и большую часть стен, украшенных горизонтальными полосами мозаики. Ремесленник из Найсо, судя по всему никогда не бывавший на побережье, украсил стены картинами, по его мнению изображавшими осминогов и прыгающих в зеленом море дельфинов. Сходство было весьма отдаленным.

— Я защищаю империю, — с отвращением бормотал Ветиус. — Вот причина, по которой я должен сражаться и выслушивать приказы толстых дураков, смыслающих в войнах не более, чем этот художник сведущ в морских тварях. Великая римская империя без наших мечей уютнее в море дикости и варварства.

В конце зала слуга остановился и открыл одну из дверей. Клубы пара вырвались оттуда, окутав обоих с ног до головы. Ветиусу пришлось ухватиться рукой за косяк, чтобы не растянуться на скользком кафеле. Сквозь пар с трудом можно было рассмотреть маленького человечка, лежащего на скамье.

— Дейм? — неуверенно спросил легат, вглядываясь во влажный полумрак.

— Заходи, Лукус, — отозвался тот. Он приподнялся на локтях, и свет упал на светлую, облепленную мокрыми кудрями голову. — Как дела?

— Допрос прошел превосходно, — ответил Ветиус, будто не слыша. Он был взбешен тоном

человека, который недавно участвовал в резне и спокойно готовился к новой. Однако легат ничем не выказал своего раздражения.

— Нам не пришлось долго упрашивать пленного рассказать все, что он знает о великане. Только вот можно ли ему верить? По его словам, гигант родом из деревушки Торгу. У местного колдуна таких чудовищ целый десяток.

— Если существует один, то почему бы не быть десятку? — задумчиво спросил Дейм. — Но вряд ли они во всем подчиняются колдуну.

— Я тоже об этом думал, — мрачно согласился Ветиус. — И это не единственная странная вещь, какую пленный рассказал о колдуне Хидаспесе. Этот чародей находился в Торгу, когда мы разгромили варваров полгода назад. После поражения варваров он долго не выходил из своего жилища... Через два месяца к деревушке с востока прискакал всадник, привезя небольшой сверток для Хидаспеса. Колдун, похоже, ждал его. Довольный, он радостно смеялся и почти подпрыгивал, когда мчался к своему шатру. Затем он сидел запершись целую неделю. Когда же Хидаспес наконец вышел, то стал отдавать приказы как настоящий правитель. Девятифутовый великан неотступно следовал за ним, подчиняясь любому приказу. За шатром колдуна появился глубокий ров. Никто из жителей деревни не знает, что происходит во рву. По слухам, там Хидаспес выкапывает своих великанов. Но никто не может это подтвердить, так как любой, кто пытался нарушить запрет колдуна и приблизиться ко рву, падал замертво.

— Итак, у Хидаспеса появился великан-телохранитель, — вслух размышлял Дейм. — И Хидаспес стал править племенем. Если это так легко, то почему бы ему не подчинить себе весь народ? Что же произойдет, если у варваров появится настоящий правитель, который прекратит все распри и пойдет на нас войной?

— Век назад персы объединились с Месопотамией, — ответил легат. — С тех пор на восточной границе идут постоянные кровопролитные сражения. Иногда мы побеждаем, иногда терпим поражения. Мы могли допустить это на одной границе — Рим — большая империя. Но на двух границах одновременно... Я не могу предположить, что произойдет...

— Пожалуй, нам нужно разобраться с этим Хидаспесом, — задумчиво сказал Дейм. — Или он разберется с нами. Ты разговаривал с Селсисом?

— Да, я рассказал ему все. Свои опасения, догадки, тревоги за судьбу Рима, — быстро ответил легат. — Но он не поверил мне, и, кроме того, он был очень зол на то, что я устроил засаду. Он считает, что такое ведение войны недостойно благородного римлянина. Легионы созданы для больших сражений, решающих одним ударом судьбу войны, а не для разбойничьих вылазок.

Дейм молча кивнул.

— Он предложил мне держать моих головорезов подальше от новичков. Видимо, боится, что ветераны пограничных войн испортят новобранцев, которых учат воевать сомкнутым строем, — продолжил Ветиус.

Раздался осторожный стук в дверь. Мужчины тревожно переглянулись.

— Быстрее! — прошептал раб за дверью.

Дейм с озадаченным видом пошел открывать.

— Торопитесь, — повторил испуганный раб. — Прокуратор Селсис пришел за легатом Ветиусом. Я показал ему на другую дверь, подумав, что вы захотели бы подготовиться к встрече, но он может появиться здесь в любой момент.

— Я надену тунику и встречу с ним в комнате для переодевания, — проговорил Ветиус. — Не хочу, чтобы меня арестовали нагишом.

Перепутанные рабы растворились в дальних уголках здания, оставив одежду легата на скамье.

Селсис, сопровождаемый двумя телохранителями, без церемоний ворвался в комнату.

«Он здесь не для того, чтобы взять меня под стражу. По крайней мере, сейчас. — подумал легат. — Хотя одни только боги знают, как часто меняется настроение прокуратора».

— Где ты был? — злобно заорал наместник императора. Его круглое, оплывшее лицо соответствовало цвету его ярко-красной тоги.

— Здесь, в купальне, — спокойным голосом ответил Ветиус.

— Только что поступили донесения, — брызгая слюной, выкрикнул Селсис. Его жирные щеки тряслись от волнения. — Произошло десять атак на наши позиции прошлой ночью, десять, Ветиус! Несокрушимые чудовища руководили варварами! Пуникум, Новаи, Фрасули — все укрепления уничтожены!

— Я предупреждал тебя, что планировались и другие нападения, — ответил легат. — Однако заметить — ни одной из них не произошло в моем секторе. Мои солдаты, я... и ты тоже знаешь почему.

— Ты солгал мне, когда сказал, что убил великана! — топая ногами, закричал Селсис. — В Новаи воины стреляли по нему из катапульты, и он остался целехонек, все стрелы отскакивали от его доспехов.

— Нужно было попасть в прорезь в шлеме. Его доспехи непробиваемые, — возразил легат.

Прокуратор жестом приказал удалиться телохранителям. Впервые за время разговора он обратил внимание на Дейма, тихо сидевшего в углу.

— Убирайся отсюда поживей! — произнес он, краснея от злости еще больше, чем обычно.

Торговец поклонился и поспешил следом за телохранителями. Но он не стал отходить далеко от двери.

— Послушай, — прошептал Селсис, дергая легата за рукав и заставляя его наклониться пониже. — Ты должен что-то сделать с великанами. Если набеги будут продолжаться, это плохо кончится.

— Прекрасно, — удивленно сказал Ветиус. — Дай мне мою когарту и Пятую Македонскую в придачу, несколько кавалерийских отрядов — скажем, Старых Германцев — и я сровню Торгу с землей. Мы сотрем в порошок всех чудовищ.

— О нет, великие боги! — Толстый Селсис задохнулся от изумления. — Не требуй так много. Если император услышит об этом, можно

представить, что он подумает. Нет, легат, пятьдесят человек, этого вполне достаточно.

— Ах ты...— начал было Ветиус грозно, но потом сбавил тон.— Это не засада на шайку пограничных разбойников. Придется сражаться с могучим вожаком и тысячами его союзников, миль на сто углубиться в Саматию. С тем же успехом я могу идти и один.

— Пятьдесят человек,— отрезал Селсис. Потом, засияв, словно он удовлетворил просьбу легата, добавил: — Я уверен, ты справишься. Просто уверен.

Два всадника подъезжали к окрестностям Торгу.

— Я не должен был позволить тебе поехать со мной,— ворчал Ветиус, обращаясь к своему другу.— Следовало или отправиться одному, или взять центурию и предложить Селсису возглавить поход.

— У тебя нет любопытства. Ты считаешь, что это очередная военная кампания против варваров,— улыбнулся Дейм.— Я же хочу знать, откуда взялся девятифутовый гигант.

Вдали показалось стадо — привычный пейзаж для этих земель. Коровы растянулись по степи в поисках скудного корма под снежной коркой. Некоторые из животных обгладывали кору с кустов, покрывающих мелкие холмы. Коровы учуяли запах приближавшихся к ним лошадей. Животные, замычав, потрусили прочь, оставляя за собой навозные лепешки. Отбежав

на приличное расстояние, они вновь приобрели невозмутимый вид и спокойно стали таращить глаза на незнакомцев, посмевших нарушить их покой. Между холмами горел костер пастуха, укрывшегося от холодного ветра.

Дейм заметно беспокоился. Над заснеженной равниной висела гнетущая тишина. Пастух-саматианин неподвижно наблюдал за римлянами, без опаски скачущими через его стадо по направлению к Торгу. Когда он наконец понял, что видит, то подпрыгнул, как ужаленный, удивленно завопив. Спрыгнув в сугроб, он не удержал равновесия и плюхнулся в него всем телом, продолжая наблюдать за передвижением врагов. Всадники не обратили внимания на него, и саматианин стремглав помчался к лошади. Погоняя ее изо всех сил кнутом, он бешеным галопом поскакал домой. Коровы проводили его безразличными взглядами, а потом вновь занялись поисками пищи.

Рот купца вмиг пересох от волнения, когда он понял, что их заметили. Дейм знал, что в конце концов они наткнутся на саматиан. Это входило в их планы. Но все равно ему стало страшно. Теперь было слишком поздно, чтобы повернуть назад.

— Скоро мы получим сопровождение,— с фальшивой бравадой заметил торговец.— Я поражаюсь, почему саматиане не несут дозор.

— Почему? — фыркнул Ветиус.— Знают, что здесь они в безопасности, пока такая безмозглая скотина, как Селсис, правит на границе.

Оставив позади стадо, римляне медленно поехали вперед. Без пастуха животные начали

разбредаться в разные стороны, и вскоре, зайдя подальше в лес, они вполне могли стать легкой добычей для волков.

— Одни коровы,— пробормотал Ветиус.— Довольно сложно найти здесь людей, мой друг.

Через полмили они заметили вооруженного всадника, застывшего статуей на вершине холма. Черную фигуру заносил мокрый снег, который человек то и дело отряхивал. Неожиданно всадник повернул голову и несколько раз громко прокричал, и крики эти разнеслись над равниной как призывный клич боевого рога. Через мгновение множество вооруженных всадников стали спускаться с близлежащих холмов, направляясь к непрошеным гостям.

— Я думаю, мы подождем их здесь,— сказал легат.

— Уверен, из нас получится хорошая мишень,— натянуто улыбнувшись, согласился Дейм.

Как перед атакой, вождь саматиан вскинул копье, остальные последовали его примеру. Громко крича, они окружили Ветиуса и Дейма.

Остановившись перед Деймом, вождь рявкнул короткий приказ и нацелил копье на купца. Тот глубоко вздохнул и крепче сжал лежащий на седле арбалет. Рассерженный вождь остановился в нескольких шагах от него и опустил копье. Повернувшись к Ветиусу, кочевник приказал на вполне сносном греческом языке:

— Вы, чужеземцы, поедете с нами в Торгу.

— Хорошо,— согласился Ветиус.— Мы как раз собирались в Торгу, чтобы повидаться с Хидаспесом.

Раздались приглушенные голоса варваров. Один из них наклонился вперед и потряс перед лицом легата какой-то вещью, напоминающей амулет, что-то быстро и невнятно бормоча под нос. Мрачный вождь выкрикнул другой приказ и, прищпорив коня, помчался вперед. Римляне и саматиане поскакали следом по холмистой местности, направляясь к Торгу.

Путь был долгим, а голова купца полна самых черных предчувствий. Он проклинал себя за минутную слабость, благодаря которой его угораздило очутиться в этой переделке. Ветиус оставался спокойным, по крайней мере внешне. Однако внутренне он весь был собран и готов к любому повороту событий. Сопровождавшие их воины казались безмолвными демонами пустыни.

Возле безымянного, крепко скованного льдами ручья расположился лагерь варваров. Единственным строением здесь была стоявшая среди повозок перекошенная лачуга. Дейм хорошенько рассмотрел ее, когда они проезжали мимо. Ее грубо связанные серые потрескавшиеся бревна увенчала копна гнилой соломы. Через узкое отверстие под самой крышей тянулся дымок. Лачуга же выглядела крайне неприглядно. Могло показаться, что она вот-вот рухнет, погребет под собой обитателей. Торговец с трудом мог поверить, что люди, живущие в таких условиях, имеют хоть какое-то представление о цивилизации.

Вокруг бревенчатого сооружения, среди грязи и отбросов, разместились повозки кочевников. Наверху, на крытых дранкой навесах, в тусклом солнечном свете сушились коровьи лепеш-

ки, служившие кочевникам топливом. От сажки, которая осела на снег, распространялось по деревне тяжелое зловоние.

За исключением патруля, никто в деревне не заинтересовался двумя торговцами.

Вначале Дейму показалось, что около каждой повозки в снег воткнуты длинные копы. Но когда он внимательнее осмотрел жилье варваров, то заметил луки и колчаны со стрелами, висевшие на седлах лошадей. Зато сопровождающие их кочевники имели помимо полного вооружения еще и кольчуги.

— Лукус,— прошептал торговец, обращаясь к легату на латыни. — Неужели все они знатного происхождения?

— Внешнее впечатление часто обманчиво,— ответил в тон ему воин. — Ты судишь по тому, как они выглядят сейчас, но большинство из них — обыкновенные пастухи. В недавнем прошлом — слуги. Сейчас же из них сделали воинов, заплатив за доспехи.

— Хидаспес? — спросил Дейм.

— Я подозреваю, что это так.

— Тогда у него должно быть больше слуг, чем у короля... И все же это не слуги — это воины.

— А ну замолчите! — приказал вождь саматиан, оборачиваясь в сторону римлян.

Ветиус про себя отметил, что лагерь полон воинов. На миг он представил себе лавину диких варваров, которая подобно морской волне захлестывает пограничные провинции, и челюсти его судорожно сжались. Он слишком хоро-

шо знал своих врагов, беспощадных и хитрых, словно их собратья — волки пустыни. Мысленно он еще раз дал обет богам отвести от Рима эту напасть.

Они проехали через лагерь кочевников и приблизились к стоявшему на отшибе шатру, покрытому шкурами зверей. Каждый угол шатра был прижат к земле валуном базальта восьмиугольной формы, в несколько футов высотой. О предназначении камней можно было только догадываться: были ли это алтари, или обычные камни, или еще что-то, а может, они имели особое, мистическое значение. Шатер располагался обособленно, на пятьдесят шагов вокруг не было ни одной повозки. Два охранника застыли у входа. Дейм, взглянув на столбы, сказал:

— Вряд ли стоит торговать шелком в этой Богом забытой стране.

— Тихо! — грозно повторил саматианин, как только они остановились перед шатром. Он бросил короткое приветствие стоявшей у дверей охране. Один из стражников нагнулся и нырнул внутрь. Он вернулся в сопровождении высокого человека, одетого в черную мантию из прекрасной испанской шерсти. На лице, довольно изящном для саматианина, играла победоносная улыбка. На плечах, покрытых черным капюшоном, сидела крошечная обезьянка с большими глазами. Время от времени она прижималась к уху хозяина и что-то тихонько нашептывала.

— Похоже — сам Хидаспес,— шепнул Ветиус купцу. — Я слышал, будто он предпочитает черную одежду любой другой.

— Они безоружны? — спросил колдун у стражи, не обращая внимания на римлян, что очень покорило торговца.

Вождь саматиан, который привез чужеземцев, восторженно в замешательстве, с опозданием поняв свою оплошность, и злым голосом потребовал у римлян оружие. По голосу его был ясно виден страх. Торговец решил, что власть колдуна над подданными основана на суеверном ужасе. Ветиус молча протянул стражникам свой лук и длинный меч, который носил даже сейчас, хотя командовал пешей когортой. Торговец прибавил к этому свой арбалет и колчан со стрелами.

— Что это? — недоуменно спросил Хидаспес, указывая на оружие Дейма.

— Это я привез с востока, — объяснил Дейм, смотря колдуну прямо в глаза. Он твердо решил продемонстрировать варварскому правителю превосходство цивилизованного человека над примитивным дикарем. — Ты должен опустить стрелу в отверстие наверху. Там она закрепится, когда возьмешься вновь за рукоять. Затем взводишь курок и стреляешь.

— С востока? Мне доставляют оттуда оружие, — сказал саматианин, презрительно скривив губы. — Но это только игрушка, не так ли, чужеземец? Стрелы такие маленькие, а рукоятка такая длинная. Что воин может делать с такой вещью?

Дейм пожал плечами.

— Я не воин, а с арбалетом чувствую себя в безопасности. Я не хочу стрелять из него, да и из любого другого оружия.

Колдун жестом прекратил разговор. Затем он поднял шелковый полог, и шагнул под него, унося оружие внутрь шатра. Потом он обернулся, уставившись на них своим гипнотическим взглядом, словно вспомнив вдруг о досадной оплошности.

— Спешивайтесь, спешивайтесь, — обратился он к прибывшим на превосходном греческом. — Может быть, в тех землях, откуда вы родом, слышали обо мне?

— Да. Ты Хидаспес, колдун, — нарочито льстивым голосом заговорил Ветиус. — Слава о тебе проникла далеко в глубь империи. Когда мы думаем о могущественном колдуне, мы вспоминаем о тебе. Вот почему мы пришли к тебе за помощью.

— От чьего имени? — недоверчиво спросил Хидаспес. — Неужели от имени самого императора?

— Мы посланники Селсиса Дасия, посланники всех недовольных нынешним положением дел в Риме, — поспешно ответил Ветиус. — Империя страдает под властью кровавого диктатора: евнухи командуют армиями, жрецы правят государством, люди молятся на сборщиков налогов. Сейчас мы слабы, однако римский народ не может бесконечно терпеть издевательства. Без сомнения, мы получим поддержку, но вначале нужно убедить людей, что за нами стоит сила. Несокрушимая сила.

Ветиус перевел дух, стараясь уловить, какое впечатление он произвел на варвара. Но лицо колдуна было непроницаемым. Пожав плечами, римлянин продолжил:

— Получив твоих гигантов, мы после победы заплатим тебе, отдав часть земель империи.

— А ты зачем явился, маленький человек? — неожиданно спросил Хидаспес.

Дейм представил толстое лицо Селсиса. Если бы тот узнал, что его имя связали с изменой... Но торговец быстро оправился и ответил колдуну еще более елейным тоном, чем легат:

— У нас, торговцев, нет причин пылать любовью к нынешнему правителю Рима. Дороги разрушены, в ходу фальшивые деньги, жадность наместников императора лишила нас законной прибыли с торговых сделок.

— Так ты пришел прибавить к землям золото?

— То золото, что нам предстоит заработать? Хотя кто знает будущее? — ответил, ухмыльнувшись, Дейм.

Золотые монеты блеснули в его ладони. Торговец сверкающей дугой пересыпал их из правой руки в левую и назад.

— Да! Это выглядит убедительней, чем речи политиков, — весело рассмеялся колдун. При виде золота глаза его стали алчными. Это выражение на лицах людей Дейм знал хорошо.

Довольная настроением хозяина, обезьянка радостно закрутилась и стала поглаживать его волосы кончиками выпуклых пальцев.

— Вы действительно верите, что я могу вызывать великанов прошлого? — спросил вдруг колдун, с трудом оторвав взор от денег на ладони купца. — Да, я могу! — неожиданно властно заявил Хидаспес. Его лицо стало вновь непроницаемым.

Дейм подозревал, что этот колдун сильно отличался от обыкновенных шарлатанов, и ему вдруг захотелось быстрее вернуться обратно в Найсо. Если бы Хидаспес был обычным безумцем, то он вряд ли мог обмануть целое племя, даже варваров. «Или — подумал торговец, переминаясь с ноги на ногу, — это сумасшествие какой-то новой формы».

— Субрадас, собери жителей деревни за моим шатром, — резко приказал Хидаспес. — Но оставь пустое место в середине, так чтобы можно было поставить там еще один шатер.

Саматианин почтительно склонил голову и спросил, глядя на колдуна снизу вверх:

— И женщин тоже, мой повелитель?

— Всех. Женщин, рабов, детей. Я собираюсь показать вам, как я вызываю великанов.

— О! — открыли от изумления рты слушавшие его варвары. Вождь, сопровождавший римлян, потряс в воздухе копьём и издал победный клич.

Было видно, что колдуну доставляет несказанное удовольствие наблюдать и слушать восторженные вопли в свою честь. Он даже прошелся перед собравшейся толпой, благосклонно кивая. Воины, простые пастухи и женщины смотрели на него с обожанием, достойным лишь императора.

Хидаспес величественно развернулся и направился ко входу в шатер, но потом остановился, что-то припомнив.

— Возьмите и римлян, — приказал он охранникам. — Да присматривайте за ними хоро-

шенько. — Да, римлянин, — продолжил колдун, обращаясь к Ветиусу. — Это не так уж сложно — вызывать великанов, если у тебя достаточно знаний и опыта. Почти так же легко, как нести лук такому сильному человеку, как ты.

Взгляд, которым Хидаспес обвел присутствующих, надолго запомнился воинам.

Варвары не заставили себя долго ждать, и вскоре собрались позади шатра колдуна.

Наклонившись к самому уху легата, Дейм прошептал:

— Если так пойдет дальше, то попробуй проникнуть в шатер. Ты знаешь о моем арбалете?

Ветиус кивнул, но от всего происходящего на него будто повеяло могильным холодом.

Как и рассказывал пленный, одиннадцать длинных рвов протянулись в разные стороны от шатра колдуна. Хоть и неглубокие, они были достаточно широки, и вряд ли Хидаспес смог бы вырыть любой из них за одну ночь без посторонней помощи в замерзшей земле. У Дейма это место вызывало отвращение. Ему слышался скрежет когтей чудовища, убитого им, которое пыталось высвободиться из могилы.

Все приготовления к демонстрации колдовской мощи были завершены с поразившей римлян точностью и скоростью. Вскоре незванные гости оказались в середине площадки, накрытой шкурами, под бдительным присмотром варваров.

Стражники с кривыми саблями отгесняли пришедших позже, пытаясь сохранить неровный круг. На двадцать локтей с каждой стороны от римлян протянулся навес из шкур. Варвары же

столпились между валунами, палаткой колдуна и краем навеса. Воины стояли впереди, женщины и дети — сзади.

Как только Хидаспес вышел на свободное место, саматиане мгновенно перестали толкаться. Колдун встал между Деймом и Ветиусом, злое еще улыбнувшись им. Слуга открыл шатер и подал Хидаспесу какие-то предметы. В левой руке у колдуна появился медный сосуд-фляга, в правой он держал маленький сверток. Не торопясь, Хидаспес вышел в центр круга.

— Жизны! — неожиданно закричал он, бешено сверкая глазами и размахивая сосудом над головой. Потом, поставив флягу на землю, принялся осторожно разворачивать кожаную обертку пакета. — И семья! — вновь прокричал колдун.

В его ладони появилось нечто напоминающее зубы и когти, но какого-то каменисто-грязного цвета, с тусклым серым налетом. Один очень походил на коренной, но для человеческого зуба был слишком велик. Форма второго зуба напоминала собачий клык, но — огромный, четырехдюймовый! Хидаспес, зажав в каждой руке по зубу, принялся исполнять вокруг валявшейся в грязи фляги замысловатый ритуальный танец, переходя к диким прыжкам. Обезьянка у него на плече в восторге принялась щелкать зубами и тоже пыталась пританцовывать, быстро перебирая худенькими лапами.

Римляне, дети утонченной культуры, с трудом сдерживались, чтобы не расхохотаться. На остальных же зрителей пляска производила со-

всем другое впечатление. Внезапно Хидаспес остановился и посмотрел на своих гостей.

— О, да! Семена. Вот они. Я наконец-то получил их, все тринадцать. Мне привезли из Китая, те люди, у которых ты покупаешь свой шелк, торговец. Драконьи зубы и когти — вот их название. Посадив их подобно Кадиусу, вырастившему Тибес, я построю собственную империю, тогда как он сумел воздвигнуть только город. И я стану величайшим из правителей. Ведь сейчас могущественней меня нет человека на земле.

Дейм облизнул пересохшие губы.

— Мы поможем тебе создать империю... — начал он неуверенно, но Хидаспес игнорировал его слова, обращаясь только к Ветиусу:

— Ты хотел увидеть моих колоссов, римлянин? Так смотри!

Колдун выдернул маленький кинжал из-за пояса и воткнул в землю. Как фермер сажает орехи, так и Хидаспес поступил с зубом дракона. Он положил его в образовавшуюся ямку, присыпал землей и хорошенько притоптал. Разогнувшись, колдун прокричал несколько слов в небо. Варвары ахнули, но Дейм сильно сомневался, что они поняли хоть слово из того, что произнес Хидаспес. К его удивлению, язык, на котором разговаривал колдун, показался ему знакомым. По крайней мере, однажды, темной беззвездной ночью на берегу Персидского залива, ему уже довелось услышать такое пение... При этих воспоминаниях он содрогнулся.

Потом колдун, не останавливаясь, стал размахивать сосудом и тихо напевать. Черная ман-

тия начала сползать на землю, заставив обезьянку вцепиться в длинные маслянистые волосы хозяина. Когда колдун повернулся, Дейм увидел, что губы зверька вторят словам, произносимым Хидаспесом. Из фляги пролилось несколько кроваво-красных капель. Торговец решил, что это вино или кровь, но переменил свое мнение, когда, зашипев, жидкость коснулась земли. Замерзшая грязь зазвенела, будто от ударов гонга.

Обезьянка, совершенно не чувствуя холода, прыгнула с плеча Хидаспеса и перескочила через расплзающееся пятно. Колдун продолжал песнопение как-то по-новому, произнося слова страшно скрипучим голосом.

Земля в том месте, где на нее пролились звенящие капли, потрескалась.

Обезьянка изнемогала. Хидаспес перепрыгнул через становившиеся все глубже расщелины и, подняв на руки, завернул маленькое создание в свой широкий плащ. На какое-то время вновь воцарилась тишина.

Внезапно из трещины в земле появилась огромная, со скрюченными пальцами рука. Земля затряслась. На этот раз показался покрытый стекающей черной, липкой грязью торс великана. Ветиус узнал чудовище, эти жуткие черты лица. Из-под земли появлялся великан, которого он убил. Он смотрел на легата глазами Хидаспеса.

— О да, римлянин, — ухмыльнулся колдун. — Жизнь, семена и заклęcia! Между ними должна существовать взаимосвязь... И вот воин перед тобой, во всей своей красе.

Чудовище, покрытое комьями земли, медленно стало подниматься над рвом. Даже когда гигант находился во рву, скрывавшем часть тела, голова возвышалась над землей на восемь пальцев.

— Мое творение! — пронзительно прокричал Хидаспес, ни к кому конкретно не обращаясь, хотя легату показалось, что все говорится для него. — Частица меня в каждом из них, вы видите? И создавать их помогает мне этот зверек.

Колдун погладил обезьянку, и его помощница довольно заурчала. Огромные звериные глаза затуманились.

— Ты сказал, что слышал обо мне, римлянин, — продолжал колдун. — Я тоже знаю тебя, Лукус Ветиус. Я видел, как ты натягивал лук. Я видел, как ты убил мое творение; видел, как ты убил часть меня, римлянин!

Ветиус расстегнул плащ, позволив ему сползти на землю. Колдун вытер струйку слюны, капающей изо рта, и отступил назад, положив руку на лоб великану.

— Убей меня снова, римлянин, — медленно сказал Хидаспес. — Можешь нападать, никто не станет тебе препятствовать. Но сегодня у тебя нет лука. — И он, обращаясь к своему охраннику, приказал, показав пальцем на Дейма: — Присмотри пока за этим.

Варвар, послушный приказаниям своего повелителя, подошел сзади и крепко сжал плечо торговца. Внезапно великан зашевелился. Легат пододвинулся к куче развороченной потрескавшейся земли. Гигант выбрался из рва и направился ему навстречу, тяжело переставляя

косопалые ноги, спотыкаясь в грязи, которая некогда баюкала одного из его братьев.

Ветиус стоял в центре импровизированного круга, готовясь к бою.

— Эй! — закричал он, привлекая внимание великана, и бросился в атаку. Великан отразил удар с поразительной скоростью, отшвырнув Ветиуса в сторону с легкостью человека, играющего в ручной мяч. Римлянин не успел шевельнуть пальцем, как гигант ударом под ребра отбросил его снова локтей на десять. Только неуклюжесть великана спасла Ветиуса от смерти.

Легат тяжело хрипел, всеми силами стараясь восстановить дыхание, взгляд его застыл на лице великана. Струйка крови стекала на землю из разбитой губы. Великан вновь стремительно атаковал.

Только двое из собравшихся без особого интереса следили за поединком. Дейм как можно незаметнее ощупывал шов плаща, следя за сражением лишь краем глаза — не так уж приятно смотреть, как гибнет друг. Так же вскользь поглядывал на сражение Хидаспес. Он только что вырыл еще одну ямку для второго, большего зуба. Казалось, что колдун попросту не замечает сражающихся, которые находились в нескольких шагах от него. Если он и наблюдал за битвой, то, как и утверждал ранее, глазами великана. Несомненно, даже такой сумасшедший, как Хидаспес, вряд ли повернулся бы спиной к врагу.

Вначале Дейм подумал, что колдун знает о происходящем от обезьянки, которая вновь уселась на его плече и выглядела довольно устав-

шей. Хидаспес принялся утрамбовывать землю, начиная произносить очередное заклинание.

Происходящее сражение очаровало стражника, охраняющего Дейма. Он даже хлопал торговца по спине, выкрикивая кровожадные проклятия в адрес Ветиуса. Торговец наконец-то высвободил тонкий стилет из плаща и аккуратно спрятал его в руке. Действовал он очень медленно, не поворачивая головы, чтобы лишним движением не привлечь внимание охранника. Осторожно проведя рукой вдоль шеи варвара, Дейм коснулся его позвоночника. Резким движением он вонзил тонкое лезвие в основание спинного мозга и дважды повернул его. Охранник умер мгновенно, не издав ни единого звука. Торговец, поддержав падающее тело, прислонил его к одной из подпорок навеса и быстро огляделся. Колдун вместе с обезьянкой продолжал произносить заклинания, слова которых тонули в гуле толпы. Хидаспес, казалось, впал в транс и не обращал внимание ни на Дейма, ни на внезапно заволновавшуюся обезьянку, в глазах которой проскользнуло беспокойство.

Толпа меж тем неистовствовала. Торговец тем временем откинул полог и, пятясь, вошел в шатер.

Внутри от двух масляных халседоновых ламп разливался мягкий золотистый свет. Пол и две скамьи покрывал густой пушистый мех. На краю стола стояли два человеческих черепа, слишком маленьких для взрослых людей. Большой неожиданностью для Дейма стали обнаруженные им книжные полки, содержащие многочислен-

ные рукописи на пергаменте и папирусы древних книг Индии. Но больше всего купца интересовало оружие. Арбалет стоял напротив входа. Торговец схватил его, и отыскал короткие толстые стрелы, лежавшие тут же. Из своей маленькой кожаной сумки он достал стеклянный пузырек с едким ядовитым веществом и стал по очереди окунать туда каждую стрелу. Бронзовые наконечники стрел приобрели зеленый оттенок. Осторожно, не дотрагиваясь до смазанных ядом мест, торговец поместил все десять стрел в магазин арбалета. Подготовив оружие, он слегка отодвинул полог шатра и выглянул наружу.

Ветиус уворачивался от великана, стараясь ударить его по ногам. Наконец его попытка увенчалась успехом, и он ржавыми гвоздями кованых солдатских ботинок разорвал гиганту икру. Тот в свою очередь, сделав обманное движение, схватил римлянина за тунику. Какой-то миг добротная материя держалась, а потом, не выдержав, с треском лопнула. Ветиус кубарем покатился по земле. Великан неотвратимо навалился на него. Легат откатился в сторону, вскочил на ноги и, как только враг выпрямился, вновь ударил его ногой. Каблук с размаху попал в глубокую яму живота гиганта, нанеся кровавую рваную рану железными гвоздями.

Великан зашелся громким кашлем, но его чудовищных размеров тело осталось неподвижным. Ветиус, поняв тщетность своих атак, стал кружить, избегая прямого столкновения с великаном. Очередной удар, несмотря на увертки, задел его и заставил пошатнуться. Ветиус с

трудом перевел дыхание. Длинная рука чудовища едва задела его лицо. Римлянин отпрянул, с трудом уклонившись от длинных смертоносных когтей. Великан неумолимо преследовал его. Ветиус вынужден был признать, что смерть близка: он не мог убить великана голыми руками.

Римлянин вновь стал кружить, отступая от своего противника. Сейчас он мог рассчитывать только на удачу и попытаться использовать неправдоподобный вес великана. Зайдя за угловой каменный столб навеса, он ждал противника, пригнувшись к самой земле, как это делали борцы на римских аренах. Великан секунду колебался, размахивая широкими руками, потом бросился на легата с намерением убить, растерзать, затоптать ненавистного врага. Ветиус, даже не пытаясь отыскать лазейку для бегства, атаковал гиганта низким коротким ударом. Кулаки римлянина с такой силой врезались в лодыжки гиганта, что тот, зашатавшись, начал опрокидываться назад. При всей своей силе великан был неуклюж. Восстановить равновесие он уже не смог.

Череп колдовской твари ударился о базальтовый алтарь. Кости затрещали, раздался звук напоминающим грохот деревянного молотка, забивающего клин. Теплая жидкость окрасила снег в алый цвет.

Все было кончено, но варвары недоверчиво роптали, отказываясь верить случившемуся. Хидаспес, стоя на коленях, громко завизжал, стуча кулаками по земле и царапая лицо. В это мгновение он даже забыл про заклинание, ко-

торое почти завершил. Земля у его ног заколыхалась, верхний ее пласт затрещал, словно что-то пыталось вырваться из недр. Затем с утробным звуком земля разверзлась перед колдуном в том самом месте, где он посадил зубы. Раздался новый оглушительный треск.

— Лукус! — закричал Дейм, приподняв угол шатра.

Легат стремительно перепрыгнул через начинающее коченеть тело чудовища и побежал на зов друга. Никто из оторопевших саматиан не попытался его остановить.

— Снаружи стоят лошади. Я попытаюсь задержать варваров.

Ветиус нерешительно переминался с ноги на ногу. Он был воином и не привык убегать от врага.

— Беги! — зарычал торговец. — Здесь больше нет оружия. Ты и так совершил чудо голыми руками. Не стоит искушать богов дважды!

Раздался тихий скрип — это остро отточенный клинок вспарывал ткань шатра. Саматианин с кинжалом в руке протиснулся внутрь. Не раздумывая, легат наклонил тяжелый ящик с книгами и опрокинул его на варвара. Треск костей и деревянных досок слились в единый звук, от которого торговцу на миг стало дурно. Ветиус повернулся и выбежал из шатра.

Вокруг мелькали черные фигуры опомнившихся варваров. Первый показавшийся в проеме саматианин умер от стрелы, выпущенной Деймом и пробившей ему глаз. Торговец быстро перезарядил свое оружие. Жизнь второго

варвара прервала стрела, перебившая сонную артерию. Третий человек, споткнувшись о труп, дико завизжал. Прикрывая лицо руками, он оголил не защищенные кольчужой подмышки, куда попали две другие стрелы. Дейм израсходовал все стрелы, завалив выход из палатки грудой тел, корчившихся в агонии. Отбросив в сторону разряженный арбалет, торговец выбежал из шатра и вскочил на лошадь.

— Вряд ли нам удастся уйти! — прокричал Ветиус, когда нахлестывавший лошадь Дейм догнал его. — Они настигнут нас на равнине, задолго до того, как мы достигнем Данубы.

Дейм оглянулся. Обезумевшие варвары бесновались с обеих сторон от шатра. В их голосах звучал неподдельный ужас.

— Хидаспес использовал заклинания и обезьянку, чтобы управлять чем-то непохожим на человека! — прокричал Дейм.

— И что это?

— Последний зуб ничуть не походил на человеческий... — начал отвечать торговец, но не успел закончить свою мысль.

Нечто огромное, покрытое блестящей чешуей поднялось над обломками шатра. Крючковатая голова последнего творения колдуна повернулась в сторону всадников, а толстая лапа запихивала в пасть фигуру в черной мантии.

Ветиус обернулся в седле, изумленно тараща глаза на могучие челюсти, перемалывающие кости. Дракон зашипел, опустил голову в поисках новой жертвы...

КОПЬЕ И КЛЫК

— за скорчилась у входа в пещеру, с удивлением наблюдая за Га-нором. Ее интересовал Га-нор и то, что он делал. А он, слишком увлекшись своей работой, не замечал девушки. В нише стены горел факел, тускло освещавший всю пещеру. Га-нор трудился при его свете, вычерчивая фигуры на стене. Куском кремня он процарапал

контуры, а потом закончил фигуру, подкрасив ее охрой. Кистью ему служила маленькая веточка. Картинка получилась грубой, но в ней был виден гений художника, экспрессия.

Га-нор собирался нарисовать мамонта. Глаза А-эи округлились от удивления и восхищения. Потрясающе! Ну и что из того, что у зверя не хватает ноги и нет хвоста? Для дикарки, погруженной в пучину варварства, творчество Га-нора было верхом совершенства.

Однако А-эа спряталась среди скудных кустов у входа в пещеру Га-нора не для того, чтобы следить, как он рисует мамонта. Восхищение картинкой было лишь слабым чувством рядом с ее любовью к Га-нору. А первобытный художник был симпатичным: выше шести футов, стройный, с длинными руками и ногами, с могучими плечами и узкими бедрами — телосложением воина. Черты его лица, резко очерченный в мерцающем свете факела профиль казались утонченными: высокий, широкий лоб, грива светлых волос.

Да и сама А-эа выглядела миленькой. Ее волосы, такие же прекрасные, как ее глаза, были черными и игривыми волнами ниспадали на тонкие плечи. Ее щеки не покрывали татуировки, потому что А-эа еще не вышла замуж.

Оба и юноша, и девушка, были совершенными образчиками расы великих кроманьонцев, которая взялась неизвестно откуда, объявила и укрепила силой свою власть над животными.

А-эа, нервничая, огляделась. Обряды, обычаи и табу занимали главенствующее место в жизни дикарей.

И художник, и девушка принадлежали примитивной расе, ревностно чтившей свои обычаи. Порок и распущенность могли быть законом, но внешне их избегали и порицали. Так что если бы А-эу обнаружили спрятавшейся возле пещеры неженатого молодого человека, ее бы публично обвинили в распущенности и выпороли.

А-эе полагалось изображать скромную, сдержанную деву и вызвать у молодого художника интерес к себе, словно невзначай. Потом, если бы молодой человек и впрямь заинтересовался ею, он посватался бы к ней, стал петь грубые песни о любви и наигрывать мелодии на тростниковой дудочке. Потом бы он внес выкуп ее родителям и потом... женился бы на ней. А если влюбленный юноша был богат, то никакого сватовства бы и вовсе не было.

Но маленькая А-эа была себе на уме. Взгляды искоса не привлекли внимание молодого человека, который только и думал, что о своем рисовании, так что девушке пришлось шпионить за ним, в надежде найти какой-нибудь способ завоевать его сердце.

Га-нор отвернулся от своей законченной работы, потянулся и посмотрел на вход в пещеру. Словно испуганный, кролик маленькая А-эа отпрянула и помчалась прочь.

Выйдя из пещеры, Га-нор остановился в замешательстве, разглядывая маленький, изящный след, отпечатавшийся на влажной земле у входа в пещеру.

А-эа направилась прямо к своей пещере, которая находилась, как и большинство осталь-

ных, вдалеке от пещеры Га-нора. Проходя мимо, она обратила внимание на группу воинов, возбужденно разговаривавших перед пещерой вождя племени.

Простая девушка не заинтересовалась бы собранием мужчин, но А-эа была любопытной. Она подобралась поближе. Она услышала слова «след» и «гар-на» — так первобытные люди называли человеко-обезьян.

В лесу, неподалеку от пещер, охотники видели следы гар-на.

«Гар-на!» Это слово вызывало отвращение и ужас у людей пещер, потому что существа, которых называли гар-на, были волосатыми чудовищами, выходцами из другого века, неандертальцами. Страшнее мамонта и тигра, они правили лесами, пока не пришли кроманьонцы — сородичи А-эа. Обладая невероятной силой и слабым разумом, яростные гар-на были к тому же каннибалами. Они вселяли в сердца своих врагов ненависть и ужас — ужас, прошедший через века и выродившийся в сказки об орках и гоблинах, волках-оборотнях и диких людях.

Во времена же А-эа их осталось не очень много, но, несмотря на скудость разума, гар-на были хитрыми тварями. Они не бросались с ревом в битву, а действовали хитростью. Человеко-обезьяны крадучись пробирались по лесам, уничтожая всех животных на своем пути. Их примитивный разум мог породить лишь ненависть к людям, которые вытеснили их с лучших охотничьих угодий.

И кроманьонцы выслеживали соплеменников А-эа и убивали их, пока люди не загнали их в самые глухие леса. Но люди по-прежнему боялись ужасных тварей, и ни одна женщина не ходила в джунгли в одиночестве.

Дети иногда нарушали этот запрет, и иногда не возвращались. Тогда те, кто отправлялся искать пропавших, находили следы страшного пира и отпечатки лап — не звериных, но и не человеческих.

А теперь, раз охотники увидели след, нужно было собрать отряд и отправить его на охоту за чудовищем. Иногда ужасные твари бросались в бой и их убивали, иногда они бежали лишь застышав приближение охотников, и прятались в отдаленных уголках леса, куда люди не забирались. Однажды охотничий отряд, увлекшись погоней за гар-на, забрался слишком далеко в лес, и там, в глубокой ложбине, где сплетенные ветви закрывают небо, на них напал отряд неандертальцев.

В тот раз никто из охотников не вернулся.

* * *

А-эа отвернулась и посмотрела на лес. Где-то в глубине его затаился человеко-зверь. Его свинячьи глазки хитростью сверкали, переполненные ненавистью.

Кто-то заступил путь А-эа. Это оказался Канану — сын советника вождя.

Девушка отвернулась, пожав плечами. Она не любила Канану и боялась его. А юноша, подразывая, ухаживал за ней, так, словно он просто забавляется и на самом деле А-эа вовсе

ему не интересна. В этот раз Ка-нану, играя, схватил девушку за запястье.

— Не отворачивайся, прекрасная дева,— с усмешкой сказал он.— Это же твой раб — Ка-нану.

— Дай пройти,— ответила А-эа.— Я иду к источнику.

— Тогда я пойду с тобой, моя прекрасная луна, так как по окрестностям рыщет ужасный зверь. Он может напасть на тебя.

И юноша отправился следом за А-эа, несмотря на ее протесты.

— Где-то поблизости бродит гар-на,— серьезно продолжал юноша.— Ты же знаешь закон. Теперь каждую девушку должен сопровождать мужчина для защиты. А я — Ка-нану! — прибавил он совершенно другим тоном.— И не отходи от меня далеко, а то мне придется поучить тебя послушанию.

А-эа кое-что знала о безжалостной натуре этого человека. Многие из девушек племени с интересом поглядывали на Ка-нану, потому что он был здоровее и выше Га-нора и более красив. Но А-эа любила Га-нора и боялась Ка-нану. Страх перед ним заставлял ее противиться их сближению. Га-нор знал, как обращаться с женщинами, был с ними мягок и заботлив, а Ка-нану гордился своими победами над женскими сердцами и, используя силу, обращался с девушками совершенно невежливо.

Ка-нану казался А-эа страшнее, чем зверь, но, пока они шли к источнику, юноша держал ее за руку.

— Моя маленькая антилопа А-эа,— шептал он.— Наконец-то я поймал тебя. Теперь ты от меня не сбежишь.

Тщетно она сопротивлялась и умоляла его. Подхватив А-эа на руки, юноша быстрым шагом направился в глубь леса.

Девушка начала отчаянно бороться, отговаривая его.

— У меня не хватает сил освободиться, но я опозорю тебя перед всем племенем,— заявила она.

— Тебе меня никогда не опозорить, маленькая антилопа,— возразил юноша, но А-эа прочитала другое, более зловещее намерение на его жестоком лице.

Все дальше и дальше в лес уносил он ее. Но вот он остановился посреди полянки, встревоженный чем-то.

Из тени деревьев им навстречу шагнуло огромное чудовище — волосатая, ужасная тварь.

А-эа закричала, когда увидела приближающуюся тварь. Ее крик подхватило эхо и разнесло его по лесу. Ка-нану, испугавшись и побледнев, уронил А-эа на землю и сказал, чтобы она бежала. А сам, вытащив нож и топор, шагнул вперед.

Неандерталец приблизился, не спеша переставляя свои короткие, кривые ноги. Он весь покрыт был волосами, и черты его лица были более ужасными, чем лик обезьяны, потому что казались гротескной пародией на человека. Плоский нос с вывернутыми ноздрями, скошенный подбородок, клыки, узкий лоб. Огромные длинные руки свисали с покатых, невероятных

плеч. Чудовище словно дьявол шагнуло к испуганной девушке. Его обезьянья голова едва доставала до плеча Ка-нану, однако он был тяжелее воина по меньшей мере на сотню фунтов.

Он налетел, словно атакующий бык, и Ка-нану смело встретил его. Юноша ударил кремневым топором и обсидиановым кинжалом, но чудовище отмело топор в сторону, словно он был игрушкой. Неандерталец перехватил руку, державшую нож. А-эа видела, как чудовище оторвало сына советника от земли и подняло его в воздух. Потом тварь швырнула Ка-нану через поляну, прыгнуло на него и разорвало на части.

Потом неандерталец переключил свое внимание на девушку. Желание зажглось в его ужасных глазах, когда он неуклюже направился к ней. Его огромные, волосатые лапы, потные и окровавленные, потянулись к ней.

Не в силах бежать, девушка лежала на земле, дрожа от ужаса и страха. Чудовище подтащило ее к себе, злобно глядя в глаза А-эа. Налюбовавшись, неандерталец перекинул девушку через плечо и переваливаясь пошел к зарослям. Девушка знала, что ужасное создание потащило ее в свое логово, и не один мужчина не посмеет проникнуть туда, чтобы прийти ей на помощь.

* * *

Га-нор спустился к источнику выпить воды. Он видел следы парочки, прошедшей до него этой же тропинкой. Его даже ничуть не взволновало, что не было следов, ведущих обратно, к пещерам.

Для людей того далекого времени следы были все равно, что портреты. Га-нор по следам знал, что мужские следы принадлежали Ка-нану. А другие следы были теми же самыми, что он обнаружил возле своей пещеры. Конечно, Га-нор удивился, но его не слишком-то интересовала жизнь племени. Он жил своими картинами.

Неожиданно женские следы исчезли, а мужчина повернул в сторону джунглей. Теперь его следы были вдавлены намного глубже, чем раньше. Значит, Ка-нану взял девушку на руки.

Га-нор был не глупым человеком. Он знал, что если мужчина уносит девушку в лес — дело нечисто. Если бы она хотела отправиться туда с Ка-нану, она бы пошла сама.

Теперь Га-нор склонен был вмешаться в происходящее. Возможно, другой мужчина, оказавшись он на месте Га-нора, лишь пожал бы плечами и пошел своей дорогой, размышляя о том, что не слишком хорошо ссориться с сыном советника. Но Га-нор имел несколько другие взгляды, ему стало интересно узнать, что же произошло. Более того, хотя он не славился как воин среди своих соплеменников, он ничего не боялся.

Проверив топор и нож, заткнутые за пояс, он крепче сжал копье и отправился по следам.

* * *

Дальше и дальше, все глубже в лес уносил неандерталец маленькую А-эа.

Лес вокруг стоял безмолвным, словно злым. Не пели птицы, не жужжали насекомые. Через

нависшие над головой деревья не пробивался ни один солнечный луч. Мягкими бесшумными шагами неандерталец несясь вперед.

Звери уступали ему дорогу. Огромный пиктон пересек тропинку, и неандерталец взлетел на дерево со скоростью, удивительной для такого массивного тела. Хотя он не очень-то любил лазить по деревьям, и это не ускользнуло от глаз А-эа.

Раз или два девушка мельком видела других чудовищ, как две капли воды похожих на того, что ее похитил. Очевидно, похититель унес ее далеко от тех мест, где обитало племя А-эа. Другие неандертальцы избегали их. Это еще раз свидетельствовало о том, что живут они, как звери, объединяясь только перед лицом общего врага, что ныне случалось не часто, обычно лишь когда кроманьонцы шли на них войной.

Похититель отнес девушку в свою пещеру — маленькую, плохо освещенную лишь тем светом, что проникал в нее через вход. Неандерталец грубо швырнул ее на пол пещеры. А-эа так и осталась лежать там, слишком испуганная, чтобы встать.

Чудовище наблюдало за ней, напоминая какого-то лесного демона. Оно даже не пыталось объяснить со своей пленницей, как порой делают обезьяны. Неандертальцы не владели членораздельной речью.

Неандерталец предложил девушке мяса, сырого конечно. Но вместо того чтобы принять приношение, А-эа затрепетала от ужаса. Она увидела, что это рука ребенка. Когда чудовище

увидело, что пленница кушать не собирается, оно поело само, разрывая плоть огромными когтями.

Поев, человеко-обезьяна обвила девушку своими огромными лапами, ставя синяки на нежном теле А-эа. Неандерталец запустил пальцы в волосы девушки, и когда он увидел, что причиняет боль своей жертве, глаза его заблестели злодейским весельем. Он вырвал пригоршню волос, казалось, наслаждаясь муками своей пленницы. А-эа крепко сжала зубы и не стала кричать, как вначале, и тогда чудовище прекратило эту забаву.

Потом чудовище заинтересовала одежда А-эа — набедренная повязка из шкуры леопарда. Этот зверь был вечным врагом неандертальцев. Сорвав шкуру с бедер девушки, чудовище разорвало ее на части.

А тем временем Га-нор, торопясь, пробирался по лесу. Он почти бежал, и лицо его напоминало лик дьявола, после того как он побывал на залитой кровью поляне и обнаружил следы чудовища, уходящие вглубь джунглей...

Покончив со шкурой неандерталец снова потянулся к А-эа.

Девушка отскочила. Человеко-обезьяна потянулась за ней. Чудовище загнало А-эа в угол, но девушка поднырнула под руку твари и вывернулась. Но все равно чудовище стояло, отгородив девушку от выхода из пещеры.

Все равно рано идти поздно он загонит несчастную в угол, и она не сможет вывернуться от него. Девушка притворилась, что готовится

прыгнуть в одну сторону. Неандерталец нагнулся, чтобы броситься в том направлении, и тут девушка быстро, словно кошка, прыгнула в другую сторону, метнулась мимо чудовища, выскользила из пещеры.

Ужасная тварь с ревом метнулась за ней следом. Камень вывернулся из-под ее ноги, и А-эа полетела головой вперед, даже не успев выставить вперед руку. Когда чудовище снова потащило ее в пещеру, она закричала яростно, испуганно, без надежды в голосе. Так кричит лишь женщина, попавшая в лапы к зверю.

Га-нор услышал крик, когда начал спускаться в расселину, где пряталась пещера. Он быстро и осторожно двинулся вперед. Заглянув в пещеру, он пришел в бешенство. В тускло освещенной пещере застыл огромный неандерталец. Его свиные глазки уставились на жертву. Он был огромным и от него пахло свежей кровью. У ног чудовища лежала молодая девушка, чье белое тело выглядело контрастно на фоне косматого чудовища, сжимавшего в лапе волосы девушки.

Неожиданно неандерталец взвыл, бросил свою жертву и обернулся. И Га-нор не стал состязаться в грубой силе с мощью чудовища, а, отскочив назад, выскользнул из пещеры. Его копье взлетело, и чудовище взвыло, когда копье пронзило его лапу. Еще раз отскочив, воин вырвал копье из тела врага. Снова неандерталец бросился вперед, и снова Га-нор отскочил, поразив копьем могучую, волосатую грудь чудовища. Так они и сражались: скорость и разум против грубой силы и дикой мощи.

Один раз огромная рука чудовища, хлестнув по воздуху, достала Га-нора, задев его за плечо, и отшвырнула его на дюжину футов. Рука отказалась повиноваться юноше. Неандерталец бросился на него, но Га-нор успел откатиться в сторону и снова вскочить на ноги. Снова и снова острие копья окрашивалось кровью чудовища, но это лишь больше и больше раздражало ужасную тварь.

Затем, неожиданно для себя, воин уперся спиной в стену расщелины. Он услышал, как вскрикнула А-эа, когда чудовище бросилось вперед. Копье было вырвано из рук юноши, и он оказался в объятиях врага. Огромные лапы сдавили шею и плечи юноши, гигантские клыки потянулись к его горлу. Упершись рукой в подбородок своего противника, юноша свободной рукой стал изо всех сил бить чудовище по морде. Такие удары оглушили бы обычного человека, но неандерталец их даже не замечал.

Га-нор чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Ужасные руки все сильнее сжимали его тело, угрожая сломать ему шею. Через плечо своего противника он увидел, как, сжимая в руках камень, сзади к чудовищу подбирается А-эа.

Прилагая невероятные усилия, юноша дотянулся до своего топора. Но тела противников так тесно прижались друг к другу, что юноша не мог вытащить оружие. Казалось, Неандерталец собирается просто-напросто раздавить своего врага. Но локоть Га-нора по-прежнему упирался в шею чудовища, и чем сильнее оно сдавливало юношу, тем глубже впивался в шею

твари локоть молодого охотника. И вот, не в силах больше терпеть боль, зверь отшвырнул от себя человека. И тут же одним быстрым движением Га-нор выхватил топор и, ударив изо всех сил, расколол голову чудовищу.

С минуту, пошатываясь, стоял Га-нор над своим врагом, а потом почувствовал мягкие прикосновения и увидел милое личико.

— Га-нор! — прошептала А-эа, и юноша обнял девушку.

— Я сберегу ту, за которую сражался, — прошептал он.

Так все и было. Девушка, унесенная в лес на руках похитителя, вернулась назад рука об руку с любимым.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНЫЙ ВЕТЕР

Перевод с англ. М. Райнер

Добрый рыцарь	7
Особняк подозрений	37
Повеса из Найф-Ривер	73
Пушки Хартума	95
Истории о Стиве Аллисоне	119

КОГОТЬ ДРАКОНА

Бронзовый павлин	
<i>Перевод с англ. М. Скороденка</i>	195
Дул черный ветер	
<i>Перевод с англ. С. Буренина</i>	225
Ярость медведя	
<i>Перевод с англ. М. Скороденка</i>	257
Как избавиться от труса	
<i>Перевод с англ. В. Вольфсона</i>	279
Скачущий-с-Громом	
<i>Перевод с англ. В. Федорова</i>	301
Кольцо Сета	
<i>Перевод с англ. Е. Гончаровой</i>	333
Коготь дракона	
<i>Перевод с англ. Е. Гончаровой</i>	375
Копье и клык	
<i>Перевод с англ. А. Лидина</i>	411

Литературно-художественное издание

ГОВАРД РОБЕРТ ИРВИН

КОГОТЬ ДРАКОНА

Составитель *Александр Тишинин*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Художественный редактор *Андрей Татарко*

Верстка *Анны Новиковой*

Корректор *Вера Безьянская*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.09.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68. Тираж 5000 экз.

Заказ 5038.

Издательство «Северо-Запад».

Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197046, Санкт-Петербург, а/я 771.

E-mail: sevzap@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Минская фабрика цветной печати.
220024, Минск, ул. Корженевского, 20.

Впервые в России!

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА

ВЫШЛИ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

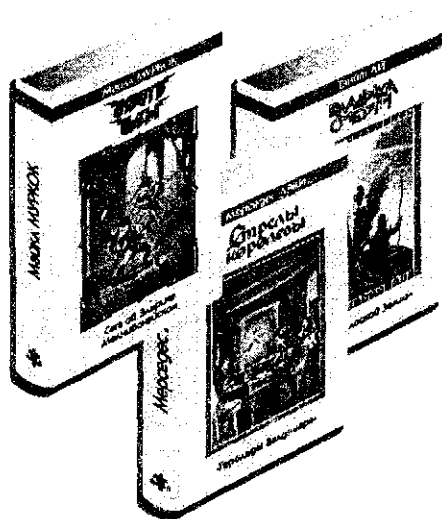
- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гонимые смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •
- Воин снегов •
- Тропа войны •
- Брат бури •
- Молчание идола •
- Коготь дракона •

*****fantasy*****

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВОСБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ ШИТ ПРОТИВ ЗЛА

**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ

Впервые в России!
ЗНАМЕНИТАЯ ЭПОПЕЯ

**МАЙКЛА МУРКОКА
"САГА ОБ ЭЛЬРИКЕ
МЕЛНИБОНЭЙСКОМ"**

В 4-х томах

- ♦ ПОХИТИТЕЛИ СНОВ ♦
- ♦ СТРАЖ ХАОСА ♦
- ♦ МЕСТЬ РОЗЫ ♦
- ♦ ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ ♦

SCIENCE FICTION

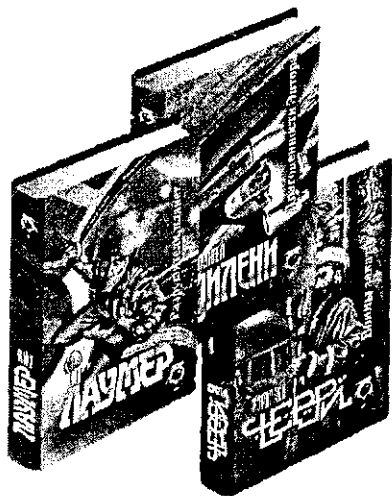
ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «SCIENCE FICTION»

МИРИАДАМИ СВЕРКАЮЩИХ ГРАНЕЙ
ВСПЫХИВАЕТ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
ОГРАНЕННЫЙ ТАКИМИ МАСТЕРАМИ КАК

**КЕН КАТО, МИКАЭЛА РОССНЕР,
КЭТРИН КЕРР и КЭРОЛАЙН ЧЕРРИ,
КИТ ЛАУМЕР, СЭМЮЭЛ ДИЛЕНИ**

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ВОВЛЕЧЕТ ВАС
ВО ВСЕЛЕНСКУЮ ИГРУ, ПРАВИЛА
И ЗАКОНЫ КОТОРОЙ — ЗАГАДКА.
НО ЕСЛИ ВЫ ВЫЙДЕТЕ ПОБЕДИТЕЛЕМ —
ВАМ ЭТОГО НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ!

ПЕРЕКРЕСТОК
МИРОВ

Читайте в серии
«Перекресток миров»
НОВЫЕ КНИГИ

**Михаила Ахманова
Константина Бояндина
Андрея Валентинова
Сергея Герасимова
Андрея Дашкова
Святослава Логинова**

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
"АСТ"

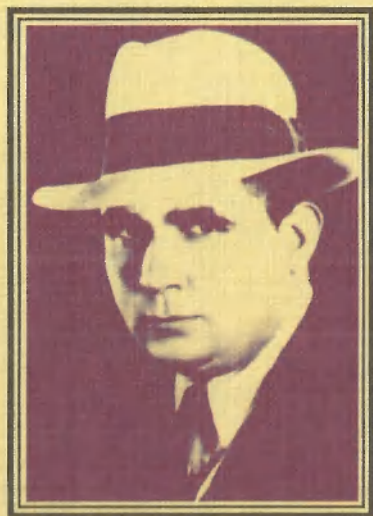
По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г.Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

собрание сочинений

Роберт Ирвин Говард

(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

**Схватка продолжалась среди бушующего
пламени, словно на пороге преисподней
вели бой сами демоны смерти.
Ветус чувствовал, что одолевает врага...
Как вдруг за спиной у него с воем
и скрежетом разверзлась земля,
и из ее каменного чрева явился на свет
новый противник.
Тот самый, которого Ветус убил первым...**

•Северо-Запад®

ISBN 5-87365-060-8

9 785873 650606